

СТОЛИЦА

№18 (180) 1994г.

**...СМЕРТИЮ
СМЕРТЬ
ПОПРАВ**

иллюстрированный еженедельник

Удсн 76878

БАНК

"АЭРОФЛОТ"

ВСЕГДА НА ВЫСОТЕ

БАНК АЭРО

Москва, ул. Новый Арбат, д. 13
тел. 202-63-64

«ХВ»

Алексей МИТРОФАНОВ

Уж позади Великий пост. Для кого — не такой уж великий, а для большинства — и не пост. Батюшка по «ящичку» сказал, что главное — не от мясного отворачиваться, а любить друг друга. Вот мы и утешились. Сосиски жрем, друг друга любим вроде бы. И нет у нас поста.

Но пасху — вынь-положь. Поститься — дудочки, а розговляться — с нашим удовольствием. Три китайца красят яйца.

Так давайте хоть вспомним о том, что такое Пасха настоящая, Пасха выстраданная, отработанная животом и душой.

К ней готовились загодя. Стирались, прихорашивались. Дворник лед на мостовой сбивал «под пыль». Весна — долой все зимнее. Специальной щеткой — «пауком» — сметали паутину с потолков. Развешивали лампы для иллюминации. На крышах, на крестах церковных, просто на столбах. Цветные флаги устанавливали.

А в магазинах появлялись формочки для куличей, для «пасх» (творожное изделие такое) и специальные бумажки для яиц, разных цветов, с узорами, с картинками. Яйца заворачивали в эти самые бумажки и изображение переходило на скорлупу.

В Вербное Воскресенье устраивали специальный базар — с «тещинными языками» — длинными надувными полосочками, с «морскими жителями» — чертями, плавающими в бутылочках, способными по воле владельца всплывать и тонуть, и, конечно, с настоящей вербой.

Затем — опять приготовления. Чистить-красить, доски-формы резать, чтобы пасхи в своем доме делать. Ведь можно готовую пасху купить, можно — готовую форму, а можно — все самим.

И, наконец, Великая Суббота. Куличи несут святить, по всем углам пунцовые лампадки зажигают. Чехлы снимают с мягкой мебели.

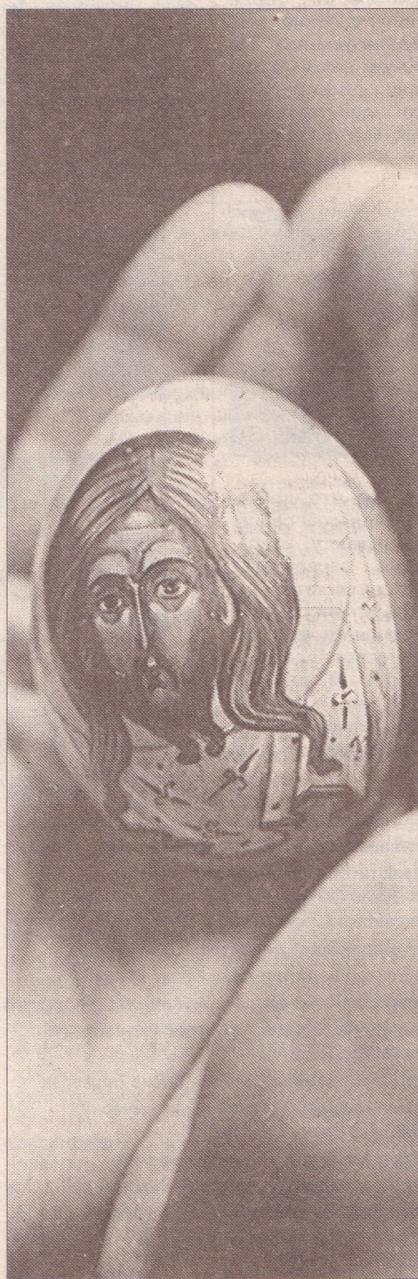

Фото Ю. Шугина

И запах можжевельный повсюду.

Под вечер — прилягут соснуть, перед службою. И — на крестный ход. Воск со свечек капает на пальцы, застывает.

«Христос воскрес из мертвых...»

А перед алтарем горит — «ХВ».

Наутро — розговляются. Стукаются крашеными яйцами. Христосуются. Яйцо от первого христосования — «наисвященнейшее».

И друг другу дарят сувениры — пасхальные яйца из дерева, стекла и кости.

А хулиганы-гимназисты шастают по храмам целоваться с барышнями:

— Христос воскрес!

Они же вскоре побегут на «пасху пролетарскую» — «маевку» с прокламациями. А повзрослев, станут пописывать в журнал «Безбожник». Их дети будут радоваться жизни, покупая в магазинах перед Пасхой кекс «Весенний», и вместо службы — всей семьей усядутся у «ящичка», глядеть какой-нибудь хороший фильм (запущенный в эфир специально, чтобы они остались дома).

А внуки — розговятся, не постятся, красными яйцами под водочку, да с вечера. И умилятся собственному реверансу в сторону религии. И не подумают, что съест яйцо раньше времени — великий грех.

Особенно, когда без покаяния.

Для нас — что мед, что йод. Что Первомай, что Пасха.

Это — выходной; все дома гроношатся, телевизоры на весь подъезд орут, коты шныряют всюду. Это — возможность выпить «по закону», без страха и упрека. Это — когда телефон надрывается, когда женщины с утра на кухне — плачут над луком, предназначенным в салат. Это — когда мужчины часто ходят покурить к мусоропроводу и постоянно трутся около буфета. Женщины же огрызаются и вместо возделенной «беленькой» предлагают мужчинам — все то же — яичко!

Крашенное в луковых лохмотьях, с синюшным переваренным нутром. ■

В НОМЕРЕ

1 ПОЛИТИКА

Ю.Гусман:

Меня можно как угодно обозвать, но только не «специалистом в области геополитики»... Я в ней разбираюсь не более чем любой «пикейный жилет», читающий газеты и слушающий радио. Вы правы: я — абсолютно «засланный казачок»...

8

В.Воронов:

Братство по оружию. Все они пользуются одними методами — секретными. Все они собирают информацию — и добывают преимущественно то, что скрыто от всеобщего взора.

10

А.Касатов:

Город Мирный — город военный, закрытый, со всеми вытекающими отсюда последствиями для него и 38 тысяч мирян (так именуют местных жителей). Но, скорее, они «миряне наоборот», ибо, словно монахи, живут в замкнутом пространстве своего городка.

13

2 ЭКОНОМИКА

В.Агеев, ст. оперуполномоченный по особо важным делам ГУ по экономической преступности МВД России:

Наш главный козырь — быстрота и наступательность действий в закреплении доказательств. Если этого нет, преступление становится недоказуемым... Но если мы примем закон в той интерпретации, о которой я говорил, то действительно сможем бороться с коррупцией.

20

С.Панов:

Казалось бы, ну что плохого в том, что люди добровольно работают помногу, стараясь побольше заработать? Кажется, к этому и хотят нас заставить стремиться. А между тем американцам уже ясно: неравномерное распределение работы и свободного времени ведет к снижению уровня жизни одних и снижению качества жизни других.

22

3 ЖИЗНЬ

Специальный раздел

Пасха

Мы отмечаем Пасху — «праздников праздник и торжество торжеств»... «Христос воскрес из мертвых, смертью смерть поправ и сущим во гробех живот даровав» — ликующий пасхальный тропарь не только возвещает миру Светлое Воскресение, но и указывает на путь, которым должен следовать человек, принявший в сердце эту весть.

28—40

На первой странице обложки: храм Христа Спасителя. Проект Ю.Селивёрстова. Фото Э.Кудрявицкого и В.Шишова

4 КУЛЬТУРА

Н.Нафталиева:

У нас есть известные модели. Но русской моды нет. мода — это идеи, это стиль. Яркое выраженного «русского стиля» пока не существует...

52

В.Белопольская:

Михалкова помнят... за то, что ЗНАЧИТ. Ему полноценно завидуют — он вызывает зависть, как всякий абсолютно состоявшийся человек.

59

Л.Петрушевская

Дикие животные сказки

61

Москва, 101425, ГСП-4, Петровка, 22
Телефоны: 928-23-49, 921-67-45
Телефакс: 921-29-85
Телекс: 413739 autp

Журнал «Столица» выходит еженедельно с августа 1990 г.

Зарегистрирован Министерством печати и информации Российской Федерации 25 октября 1993 г. (№ 0110344).

Учредитель: редакция журнала «Столица». Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции. При перепечатке ссылка на «Столицу» обязательна. Редакция в переписку не вступает.

С предложениями о размещении рекламы звоните по телефону: 923-19-71

По вопросам распространения обращайтесь по телефону: 928-27-69

Главный редактор: Андрей Мальгин

Заместители главного редактора:

Консуэло Сегура, Петр Смирнов, Владислав Старчевский

Коммерческий директор: Юрий Бычков

Директор издательства: Борис Рабкин

Ответственный секретарь: Анатолий Остроухов

Отдел общественно-политической жизни:

Александр Касатов

Отдел экономики и науки: Елена Эрикссен

Отдел правовых и морально-этических проблем: Елена Салина

Отдел искусств: Татьяна Савицкая

Отдел литературы: Дмитрий Быков

Отдел информации: Владимир Грибанов

Отдел писем: Наталья Туровская

Номер набран и сверстан в фотонаборном центре еженедельника «Столица» на системе «Скантекст—2000», поставленной фирмой «Аутопан»

Номер подлисан в печать 27.04.1994 г.

Тираж 87 000

Цена договорная

Над номером работали:

К.Сегура, Н.Ударцева, И.Мельникова

© «Столица», 1994

Отпечатано в издательско-полиграфическом комплексе «Московская правда», ул. 1905 г., д. 7. Зак. 0891

той с пятиэтажный дом, а общая масса конструкции — около 30 тонн. «Глобус» навешен на массивную стальную колонну — «земную ось», что позволяет легко вращаться при такой огромной массе. Сама колонна стоит на четырех опорах, доходящих, как говорят, аж до земли, сквозь расположенный ниже ресторан. Один электромотор вращает «Землю», а два других крутят в противоположном направлении обруч с буквами. Лозунг, естественно, заменили, оставив слово «Аэрофлот» и добавив «БАНК». А вот самолет ТУ-144 — оставили, ведь он стал логотипом банка. И хотя его давно нет на воздушных трассах, «Землю» на Новом Арбате он послушно облетает каждый вечер.

ВСЕГДА НА ВЫСОТЕ

Многим москвичам хорошо знаком огромный глобус, установленный в конце Нового Арбата. Когда-то его украшал рекламный лозунг «Аэрофлот — скорость и комфорт», вносивший хоть какое-то разнообразие в рекламу тех лет. Другой световой рекламы, помимо набивших оскомину «Летайте самолетами Аэрофлота» и «Храните деньги в сберегательных кассах», у нас не было. «Шарик» исправно крутился, рекламируя единственную в стране авиакомпанию, пока в самом начале перестройки и ускорения что-то не случилось с его электромеханикой. «Земля» остановилась и потухла.

Простоял так «шарик» лет восемь — до осени 1993 года. «Аэрофлот» за это время успел рассыпаться на множество авиакомпаний и потерять большую монополию. Ни о скорости, ни тем более о комфорте и речи уже не шло. «Шар» явно висел обузой на балансе авиакомпании. И тогда его просто продали. Приобрел «объемпространственную крышную газосветную рекламную установку в виде шара «Глобус» (под таким именем «шарик» проходит по документам) банк «Аэрофлот», готовившийся отметить свое пятилетие. Решили, что наиболее эффективное применение «Глобуса» — это возвращение ему рекламных функций. И начались восстановительные работы.

Работа предстояла немалая, тем более что не сохранилось ни схем, ни технической документации на довольно сложное устройство. Это только с земли шар кажется маленьким, на самом деле он — высо-

Немало хлопот доставил ремонт оболочки. Выполнена она из оргстекла двух цветов: синего для морей и океанов и зеленого для материков. Причем материк очень аккуратно вклеены в Мировой океан. Оболочка крепится к металлическому шарообразному каркасу, внутри которого помещены все механизмы и лампы, по вечерам освещающие шар изнутри. В октябре 1993 года шар, неожиданно для себя, оказался на поле боя. На шестнадцатом этаже здания, рядом с которым находится шар, засел снайпер, методично обстреливавший пересечение Нового Арбата с Садовым кольцом. И то ли в связи с отсутствием времени на раздумья, то ли еще по каким причинам, только для борьбы со снайпером был использован БТР, открывший огонь по зданию. Неизвестно, помогло ли это в борьбе со снайпером, но фасад здания лишился в результате залпа всех своих окон (некоторые не вставлены до сих пор), а «Глобус» получил, как сказали бы медики, «множественные осколочные ранения». Пробоины «на суше и на море» пришлось аккуратно заклеивать оргстеклом соответствующих цветов, вырезая каждый раз заплату точно по форме пробоины.

Основные работы по возобновлению вращения глобуса банк «Аэрофлот» завершил к 8 Марта, преподнес не только женщинам столицы, но и всем москвичам примечательный подарок. И теперь по вечерам, проходя или проезжая по Новому Арбату, мы можем любоваться вращением нашей зеленовато-голубой планеты.

История с восстановлением «Глобуса» характеризует банк «Аэрофлот» как склонный ко всяческому техническим новшествам. Одно из них — система электронных платежей «Банк-Клиент», разработанная и установленная по заказу банка фирмой «Сигнал-РОКС». Такая система позволяет давать поручения банку и проводить платежи, не выходя из своего офиса. Любой бухгалтер знает, сколько

времени приходится простаивать в очередях к операционистке. В банке «Аэрофлот» этого нет. Любая обслуживаемая банком фирма или организация может стать абонентом системы «Банк-Клиент». Банк подключает вас к международной компьютерной сети SPRINT и выдает вам специальный пакет программ «Крипто-РОКС». К компьютерной сети посредством модема подключается обычный IBM-совместимый компьютер, какой сегодня есть в каждом офисе, и вы можете забыть, что такое ежедневные посещения банка. Все расчетные операции вы производите из своего офиса через свой компьютер. При этом конфиденциальность передаваемой информации гарантируется использованием криптографического пакета защиты, то есть шифрованием всей информации, проходящей по компьютерной сети. Если обычные платежные поручения подписываются руководителем фирмы и главным бухгалтером, то здесь их подписи тоже отсутствуют, но только в цифровом виде — при помощи секретных дисков, доступ к которым со стороны третьих лиц невозможен. Подписанные таким образом платежные поручения шифруются и по сети SPRINT поступают в банк, где расшифровываются и принимаются к исполнению. Аналогичным образом банк передает выписки по движению денежных средств на счете клиента, заверенные электронной подписью обслуживающей данного клиента операционистки.

Использование коммуникаций сети SPRINT позволяет банку «Аэрофлот» без проблем и при минимальных затратах обмениваться закрытой информацией с шестью отделениями в Москве и Московской области, с филиалами, которых у банка уже 10, и с клиентами — в какой-то точке мира они бы ни находились; иметь телексную, факсимильную связь и электронную почту с абонентами 110 стран мира.

Для еще большей оперативности при расчетах с зарубежными партнерами банк «Аэрофлот» стал членом международной телекоммуникационной системы банковских расчетов SWIFT и с 1994 года приступил к работе в этой системе. Сейчас банк имеет прямые корреспондентские отношения более чем с двадцатью ведущими банками мира, а персонал расчетного центра укомплектован квалифицированными кадрами, прошедшими стажировку в Германии.

Созданный в декабре 1988 года как отраслевой банк для обслуживания предприятий и объединений гражданской авиации, за пять лет банк «Аэрофлот» превратился в универсальный банк с мощным потенциалом, входящий по эффективности и рентабельности в число ведущих банков России. Сегодня банк оказывает практически весь комплекс услуг, известных в мировой практике, даже таких новых для российских бизнесменов, как страхование валютных рисков (опцион, хеджирование, форвард). И, перефразируя всем знакомое «Летайте самолетами Аэрофлота», хочется сказать: «Пользуйтесь услугами банка «Аэрофлот». И ваш полет в мире бизнеса станет легким и приятным».

Вадим КАНТОР

ПОЛОЖЕНИЕ ХУЖЕ ГУБЕРНАТОРСКОГО

Представители президента в провинции еще живут, но нельзя сказать, что здравствуют. Жалобы на свое политическое самочувствие многие из них излагают уже публично, последнее время — все чаще и чаще. Эти жалобы пронизаны одним пафосом: глава государства отдал своих наместников на съедение губернаторам.

Губернаторы, однако, не остаются в долгу и, отвергая засланных к ним политических опекунов, направляют в Кремль свой поток недовольства. Недавно 19 глав администраций (Воронежской, Липецкой, Новгородской, Амурской, Нижегородской, Ленинградской и других областей) обратились к Борису Ельцину в просьбой «еще раз вернуться к рассмотрению вопроса о прекращении деятельности представителей президента в регионах».

Что этот Карфаген должен быть разрушен, фиксировалось в решениях шестого, седьмого, девятого съездов Верховного Совета — почти два года идет борьба за упразднение «комиссара» при губернаторе. Но, как сообщил мне начальник управления по работе с территориями администрации пре-

зидента Николай Медведев, институт наместников в обозримом будущем ликвидирован не будет.

По мнению Медведева, роль представителей президента в регионах еще не исчерпана. По-прежнему требуется некое должностное лицо «для проведения линии главы государства на местах», а также для того, «чтобы региональные интересы не возобладали над федеральными».

Логика рассуждений в пользу сохранения нового наместничества, учрежденного после августа 1991-го, примерно такова. Администрация российских провинций, сформированная, как правило, из старой номенклатуры, проявляет несвойственную ей прежде страсть к дискуссиям вместо безоговорочного и усердного исполнения верховной воли, к чему, казалось бы, приучена. При этом государственные чиновники воруют, берут взятки, занимаются частным бизнесом с азартом и размахом, доселе невиданными. Этим хаосом и административной вольницей и призван на службу наместник главы государства российского. Доверенное лицо президента, назначенное поддержи-

вать ток высокого напряжения из Кремля в провинцию, обеспечивать оперативную и сильную власть на местах.

Тогда почему столь нужные как будто бы чиновники оказались, судя по их заявлениям, у президента не в чести? Признаки заметного охлаждения Ельцина к своим представителям в провинции и одновременно все большей его расположенности к главам администраций отмечаются многими, кто так или иначе причастен к исполнительной вертикали. На недавнем совещании руководителей регионов Сергей Филатов категорически посоветовал представителям президента оставить губернаторов в покое, не докучать им всяческими придирками.

В том же духе высказался и Николай Медведев, полагающий, что «опасность образования «красного пояса» вокруг Москвы сильно преувеличена». По наблюдениям шефа российских регионов, «идет нормальный процесс». И хотя кое-где (Воронеж, Белгород, Рязань, Тамбов, Орел, Липецк...) преобладают консервативные настроения, обвинять местное руководство в сознательном саботаже реформ, на чем как раз и настаивают многие

представители президента, с точки зрения г-на Медведева, вряд ли справедливо.

На фоне таких заявлений особым смыслом (чтобы не сказать умыслом) наполняется проведенная недавно аттестация президентских наместников. Из перечня требований, предъявленных испытуемым, весьма показательны, скажем, такие: умение прогнозировать изменения; респектабельность, располагающий внешний вид; умение ясно излагать свои мысли; уверенность в себе.

Итог: три представителя президента уволены за «несоответствие». На очереди — еще несколько.

Аналогичная аттестация губернаторов не проводилась. Жаль, результат был бы не менее, а, может, более впечатляющим.

Таким образом, все очевиднее: результаты парламентских выборов и связанный с ними дальнейший ход событий велят президенту, насколько это возможно, перед угрозой потери репутации реформатора усмирять радикализм своих наместников. И все внимательней прислушиваться к главам администраций, осененных покровительством премьера и составляющих цвет Совета Федерации.

Потому-то положение президентского наместника сегодня — хуже губернаторского. И, кажется, это надолго.

Валерий ВЫЖУТОВИЧ

Стремление выглядеть в благоприятном свете и сделать себе рекламу не минало, кажется, уже никого. МВД России исключением не является. Последний брифинг в этом министерстве — яркая тому иллюстрация. Вот только что это: желание послужить Родине или заигрывание с общественностью? После пресс-конференции заместитель командующего внутренними войсками МВД России Станислав Федорович Кавун согласился ответить на несколько вопросов.

— На ваш взгляд, у армии, в частности у внутренних войск, есть имидж?

— Я думаю, что это одна из ахиллесовых пят внутренних войск. В недалеком прошлом, исходя из специфики задач, их имидж не создавался, о ВВ вообще речи не вели. Только когда межнациональные

конфликты захлестнули страну и ВВ оказались на острие этих проблем, о них заговорили и появилась возможность создавать имидж. Специфика такова, что на ней много не наиграешь. Это не пограничные войска, не вооруженные силы, где глобальные задачи. Разве можно воспитать юношу, стремящегося охранять осужденных? Всегда казалось, что это как-то... А ведь такая необходимость существует.

— Какие цели преследует популяризация ВВ?

— Популяризируя ВВ, мы стараемся привлечь людей для службы, учебы в учи-

лищах и работы по контракту. Создаем имидж, исходя из государственных интересов.

— Чем, на ваш взгляд, объясняется непопулярность армии в целом и внутренних войск в частности?

— Когда войска становятся единственным гарантом жизни и здоровья граждан, тогда, хочешь не хочешь, полагается популярность.

— Как вы относитесь к сближению церкви с армией. Не возвращаются ли те времена, когда в каждом полку был священник?

— Мы поддерживаем подобные контакты, но на этом не надо спекулировать и делать из этого шоу. До Ок-

тябрьской революции православие было государственной религией, по ныне действующей Конституции у нас свобода религиозных убеждений. Поэтому кроме православного священника понадобится мусульманский мулла, еврейский раввин и т.д. Другое дело, что мы приветствуем взаимодействие с церковью в интересах воспитания. В истории русской православной церкви воинство и его поддержка были одним из ключевых направлений пропаганды.

— Как вы относитесь к людям, отказывающимся по своим убеждениям служить в армии?

— Я считаю, что для них должна существовать альтернативная служба. К подобным людям относиться с пониманием, хотя и не одобряю.

Владислав КОРНЕЙЧУК

ВНЕШНИЙ ВИД ВНУТРЕННИХ ВОЙСК

Складывается впечатление, что американцы давно испытывают ностальгию по шпионским страстям, к которым они было привыкли за годы «холодной войны», и теперь, после того как разгорелся скандал по делу двойного агента Олдрича Эймса, им хочется подольше «посмаковать» тему. Новый виток шпиономании может развернуться вновь, но уже с новой силой. На этот раз под сомнение ставится лояльность сотрудников Белого дома, которые, как известно, нередко общаются с самим президентом США.

В американскую печать просочились сведения о том, что в свое время КГБ завербовал официального сотрудника из администрации президента США Джими Картера с тем, чтобы тот передавал секретную информацию в Москву. Как сообщила газета «Нью-Йорк таймс», ссылаясь на официальных лиц из правоохранительных

ОТКРОЙ МНЕ ИСТИНУ... «СОКРАТ»

органов США, власти в срочном порядке приступили к расследованию подобных утверждений. Кстати, откуда появились эти утверждения?

Согласно полученным газетой сведениям, поводом послужила книга, еще не опубликованная, а только написанная Юрием Швецом, бывшим советским разведчиком, который и ставит себе в заслугу вербовку упомянутого представителя администрации. Книга так и называется «Вашингтонский пост: моя жизнь в Америке в качестве шпиона КГБ». Можно лишь догадываться, что в настоящее время Швец благополучно проживает в Соединенных Штатах.

Книга должна появиться в свет в издательстве «Саймон

энд Шустер» в мае этого года, и ее издатели не без основания надеются сорвать крупный куш. Они верно учяли момент: пока длится шумиха с «делом Эймса», надо ковать железо. Представитель издательства отказался комментировать содержание книги. Ознакомьтесь репортерам с рукописью он также не позволил. Известно лишь, что бывший сотрудник аппарата Белого дома работал еще и в государственном департаменте и имел кодовое имя «Сократ».

Согласно данным «Нью-Йорк таймс», «Сократ» не ограничивался лишь той информацией, которой обладал в силу своей прежней деятельности. Видимо, неплохо владея навыками

Джеймса Бонда, «Сократ»-искуситель соблазнил дочь одного высокопоставленного сотрудника ЦРУ и вынудил ее добывать секретную информацию.

ФБР пока в растерянности, действительно ли такие события имели место. И хотя некоторые официальные лица в Вашингтоне выражают скептицизм по этому поводу, ведомство для пущей верности поручило нескольким своим агентам расследовать эти сообщения.

Остается неясным и один весьма существенный вопрос, станет ли с опубликованием книги известно настоящее имя «Сократа». В том случае, если вместе с ним всплывут и другие пока «непорочные» имена, политический истеблиштмент Соединенных Штатов могут ожидать сильные потрясения.

Андрей СУРЖАНСКИЙ

ИЗ ГЛУБИН

ДОЛГОЕ ЭХО ИСТОРИИ

Если бы люди, «затевавшие» какие-то политические события, раздвигавшие или сопротивлявшиеся им, а также журналисты, эти события освещавшие, знали, чем дело кончится и «сердце успокоится» через много лет после того, как они сойдут в мир иной, им бы, скорее всего, стало грустно...

Вот и сегодня, получая известия из тех или иных уголков земного шарика о долгоиграющих событиях мировой истории, любопытно и бесполезно бывает если не обратить внимание к истокам, то, по крайней мере, прислушаться к до сих пор звучащему эху далеких, но так и не окончившихся до сих пор событий...

«...Последние сообщения из Южной Африки имеют очень тревожный характер. Высказываются определенные опасения относительно «черной революции», общего восстания черных против белых. Туземцы настроены угрожающе. Нападение негров-христиан на полицию в Натале вызвало во всей Южной Африке общий переполох. Говорят, что негры возбуждаются к восстанию черными же протестантскими миссионерами из Америки, а миссионеры эфиопской православной церкви выставляют программу: «Африка для

африканцев». Растерявшееся правительство прибегает к самым крутым репрессиям. Всюду двинуты войска. (...) Для подавления национального самосознания черных введена цензура над газетами и усилены меры полицейского надзора за черным духовенством. Но эти меры могут только отсрочить в будущем борьбу за политическую независимость целой расы. Она слишком живуча и сильна для того, чтобы исчезнуть с лица земли, как ис-

чезли американские индейцы. Не желая умирать, черная раса должна будет завоевать себе родину. Когда это произойдет — не знает никто...» («Нива», 1906).

Или вот еще рассуждение, столь актуальное в наше время, но заимствованное нами из газет далеко не сегодняшнего дня...

«...Взаимоотношения Балканских государств не представляют в наше время благоприятной почвы для объединения их в единую политическую волю, чем должен являться каждый союз. Интересы мусульман, католиков и православных в этом районе слишком различны, чтобы не быть проявленными в са-

мой резкой форме, и каждая попытка в направлении их объединения заранее осуждена на неудачу. Да и вообще, хотя союз Балканских государств, руководимый инициативой России, представлял бы огромную политическую силу, мы думаем, что руководители нашей внешней политики не настолько наивны, чтобы предаваться подобным платоническим мечтам. Объединение Балканских государств может быть делом лишь отдаленного будущего, когда наступит действительная согласованность их интересов, а пока любые попытки в этом направлении могут привести лишь к ненужным конфликтам и кровопролитию...» («Родина», 1910).

А вот тогдашнее сообщение из, как бы мы сказали сегодня, «ближнего зарубежья», а тогда с обычной окраины обычной колониальной империи:

«...Кавказ на протяжении последних лет снова угрожает стать горячим местом на российской карте. Откуда поступает оружие туда, где оно стреляет, где льется кровь? Частью ответить на этот вопрос можно, узнав в сообщениях из Тулы, что за сбыт оружия на Кавказ высылаются в Олонецкую губернию семь местных купцов» («Новости», 1910).

Вот такие дела. И что-то, аукнувшись в начале века, до сих пор отзывается страшноватым эхом в нашей сегодняшней жизни...

Юрий ГУЛЛЕР

Южная Африка сегодня
Фото из журнала
«Ньюсуик»

Валерия

НОВОДВОРСКАЯ

РЕФОРМЫ — ЭТО НЕНАВИСТЬ

«Весь покрытый зеленью — абсолютно весь — остров Невезения в океане есть». Это явно про Россию и ее реформаторов. Но на этом куплете сходство и кончается. Потому что хотя в России живут «несчастливые люди-дикари», вполне «на лицо ужасные», но внутри они совсем не добрые, а довольно-таки злые. Вроде аборигенов, которые съели Кука. А теперь хотят съесть Гайдара, а на сладкое — Борового! Хотя дальше по тексту — все верно. Что бы мы ни делали, не идут дела, и не только крокодил не ловится, но даже элементарная треска «выбрала свободу»; не только экзотический кокос не растет, но даже сахарной свеклы не хватает.

Эти исторические предпосылки заранее определили, как на Руси можно проводить реформы, особенно благодетельные (вредные реформы, вроде ВЧК и ГУЛАГа, карточек и парткомов, принимаются обычно «на ура»). Язвительный Салтыков-Щедрин в своей истории России (или города Глухова) описал наши будущие и прошедшие реформы в виде «войн за просвещение». Тот, кто внимательно читал великого классика, навеки усвоил, что и горчицу, и фермерство, и безработицу, и

привычку не бросать мусор мимо урны, и прочие полезные изобретения цивилизации, вроде банкротства, придется внедрять в массы методами, далекими от консенсусов.

Возьмем Ивана Грозного. Он был, естественно, антиреформатор. Но случайно угадал схему проведения успешных реформ. Большая часть общества, косная, темная, отжившая свое (электорат коммуно-фашистов, социалистов, наци и прочая нечистая сила), объявляется земщиной. У них свое самоуправление (Дума наша отлично подойдет). А авангардисты-западники во главе с царем-реформатором именуют тебя опричниной. Пыток и казней, конечно, не надо. На кол сажать не надо. Достаточно посадить в «Лефортово» и смежные учреждения. До победы капитализма (по расчетам Явлинского, это 10—15 лет). У седла не надо возить песью голову и метелку. Это грубо и неизящно. Достаточно текста Конституции и автомата Калашникова. В Александрову слободу уходить тоже не надо. Туда, за 101-й километр, выслать коммунистов и фашистов, если не перекуют мечи на орала. Думу разместить в Горках. И место их, прикормленное, и дворец готовый, и надлежащий надзор Юлий Гусман со своей фракцией психиатров обещал обеспечить. И не надо воевать с Литвой, избави Бог! Вступить в НАТО и разместить их базы и авианосцы с морской пехотой по периметру остро-

ва Невезения. Чтобы не ждать генерала Грачева на случай следующего мятежа. А если нет надежных тюрем для своих красно-коричневых, то в порядке гуманитарной помощи, вместо кредитов, отправить их в федеральные тюрьмы США. Там есть и место, и хорошая еда, и надлежащий уход. Если, конечно, на следующих выборах там победят республиканцы, а то г-н Клинтон, того и гляди, вспомнив свою левую комсомольскую юность и отказ идти сражаться во Вьетнам, объявит амнистию своим красно-коричневым бандитам. Если уж его эмиссары братаются с нашими... А на опричников у нас нашлись бы кадры «Август—91», «Живое кольцо», ДС, фермеры, белоказаки, бизнесмены.

Методу Грозного вполне усвоил Петр, хотя с обратным знаком, ибо он был неуклюжим, но несомненным западником. В неуклюжести и невежестве они схожи с Борисом Ельциным. Но, увы, не в силе и не в мужестве. И Петр, и Борис Ельцин увидели чужой недоступный Запад и пленились его благообразием, умом, талантом, чистотой, порядком, добротой. Но Петр был не трус и любил Запад как фанатик. Толстозадую матушку Русь, темную как Матренка-ноздры, он возненавидел. Ельцин же так и не смог возненавидеть СССР, хотя СССР этого заслуживал куда больше матушки Руси. А ведь главное топливо реформы — не энергоносители, а ненависть к прошедшему и настоящему. И Петра, и Ельцина учили кое-как. Но Петр потом страстно захотел учиться, и обучился (почище, чем в техникуме) десятку профессий, выучил языки, стал читать книги. То есть на английского лорда он не тянул, но на голландского матроса — вполне. Что до Бориса Николаевича, то на современного морского офицера британского, скажем, флота он не тянет. На матроса, пожалуй, претендовать может. Но в конце XX века этого уже маловато, ибо после бедного Петра была просвещенная вполне на уровне РГУ Екатерина, и Александр I, и Александр II тоже европейским монархам не уступали. Для того чтобы учиться, нужно много честности и мало самомнения, а у нашего президента — все наоборот. Сейчас он очень похож на тех бояр, с которыми когда-то боролся Петр: так же они сидели, лопаясь от важности, очень довольные собой, «брады уставя», в горлатных шапках и собольих шубах, думая только о величии своем и роли в истории, ни фига не понимая в государственных делах. Я поняла, почему Петр резал бороды и штрафовал за русское платье: если бы он ждал, пока добровольно переоденутся и подстригутся, было бы как с нашим КГБ,

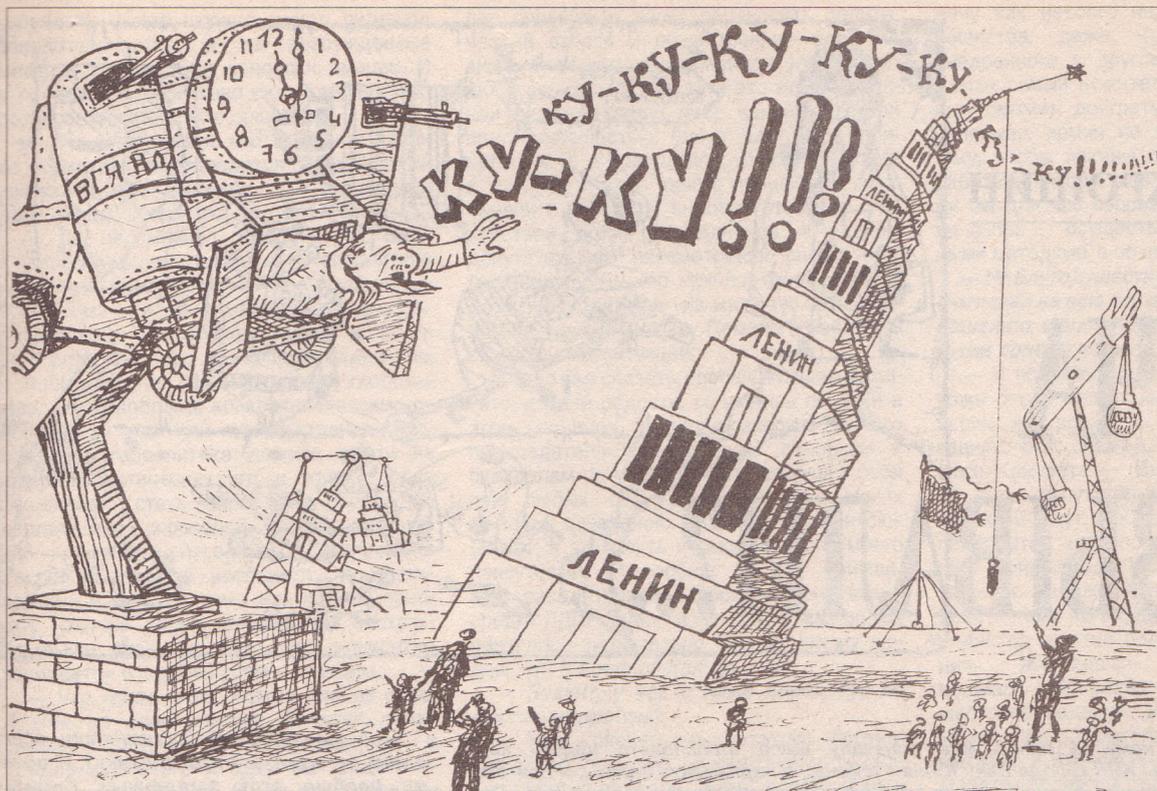

Рис. В.Сысоева

ВПК, армией и колхозами. Все это перестроится, когда рак на горе свистнет.

Откуда же Петр черпал силы и какие у него были «механизмы торможения»? Механизм торможения известен: общество покосное и исконное, заскорузлое, как портянка, занозистое, как дощатый пол, стоптанное, как старый валенок. Низы, которые называли его Антихристом. Верхи, которые спали 300 лет кряду и проспali всякий прогресс. Стрельцы, которые подчинялись тогдашней партноменклатуре: Хованским, Милославским, царевне Софье. Дума, еще не красная, но уже коричневая. Собственная жена. Собственный сын. Сестра. Брат. Патриарх (тогда еще сила). Монахи, священники, на которых он устраивал им же написанные театральные пародии. Бог, над которым он издевался. Раскольники. Словом, почище чем у нас. Наши красно-коричневые сжечься в скиту не хотят (был случай в «Белом доме», и то не воспользовались, вышли; был случай в «Лефортове», и то не отвергли амнистию, разбежались как крысы). А петровские раскольники сотнями сгорали. Стрельцы не просто не шли на выручку, как 3 октября, а бунты устраивали.

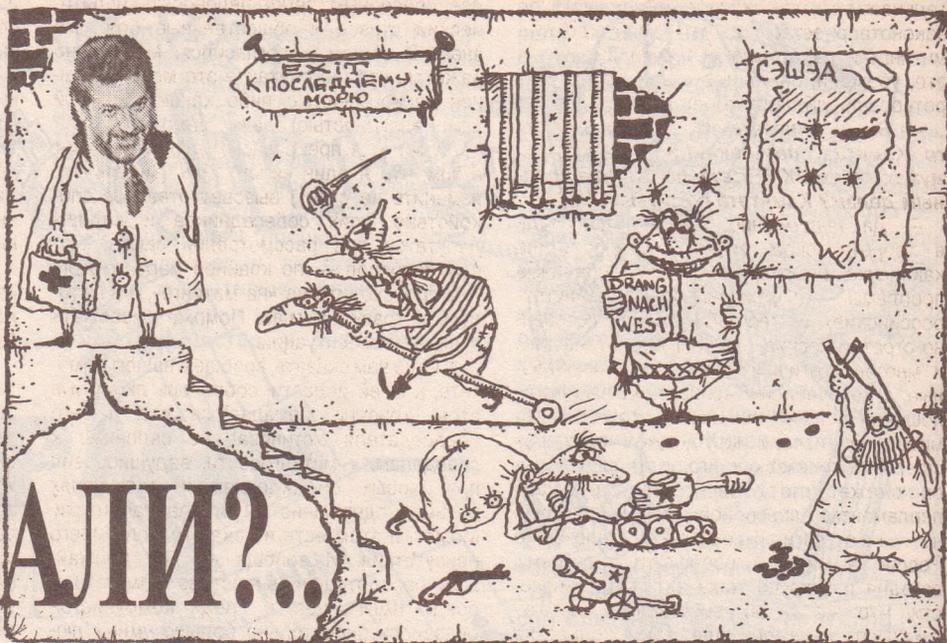
И все это Петра не остановило. Он никого и ничего не пожалел, но хотя бы внешне рванул на Запад, хотя бы утопил кондовую матушку Русь в ее же болоте. Спасибо ему и на том. Жену — в монастырь, сына — на дыбу и на тот свет. Круто.

Петр был настоящий большевик. Дыба и эшафот — это, само собой, лишнее, от недостатка воспитания и образования. Но Петр блестяще раскидал всех лишних и приставил к делу тех, кто был способен к нему. И ни черта он не боялся: ни Запада, ни Востока, ни молвы, ни Страшного Суда. Он заново сотворил Россию из ребра Запада, переломав предварительно ей ее тощие ребра. И на равных с ним, пожалуй, говорили только двое, Франц Лефорт и Алексашка Меншиков. Он, может быть, и воспринял бы возражения от собрата-реформатора, но, как и сегодня, вокруг были рабы — в кружевах или в холстине. Своих коричневых он просто вбил в землю по горло. Представляю, что бы он сделал с нашими красными... А опирался он на тех, кто разделял его страсть к Западу, на тех, кому не было дороги назад. И завел себе Преображенский и Семеновский полки не для парадов, а для августовских и октябрьских путчей. Эта возможность была и у Б.Н. Хватает тех, кому нельзя назад, в СССР. Чья шея уже в петле. Хватило бы охотников на нацгвардию, на потешные полки. Так почему пошло у Петра и не пошло у Б.Н.? Почему Петр I не трусил, не отступал, не колебался и не предавал своих, а Б.Н. все это делает, такой большой и могучий? Дело в том, что все мы — продукты своей эпохи и своего сословия. Петр был рожден господином, рожден, чтобы

править, и в праве своем на то не сомневался. Он был царь и бунтарь одновременно. Вместе это читается «реформатор». А Ельцин слишком долго был рабом Системы, Союза, КПСС, бедности, обстоятельств, страха и народа. Рабы (даже бывшие рабы) умеют бунтовать (со скрипом, через Ново-Огарево, отречение на пленуме ЦК КПСС etc), но не умеют царить. Воля к власти в соединении с великой идеей — достояние великих душ. Конечно, Петр был недобрый человек. Но на что нам доброта Б.Н.? Она уже стоила жизни 150 примерно подданным в октябре (взяли бы штурмом «Белый дом» до 21 сентября, меньше было бы жертв). И где была доброта, когда в тюрьме погибал Вил Мирзаянов? Свой... И казнены не враги, а друзья и союзники. Звиад Гамсахурдиа, в перспективе Джохар Дудаев, Егор Гайдар и все те, кто спасал Б.Н. в октябрьскую ночь, на кого он спустил из «Лефортова» красную сотню... С таким полководцем, как Б.Н., нужен заградотряд, чтобы он назад не повернул. Я воюю с 19 лет, и нет для меня возвышеннее закона, чем закон чести и войны. Я не могу уважать дезертирство и переход на сторону врага. О мы, несчастные преторианцы! Наш Кесарь, которому мы добыли абсолютную власть нашими мечами, бежит обратно через Рубикон с вражеской конницей на плечах!

Григорий КРОШИН

ВРАЧА ВЫЗЫВАЛИ?..

Коллаж А. Зайцева

Не знаю как кому, а лично мне поначалу было странно видеть капитана команды КВН города Баку Юлия Гусмана... в парламенте страны, и притом на полном серьезе. А еще раньше читать в газетах, что в абсолютно, казалось бы, нешуточном списке — общефедеральном! — кандидатов в Государственную Думу от блока «Выбор России» под таким-то порядковым номером значится популярный директор московского Дома кино. Конечно, не скрою, я несколько успокоился от первого шока, когда, внимательно вникнув во все списки, убедился, что от будущего парламента, как и от предыдущего, никто и не ждет особой серьезности: в этом смысле упомянутый список «Выбора России» все равно — несмотря ни на какого Гусмана — оставался самым нешуточным по сравнению с другими списками, в коих, видимо, тоже с целью пуцего увеселения мероприятия включили таких асов развлекательного жанра, как Газманов и Невзоров, Кашпировский и Гундарева, Говорухин и Минкин...

Правда, в конце концов не все поголовно из профразвлекателей оправдали надежды. Прежде всего, не все стали депутатами: где-то сорвалось, недорассмешили голосующую публику. Во-вторых, почти все те, кто стали, враз как-то скисли, сев в мягкие кресла на Новом Арбате, 36, то есть перейдя с творческих вольных хлебов на подневольные, хотя и немаленькие... Не говоря уж о том, что в пылу политической борьбы они нарочью утратили чувство легкого жанра.

Держится в жанре один Юлий Гусман, 50 лет, врач по первому образованию, кинорежиссер и киностудия по последнему месту службы, находчивый и веселый по натуре, Соломонович по паспорту... Причем — бакинский. Так вот, он настолько держится в жанре, что, кажется, по кусочку, по ломтику, того гляди, окончательно отнимет хлеб у первого любимца благодарной тугодумской публики — лидера ЛДПР. Чего стоит, например, знаменитое обращение от микрофона Юлия Соломоновича к Владимиру Вольфовичу: «Я обращаюсь к вам, как православный к православному»... Или, как сейчас вижу: припоздавший на заседание Думы депутат Гусман входит в зал и громко спрашивает: «Врача вызывали?»... Пациенты нервно хохочут.

Словом, все в Думе вроде бы располагало к беззаботному веселью. В один прекрасный день депутатских бдений узнаем: Гусман вошел в состав парламентского комитета... по вопросам — кстати маловразумительным до сих пор и для самих избранных — геополитики.

К непривычно серьезному, даже какому-то государственно-утомленному Гусману я подошел в перерыве парламентских слушаний в Госдуме на тему «Анализ состояния и проблемы государственной границы Российской Федерации», которые были организованы как раз этим самым Комитетом по вопросам геополитики. Тон в дискуссии о госгранице сегодняшней России задавали депутаты от ЛДПР и коммунисты: в речах было много патристического пафоса, восклицаний об униженной, некогда великой России, стоны о потерянном российском влиянии на бывшие союзные республики, заклинаний о недопущении потери Курил, о недопущении уступок Эстонии, о недопущении... и так далее. Такая вот геополитика... Я спросил у Гусмана:

— А вам-то, Юлий Соломонович, ясно, с чем ее едят, эту геополитику? И почему вообще этот загадочный Комитет появился в Думе — как известно, ни в одном из прежних советско-российских парламентах ничего подобного не было? И нужен ли он, по-вашему?

— Поначалу, как лично я это понимаю, Комитет по геополитике был придуман как некий «подарок» Жириновскому и его партии... в качестве компенсации и чтобы умерить его притязания на руководство такими серьезными комитетами, как, например, по обороне, по безопасности, по международным делам. На которые он, как мы помним, претендовал, но чему, естественно, сильно сопротивлялись другие фракции, в том числе и «Выбор России». И вот созданием такого — может быть в какой-то мере искусственного — подразделения удалось избежать чуть было не вспыхнувшей конфронтации в самые первые дни работы Думы. И на том спасибо.

Но, знаете, несмотря на мое первоначальное, я бы сказал весьма ироничное, отношение к образованию этого Комитета, сегодня я думаю уже несколько иначе: даже вот такие — явно оппозиционные президенту парламентские слушания, организованные Комитетом, как те, что только что прошли на тему о государственной границе России, — приносят огромную пользу. Потому что столько в стране не сделанного и так глубоко, с моей точки зрения, «закоснел» президентский аппарат (при всем моем уважении к президенту), что любой его публичное высвечивание проблем от Курил до Эстонии все равно полезно!

С другой стороны, мне представляется, что само по себе наличие парламентских комитетов как таковых, существование в принципе парламентской дея-

тельности — это скучное, часто рутинное законодательство, а не возбужденные митинги и радостные всплески эмоций. И это, убежден, позитивно скажется на умиротворении ситуации в обществе.

— **Вы не считаете, что тематика вашего Комитета пересекается с тематикой думского же Комитета по международным делам? Комитета по делам СНГ?..**

— Да, несомненно пересекается. Ведь в теоретическом плане — геополитика как наука интегрирует в себе глобальные проблемы — и международные, и внутрироссийские, и географические, и военно-стратегические, и общеполитические, и многие другие. Именно общие, глобальные, а не проблемы конкретных взаимоотношений с теми или иными странами. Комитет по геополитике должен выйти из сферы политических игр, и только тогда он сможет стать серьезной структурой парламента, способной влиять именно на геополитическое положение России в мире. А вообще-то... по-моему, сегодня и в науке тоже нет полной ясности, что же такое, собственно, геополитика, куда она идет, чем конкретно занимается и т.д. Поживем — увидим...

— **Что такое геополитика, вам не ясно. А мне не ясно другое: Комитет почти сплошь состоит из «жириновцев», и председатель его и один из заместителей — члены ЛДПР... И вот заместителем председателя «ЛДПРовского» Комитета становится... член «Выбора России», постоянный и непримиримый оппонент «жириновцев», человек с не очень серьезным имиджем киношника и кавзэнщика, депутат Юлий Гусман?! Так с чем связано ваше появление на посту зампреда именно этого Комитета? В пике политическим оппонентам? «Наш человек в Гаване»?..**

— Именно так! Меня можно как угодно обозвать, но только не «специалистом в области геополитики»... Я в ней разбираюсь (сейчас-то, правда, начал немного читать, вникать) не более, чем любой «пикейный жилет», читающий газеты и слушающий радио. Вы правы: я — абсолютно «засланный казачок» в этом Комитете. И, между прочим, никогда этого не скрывал. Появившись там, на первом же нашем заседании, я вслух объявил себя «разведчиком демократического лагеря»...

— **А все-таки, как вам пришло вообще в голову претендовать именно на этот пост?**

— А никак не пришло. Ситуация оказалась элементарной: по так называемому «пакету должностей» фракции «Выбор России» выпал пост одного из замов председателя Комитета по геополитике. Это вызвало большой смех на собрании нашей фракции, а потом — значительные смущения... Кому ж из демократов хотелось лезть в компанию, из более чем десятка ЛДПРовцев и четырех коммунистов?.. Но неожиданно лидер нашей фракции Гайдар обратился ко мне с предложением занять этот пост. Почему именно ко мне?.. Не знаю, может быть, он посчитал меня наиболее отчаянным и неискушенным в политике, а может — испытанным в кавзэновских баталиях и потому наибо-

лее способным легко переносить политический стресс и общественные бои... Не знаю. В общем, я согласился. Мне лично кажется, что (не считайте это моей излишней нескромностью либо какой-то глупой самонадеянностью) даже само мое присутствие (а я прекрасно отдаю себе отчет в том, что я один ничего принципиального изменить не смогу) вызовет ответное спокойствие моих собеседников и коллег-депутатов при рассмотрении самых острых вопросов — по крайней мере, это будет происходить не «на митинге», а за столом, с глазу на глаз. Поможет избежать скандальных ситуаций.

И надо вам сказать, вообще в нашем Комитете, к моей радости, собрались люди (и в этом, конечно, немалая заслуга нашего председателя Устинова), не склонные к скандалам, к митинговости, ведущие себя при любых обсуждениях и дискуссиях весьма сдержанно и по-парламентски. Может, в этом есть и какая-то доля моего присутствия. И вообще — при ближайшем рассмотрении в составе Комитета и среди ЛДПРовцев, и среди коммунистов оказалось значительно больше умных людей, чем я предполагал до этого...

— **Значит, у вас с ними консенсус по многим вопросам?**

— Нет, конечно, не консенсус (противное слово, правда?), но все-таки, я бы сказал, нечто похожее. Есть определенное понимание. Естественно, эти люди против президента, против вообще каких-то реформ, они — явная оппозиция. Но при демократии должны быть всякие точки зрения, это же ясно. Важно, что даже если будет меняться сама сегодняшняя система (не дай Бог, конечно!), если придут коммунисты, потом — жириновцы, потом — националисты, потом... я уж не знаю кто — главное при всем при этом, чтоб **сохранялся демократический процесс**. Самое важное — чтоб не возникло желание подавить ситуацию силой.

Вот, помните, в самом начале работы Думы Жириновский то и дело кричал: «В Сибирь его! Ордер уже выписан! Сослать!» Так вот, если у него был такой способ проявления природного юмора, то, хотя я такого «юмора» и не приемлю, могу себе представить... Но если это — политическая позиция лидера партии, то какая же здесь демократия? Мир моментально будет ввергнут сначала в чудовищную гражданскую войну с репрессиями, лагерями и прочим, а затем — в мировую войну. Поэтому все, что можно сделать для того, чтобы перевести конфронтацию с рельсов войны и противостояния на рельсы разговора, правового договора, дискуссии, — это надо делать. Есть смысл.

Я и в депутаты-то согласился идти, и в этот Комитет с одной мечтой. Мне хотелось бы, чтобы каждый депутат, используя средства, которые имеются в его распоряжении — юмор ли, доброту ли, спокойствие ли, силу или слабость, ум или наоборот, глупость, — чем угодно мог бы привести хоть одну молекулу общества к пусть небольшому, но все же — человеческому согласию. Все, его задача, считай, выполнена. И я в том же вижу свою за-

дачу как некоего индивидуума, элемента общества, даже чуждого элемента, внедренного в другое тело (как, скажем, в этот самый Комитет). И вот если мы эту игру сможем доиграть до конца — чтобы, например, армия не вовлекалась в политику, чтобы законы принимались и потом работали, чтобы все изменения — какими бы для нас неприемлемыми иногда они ни были — осуществлялись цивилизованными методами, в обществе будет спокойно.

— **Не благодуете ли вы, Юлий, рассчитывая на всю эту идиллию во взаимоотношениях с оппонентами, подчас настроенными совсем на иное развитие событий?..**

— Я понимаю, о чем вы говорите. Меня тоже очень пугают иные наши избранники своим настроем на оголтелую конфронтацию... Вот, скажем, есть такой член нашего Комитета — Виталий Журавлев. Он из тех депутатов-жириновцев, которые только и ждут, как бы еще по сильнее «засандалить» иглу поглумбе в ягодицу нашей дряхлеющей системы... Это ужасно! Скажем, тот же Журавлев, молодой парень — ему не больше 30 лет, — главный редактор газетки под названием «Оппозиция». Жутчайшая газеточка! Полный кошмар... Откровенно расистское, фашистское издание! Я просто обалдел от такого неприкрытого фашизма, антисемитизма и прочей нечисти, которая в этой «газете» подается открытым текстом.

— **Неужели вы еще от этого способны балдеть? Не привыкли?**

— Знаете — нет! Я ведь бакинский и еврей. А Баку всегда был интернациональным городом, и мы, евреи бакинские, не испытывали того, что, может быть, ощущали своей кожей евреи из каких-то местечек или даже из Москвы. У нас за полслова оскорбления могли убить! Так что я все никак не привыкну к такому неприкрытому черному антисемитизму, все продолжая балдеть... А Журавлев, даже не понимая, что он мне предлагает, говорит: «Почитайте мою газету». Я прочел. Первые три страницы — это вообще никакая не журналистика, просто этакий «пульс-тушинский» набор. А на 4-й странице читаю стихотворный материал, автор — некто Баламутов. Такой вот изящный псевдоним. Но главное — содержание «стихов»!.. Пусть простят меня ваши читатели, но я врач, могу пересказать не краснея: весь сюжет строится вокруг «крайней плоти» и... иудеев! Это даже не смешно, от всего этого просто-напросто можно сойти с ума. Настолько у людей потеряны мозги, утрачены всяческие критерии, что они даже не понимают, что делают! Он, Журавлев, ни в коем случае не собирался меня «подколоть» своим изданием. Просто он совершенно искренне не видит в этих произведениях ничего предосудительного!

Вот что страшно во всем этом: непонимание! А ведь, повторяюсь, он еще очень молод, полон сил и желания действовать. Он активен, очень часто выступает и от микрофона, и с трибуны, и на слушаниях. Если фашистам не поставить преграду, тогда — все, полный крах.

Владимир ВОРОНОВ

САГА О ДРАКОНЕ И НЕИЗВЕСТНОМ ДАНТИСТЕ

Сорок лет — круглая дата. Но юбилей прошел незаметно — ни торжественных заседаний и приветственных речей, ни концертов и вручений наград. Даже скромного букета юбиляру не поднесли! Будто сорок дней отмечали...

В марте 1954-го появилось слово из трех букв, позже заставившее содрогнуться весь мир, — КГБ. Конечно, это был далеко не младенец. Но именно под скромной вывеской «Комитет государственной безопасности» эта организация сумела обрести славу самой могущественной и самой зловещей секретной службы мира.

Братство по оружию. Тайному...

Вплоть до августа 1991 года в Советском Союзе было «всего» две секретные службы — КГБ и военная разведка, ГРУ. В России образца 1994-го — целая капелла подобных ведомств, не менее шести! Кроме все того же ГРУ и «реформированного» КГБ — Федеральной службы контрразведки (ФСК), на большой политической сцене свои арии исполняют Служба внешней разведки (СВР), Федеральное агентство правительственной связи и информации (ФАПСИ), Главное управление охраны (ГУО) и Служба безопасности президента (СБ).

Вроде совершенно разные структуры — что объединяет их? Братство по оружию. Все они пользуются одними методами — секретными. Все они собирают информацию — и добывают преимущественно то, что скрыто от всеобщего взора.

Проще говоря, «братья» вместе и по-

рознь, дома и в чужих странах следят за своими и иностранными гражданами, политическими организациями и правительственными учреждениями, частными фирмами и государственными предприятиями, друг за другом, наконец. Так как любопытство — их профессиональная черта, то ради удовлетворения этой страсти они время от времени (или постоянно) прослушивают телефонные переговоры, всаживают микрофоны («клопы») и скрытые теле- и фотокамеры в квартиры и офисы, вскрывают чужие письма, считывают не им предназначенную информацию с компьютеров. А иногда и обыскивают те же офисы, квартиры, да и граждан.

Но так как и при помощи этих мероприятий не всегда удается узнать самое-самое сокровенное, то «конторы» вербуют себе осведомителей. Таких агентов, работающих на «внутреннем фронте» — «дома», обычно именуют стукачами.

Вся эта возня на казенно-бюрократическом сленге называется «опе-

ративно-розыскной деятельностью». Правом на нее и обладают поименованные выше службы. Правда, одни без ограничений, а другие — в рамках некоторых формальностей.

Когда-то всех этих «коллег» успешно заменял один большой огнедышащий дракон — КГБ. Дымить-то наш зверь еще дымит, но языков пламени уже вроде бы не видно.

Вегетарианский лев

Со времени своего возникновения «самая главная» спецслужба пережила, по моим подсчетам, не менее шестнадцати больших и малых реформ, перестроек и переименований. Но в конечном счете результат почти всегда был один — после временного ослабления госбезопасность вновь занимала почетное, едва ли не центральное, место в государственной системе, оставаясь «вооруженным отрядом партии». Но в 1991-м исчезла сама партия, а у дракона вырвали ритуальный клык — памятник Феликсу Дзержинскому.

Каких только эпитетов не удостоивалась эта организация. Претензии в основном сводились к обвинениям в каннибализме. Людоеды не могут претендовать на симпатии даже в сказках. Поэтому их финал предсказуем — появляется добрый молодец в кафтане и острой сабелькой — вжик!

Но то в былинах, народном фольклоре. А Россия же сама по себе страна загадочная, посему такой счастливый конец не для нас — интриги нет, скучно. Мы пойдем своим путем! И пошли — вместе с чудическим... к дантисту.

Может, в этом есть что-то? Проведем операцию под наркозом и получим полезное и безобидное животное. Вот только пока еще никому не удалось вывести вегетарианского льва...

Какие изменения в деятельности так долго пугавшего всех монстра волнуют (если вообще волнуют) обывателя? Вряд ли ошибусь, если скажу, что беспокойство вызывают репрессивные возможности преемников КГБ: сохранились они или нет, вырваны клыки или стоматолог «случайно» был проглочен?

Операция под наркозом

Выделение из КГБ разведки, подразделений электронного шпионажа и дешиф-

Е.Примаков

М.Барсуков

С.Степанов

ровки (ФАПСИ), «девятки» — хранителей партийных тел (ГУО-СБ), мало напоминало болезненную хирургическую операцию. Скорее уж зверюг просто рассадили по разным клеткам.

А репрессивный аппарат? На первый взгляд у КГБ надо было отнять «силовые» функции и спецподразделения. Что и сделали, напуганные августом 1991-го. Забирают переданные ранее в распоряжение Крючкова армейские десантные части, переподчиняют президентской охране Кремлевский (ныне президентский) полк, туда же отправляется и знаменитая группа «А» («Альфа»), а диверсионный отряд «Вымпел», ранее входивший в ПГУ, и вовсе распускают. Погранвойска стали в декабре 93-го самостоятельными.

Но стержень-то бывшей спецслужбы № 1 страны совсем не диверсионные отряды, а тайная политическая полиция, контролирующая все общество. То есть Пятое главное управление и территориальные подразделения. Раньше они именовались Управлениями КГБ по тмудараканской области, сейчас — то же, но ФСК. Прогресс налицо.

«Пятерку» разогнали? Ну зачем же разбрасываться самым ценным, что у нас есть, — людьми?! Вместо «полицейские мысли» создают Управление по борьбе с терроризмом: те, кто раньше ловил диссидентов, ныне должны показать, что они умеют столь же успешно бороться с бандитами. Другое подразделение, также занимавшееся в основном «врагами народа», Следственное управление, ликвидировано в декабре 1993-го. Кроме того, нашу экономику опекало некогда Шестое управление — экономическая контрразведка, а «живую связь народа с органами» осуществляла громадная армия стукачей-осведомителей. Что стало с ними?

Несомненно, что самую крупную «реформу» своего ведомства провел Николай Голушко — последний министр безопасности и первый директор ФСК: «Я... пересмотрел целый ряд звеньев Министерства. И некоторые из них сам волевым порядком устранил. Ну, например, такие, как администрация министра. Таким образом сразу пять генералов сократил... Стал смотреть Управление кадров — наполовину убрал» («Известия», 2 марта 1994 г.).

Вегетативная арифметика

Когда вместо одной срубленной головы вырастает две — это похоже на размножение делением. В биологии такой способ называется вегетативным...

Итак, контрразведка осталась в ФСК. Особистов, военную контрразведку, тоже решили сохранить в прежнем виде — сподручнее армию контролировать. Вот более 600 структур и держат под своим бдительным оком Министерство обороны, Генштаб, ГРУ. В общем, все — вплоть до полка или отдельного батальона.

Управление по борьбе с коррупцией и контрабандой прикрыли. Но «некоторые функции переданы в экономическую контрразведку»: «в сфере экономики будут работать два управления... одно — Управле-

А. Коржаков

ние по защите стратегических объектов, то есть объектов ВПК, атомных электростанций. Второе — экономической контрразведки... Это вопросы внешне-экономических связей, вопросы совместных с Западом предприятий, это финансовые вопросы... Задачи борьбы с наркотиками, борьбы с коррупцией в высших эшелонах власти — это тоже будет в экономической контрразведке». Кстати, в том же интервью «Известиям» Голушко смутно упоминает еще и некое «управление экономической безопасности», в которое вошла контрразведка на транспорте. Сколько же у нас «в сфере экономики» контрразведок: две, три?

Размах деятельности ФСК впечатляет: транспорт, «стратегические» промышленные объекты, внешнеэкономическая деятельность, СП, банки. Да такой властью даже КГБ в 1991-м году не обладал! Во всяком случае, для меня было открытием, что кроме Центробанка, Минфина и налоговых служб за финансами еще и контрразведка надзирает...

«Топтунов» — службу наружного наблюдения просто переименовали в оперативно-поисковое управление. Зато вместо Оперативно-технического (куда входил и

отдел прослушивания телефонов) сделали целых два подразделения: научно-техническое управление (туда вошли НИИ по разработке спецтехники) — около 10 тысяч человек и собственно оперативнотехническое.

Еще в 91-м у КГБ отобрали все структуры, занимавшиеся связью, электронной разведкой, дешифровкой и шифровальным делом. Из них и создали ФАПСИ. Читаем интервью генерала Голушко: «У нас была воссоздана служба шифровальной связи. Сейчас мы передаем ее обратно в ФАПСИ». Ну прямо птица Феникс, возрождающаяся из огня! Отняли — снова создали. Опять отобрали? Они еще раз хвост отстроят, как ящерица. Была одна экономическая контрразведка — стало две, три... Нет следственного управления? Зато люди есть — из 500 следователей большинство изъявили желание остаться в ФСК! Но шпионов и террористов они ловить не умеют. Значит, «под кадры» и прежние функции восстановят, и структуры?»

Но самое ценное, что удалось полностью сохранить в неизменном виде территориальные органы — фундамент КГБ. Как и десять лет назад, будут люди в штатском сидеть в Мухоморске, терпеливо ожидая появления Джеймса Бонда. А что поделать, если «субъекты Федерации» просят, чтобы эту структуру мы сохранили». Ну, раз «субъекты» просят, останется и «золотой фонд», то, на чем держалась провинциальная госбезопасность, — осведомители. Подавляющая часть сексотов, работавших на Пятый главк, к борьбе с терроризмом или отлову шпионов имела и имеет весьма отдаленное отношение. Но их почетный труд ныне защищен актом «Об оперативно-розыскной деятельности».

Размножаться по-вегетативному так размножаться — создали Управление собственной безопасности, внутреннюю контрразведку. Нужно дело — до пяти случаев раскрытых предательств среди сотрудников ФСК в год!

«Гвозди бы делать из этих людей...»

А может, верно — больше пользы бы вышло? Сидевшие в политзонах диссиденты рассказывали мне, что там же отбывало срок и довольно много сотрудников КГБ — за шпионаж, за измену. Эсчечкисты и в лагере не меняли своих привычек — стучали на солдагнерников администрации. Менталитет... Генерал Калугин даже предложил разогнать бывшую Высшую школу КГБ: там, мол, старые кадры учат новые ловить все тех же врагов.

До декабря 93-го в штатном расписании МБ значилось 137 тысяч человек. Согласно указу президента Ельцина, в ФСК должно остаться 75 тысяч сотрудников. Знающие «кухню» своего ведомства бывшие сотрудники КГБ и МБ утверждали еще «на заре» реформы: реального сокращения не будет — в число сокращенных попадут те, кто уйдет в другие секретные службы. К этой же графе приплюсуют не-

Ф. Лодыгин

заполненные вакансии — и порядок!

Как в воду глядели: из 250 высших чинов госбезопасности аттестационную комиссию не прошло... 14 человек. Может, те, кто уже не в состоянии был самостоятельно прийти на комиссию? Начальник управления ФСК по Красноярскому краю «успокоил» читателей «Известий»: аттестацию не пройдет очень и очень незначительная часть сотрудников, сокращение штата коснулось лишь вакантных должностей, сохранены гор- и райотделы...

Согласно же данным журналистки Евгении Альбац, цифра 75 тысяч — это без учета работников научно-исследовательских, медицинских учреждений, охранного и обслуживающего персонала зданий. Ну, под таким «прикрытием» можно провести целые управления!

Кстати, кроме официальных структур, были еще и «неформальные» — надзирающие за «ближним зарубежьем» (Закавказье, Средняя Азия, Украина). Их отдели товарищу Примаккову?

«Большое ухо» президента

Возглавляемое генерал-лейтенантом госбезопасности Александром Старовойтовым Федеральное агентство правительственной связи и информации считается одним из самых загадочных в дружной семье российских секретных служб. Найти какого-либо положения об этом агентстве так и не удалось. Лишь в законе «О внешней разведке» говорится, что ФАПСИ занимается радиоэлектронным шпионажем.

Спецы именно этого учреждения вырубил связь Михаилу Горбачеву в Форосе. 21 сентября 1993 года генерал Старовойтов получил такой же приказ уже от Ельцина после оглашения указа № 1400: «отключить все виды правительственной связи в «Белом доме». По непроверенным данным, сотрудники агентства находились и среди защитников Дома Советов. А оставшиеся на рабочих местах их коллеги осуществляли круглосуточный мониторинг всех радио- и телефонных переговоров «белодомцев», а также прослушивали ключевые помещения БД.

Формально ФАПСИ предназначено лишь для налаживания и защиты линий правительственной связи, ведения радиоэлектронной разведки, а также дешифровки кодированных сообщений.

Но замечено, что этих забот чекистам-электронщикам мало — они явно страдают от избытка свободного времени и готовы своей грудью закрыть любую брешь. Например, информационную. Было в администрации президента Управление информационных ресурсов (УИР), осуществлявшее информационное обеспечение. В августе 91-го и апреле и сентябре 93-го именно УИР позволило президентской команде достаточно быстро и эффективно наладить связь с регионами. По сути дела, это был единственный полностью независимый от структуры бывшего КГБ канал связи и информации. Ныне УИР ликвидировали, передав его бранные «останки» тому же ФАПСИ. Теперь для информаци-

онной блокады президента достаточно нажатия нескольких кнопок?

Формально наш электронный монстр подчиняется через своего директора лишь президенту. На деле же — всегда готов выполнить «просьбу»-приказ, исходящую из недр «братских» ведомств. Например, от руководства ФСК. Служба генерала Старовойтова умудрилась вляпаться в скандальное «дело Мирзаянова»: по просьбе начальника Следственного управления МБ генерала Балашова ФАПСИ предоставляет фабрикатом уголовного дела радиоперехваты всех передач иностранных радиостанций, где шла речь о Мирзаянове. А это уже нонсенс — «Большое ухо» может выполнять подобный приказ только одного человека — президента. Он же его не отдавал...

Личный маузер вождя

«Девятка» тоже себя «не очень» показала в августе 91-го, поэтому ее решили взять под свой личный пригляд сначала Горбачев, затем Ельцин. Если от покушений, подлинных или мнимых, эта служба еще спасала, то вот от заговоров против патрона со стороны «товарищей по работе» не получалось. В 1953-м они не смогли отстоять от заговорщиков своего босса, Лаврентия Берия, в 1964-м предали Никиту Хрущева, в 1991-м — Михаила Горбачева.

В декабре 93-го из состава ГУО в самостоятельное ведомство выделилась существовавшая и ранее Служба безопасности президента. Во главе ГУО с 1991 года стоит генерал-лейтенант госбезопасности Михаил Барсуков. СБ возглавляет личный телохранитель Ельцина еще с политабюрских времен генерал Александр Коржаков.

ГУО и СБ активно используют данные им законом «Об оперативно-розыскной деятельности» полномочия. Более того, возможности ГУО приближаются к возможностям всего бывшего КГБ — управление способно проводить операции за границей, обладает осведомительной сетью внутри страны, возможно, и закордонным агентурным аппаратом. Сведения об этом проскользнули в печать после «покушения» на Дмитрия Якубовского в Торонто, расследовать которое взялись спецы генерала Барсукова. В подчинении Барсукова имеется и внутренняя контрразведка, группа «Альфа», бункерное управление, Президентский полк.

4 октября 1993-го практически все руководство операцией по взятию «Белого дома» было сосредоточено в руках генерала Барсукова. Направляя сотрудников «Альфы» и «Вымпела» на штурм, он, утверждая очевидцы в многочисленных публикациях, рекомендовал закончить все побыстрее, не особо утруждая себя взятием пленных. Во всяком случае, он был очень огорчен, узнав, что «Вымпел» отказался идти на операцию, а «Альфа» предпочла свой вариант решения конфликта. Что и послужило поводом для разгона «Вымпела». Что ж, правильно — любой власти в нашей стране наплевать на

профессионализм. Зато малейших колебаний при выполнении приказа своим преторианцам «верхи» не прощают. Ничего страшного, что среди бойцов «Альфы» генералы Барсуков и Коржаков не пользуются уважением, зато они пользуются безграничным доверием президента. Который иногда поручает им весьма деликатные политические миссии, формально не входящие в круг забот ГУО и СБ. Например, «перевоспитание» генпрокурора Казанника, когда тот подал в отставку.

Что такое хорошо и что такое плохо

Удалось ли отбить у дрессированного Змея Горыныча вкус к человечине и превратить его в вегетарианца? Неугомонные критики утверждают: вместо одной головы появилось много, но сам-то зверь жив... (Кстати, помимо уже названных «контор», такими же широкими правами, кроме органов внутренних дел, обладают еще люди Примакова (СВР), ГРУ и пограничные войска.)

Несколько спецслужб — это даже хорошо для общества: возникает неизбежная конкуренция, несогласованность, борьба за место перед царскими очами. Но это несущественно.

А что существенно? Стали ловить больше шпионов, отведя свой бдительный взор от нас, смертных? Ох, если бы так.

В последнее время стало заметно, что растопыренные было пальцы потихоньку сжимаются в единый кулак. Сейчас лично президенту подчинены все основные спецслужбы, кроме ГРУ, — ФСК, СВР, ФАПСИ, ГУО, СБ, погранвойска. Но вот в администрации президента больше влияния на это сообщество имеет скорее генерал Барсуков, чем Юрий Батулин, которому это положено по должности. Остается лишь издать указ о слиянии — и машина к бою готова. Кто может дать гарантии, что такого не произойдет? Что, невозможен сговор между бывшими сослуживцами? Кстати, ведь в провинции-то вовсе никакого «разъединения» и в помине не было — все в сохранности. Как собранный пистолет, смазку снял — и готов к стрельбе. В кого? Ну, это уже технический вопрос. Один мой знакомый сотрудник ФСК сказал с ухмылкой: «Готовы выполнить любой приказ любого правительства».

Выходит, операция по одомашниванию была безуспешной? Говорят, что роль специалистов по наблюдению за активностью зверя должна была играть прокуратура. Но вопрос на засыпку: сколько раз прокуроры отказали спецслужбам в санкциях — на прослушивание, перлюстрацию, обыски? Сколько таких разрешений дали в 1993 году, например? Нет таких данных. Может, потому, что «органы» и не обращались за санкциями? Так обшлись...

Так что, господа хорошие, Змей Горыныч у нас ручной, но временно. Голов у него много, зубы целы. И кушать хочется...

Александр КАСАТОВ

РАКЕТНЫЙ ПОЛИГОН — ИСТОЧНИК ОПТИМИЗМА

Владимир Васенин
и Игорь Самохвалов
(фотоагентство ИВА)

МИРЯНИН (устар.).
Лицо, живущее в миру.

МИР.
Светская жизнь,
в противоположность
монастырской жизни.

Ожегов С.И.
Словарь русского языка

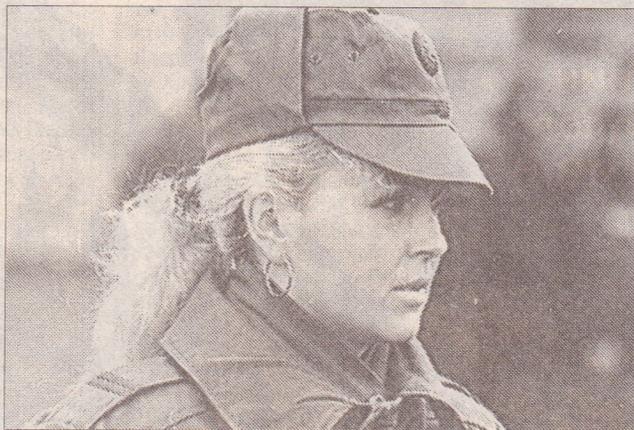

Источником оптимизма ракетный полигон считает генерал-майор Мороз, человек, который сам может быть таким источником. Коллеги-журналисты не дадут соврать.

В этот раз и полигон, и генерал-майор были источником оптимизма для команды журналистов из Москвы, гостивших на космодроме в Плесецке. На самом же деле это все вместе называется город Мирный (Архангельской области) и государственный испытательный полигон, которому в этом году стукнет 30 лет.

Город Мирный — город военный, закрытый, со всеми вытекающими отсюда последствиями для него и 38 тысяч мирян, как называет городская газета «Вестник космодрома» местных жителей. Однако все они, мне кажется, «миряне наоборот», ибо, словно монахи, живут в замкнутом пространстве своего города. Хотя теперь, как объяснили, доступ в город стал свободнее. Доступ свободнее, а выход — нет. Ибо не могут уехать из города многие, кто уже закончил службу, — некуда. Их около 300 человек.

Виктор Михайлович Бурцев, служил с 1966 года, сейчас — председатель совета ветеранов, говорит, что шансов уехать у него, например, мало: квартиру в Липецкой области он ждет уже четвертый год, а материальные проблемы все

острей и острее. Мелочь вроде бы, но по закону о статусе военнослужащего он имеет право лишь в течение пяти лет после окончания службы перевезти свой багаж к месту жительства бесплатно. Бурцеву осталось полтора года. «Ну почему пять? — говорит он. — Пусть это будет один раз, но без ограничения срока. Я ведь не буду по России возить барахло туда-сюда».

А темп тут такой: с начала года получили квартиры за пределами космодрома только два человека. А на пятки им уже наступают те, кто только начал службу, но им негде жить. Хотя негде — это понятие относительное. Молодые офицеры живут по две семьи в двухкомнатной квартире. Это же малина! А ведь где-то семьями теснятся в казармах. Но что удивительно: многие, уже уехав, возвращаются сюда, не

могут нигде больше жить.

На начало года 460 безработных, будет 600, в основном женщины, жены офицеров. Все больше боевых подруг начинают носить форму: и оказалось, что прекрасно со всем справляются. Больше того, оказывается, даже в некоторых случаях лучше мужчин несут службу. А уж насколько они облагораживают части... Я засмотрелся на... не знаю как сказать... просто на супермодель в форме с нарукавной повязкой «Посыльный».

Тяжелая проблема недобора в армию ударяет и по полигону. Безвыходное положение вынуждает брать на службу по контракту, а тут уже никто ничего не гарантирует: кто придет, тот и придет. Чаше и тяжелей стали нарушения, больше стало работы у местной милиции. Ведь ракетчики, чтоб вы знали, бывает, и выпи-

вают, иногда даже — местный фольклор — до отделения головной части.

Повторим каламбур: Мирный — город военный, гарнизон, иначе говоря. Вся полнота реальной власти в нем принадлежит военным: они строят, топят, светят, торгуют, они — власть. Правда, изменения коснулись и Мирного. Здесь есть глава администрации, но нет, правда, органа представительной власти. «Нет и не надо!» — так или почти так высказывает свое мнение один мирянин в местной газете, симпатичной и плюралистической (правда, до предела, установленного в закрытом городе). По его мнению, всего-то и нужно было избрать главу администрации, «причем желательно из генералов».

Ах, спросили бы у самих генералов: до города ли им? У них с ракетами дел невпрово-

рот. Но, надо сказать, тут дела идут намного лучше. Как сообщили руководители полигона, он — самый загруженный в мире. Скорее, всего это так и есть. Ведь кроме испытаний военной техники здесь обеспечиваются программы Ракетных войск стратегического назначения, ВМФ и Военно-космических частей. Здесь же в рамках соглашения с США обрабатывается и анализируется информация о пусках ракет, что дает возможность контролировать выполнение договора о СНВ. Кроме того, на космодроме существует учебный центр, где обучают солдат, сержантов и прапорщиков для всех ракетных войск.

А то, что сокращают финансирование программ, задерживают зарплату, — это пустяки, мало кто возмущается, миряне — народ мирный.

Хотя сам город — военный. ■

ГДЕ-ТО ПАСХА. А ГДЕ-ТО — НОВЫЙ ГОД

Где-то Пасха уже давно позади, в России только что завершилась страстная неделя. Трудно представить себе, что где-то почти в это же самое время отмечается совсем иной праздник, ассоциирующийся у нас с обилием снега, холодами и морозами, елками и бенгальскими огнями.

С приходом весны в середине—конце апреля в Лаосе празднуют традиционный Новый год — «Бун пимай». Местные астрологи вычислили, что на этот раз новый год наступил 13 апреля. По буддийскому календарю именно в этот день начался 2537 год.

Как утверждают очевидцы, в этот день на улицах Вьетнама, больших и малых поселков Лаоса трудно было встретить человека в сухой одежде. Дети и взрослые, зачастую весьма солидные, обливали друг друга водой. Многие в Лаосе верят, что таким образом можно «смыть» все прошлогодние неприятности. Не составляют исключения и иностранцы. Обижаться бессмысленно. В ответ следует традиционная лаосская фраза — «бо пен нянг», означающая буквально «ничего, не стоит волноваться». Причем «приложить руку» к традиционной новогодней забаве могут и «находящиеся при исполнении» полицейские, пограничники и таможенники.

ПЕЧАЛЬНЫЕ ИТОГИ СТРАСТНОЙ НЕДЕЛИ В ОДНОМ ОТДЕЛЬНО ВЗЯТОМ РАЙОНЕ АМЕРИКИ

Загорелыми и посвежевшими возвращались на свои рабочие места миллионы жителей столицы Мексики, сумевшие воспользоваться дополнительными выходными днями по случаю праздновавшейся в апреле католической Пасхи для отдыха на

морских курортах, в коих здесь нет недостатка. Однако вернулись, увы, не все, подтвердив, уже в который раз, тот неоспоримый факт, что неделю, предшествующую вознесению Христа, не зря именуют «страстной» или «черной».

Каждый год мексиканская дорожная полиция готовится к этому массовому паломничеству людей к побережью и обратно, как к ширококомандной боевой операции. Неусыпное наблюдение за шоссейными дорогами ведут десятки тысяч полицейских на патрульных машинах, мотоциклах и вертолетах, од-

нако эти меры всегда оказываются недостаточными. По официальным данным, за время нынешних пасхальных каникул на магистралях страны произошло 1630 автодорожных происшествий, в которых погибли 154 человека. 1138 водителей и пассажиров были доставлены в больницы с ранениями различной тяжести.

Главные причины катастроф — нарушения правил дорожного движения и беспечность водителей, которые доверились «чувству свободы», вырвавшись из железобетонных джунглей на просторы автомагистралей.

Снятие со Креста. Рогир Ван дер Вейден

СЧАСТЛИВОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ... С ТОГО СВЕТА

Поистине «счастливым возвращением с того света» стал для 40-летнего эквадорца Эдуардо Янеса приезд из командировки, превратившийся, правда, для его многочисленных родственников в сильнейший нервный стресс.

Дело в том, что родные Янеса за несколько дней до его возвращения похоронили... его тело и оплакали... его кончину. Семья Янеса смотрела телевизор, когда в информационной программе была показана фотография залитого кровью трупа, обнаруженного в том городе, куда отправился глава семьи. Членом семьи показалось, что это был их родственник. Поскольку труп в ходе предварительного расследования так и не был опознан, а из родного города Янеса поступил запрос, тело погибшего было отправлено «родственникам», которые его и похоронили. Кстати, отмечает информационное агентство ЭФЭ, они до сих пор утверждают, что погибший был как две капли воды похож на самого Эдуардо. Но не будем торопиться...

Переступив порог своего дома и увидев домочадцев в трауре и с заплаканными глазами, Янес — что вполне естественно — заинтересовался: кто умер? Так и не добившись ответа от оцепеневших родичей, Эдуардо обнаружил несколько своих фото в траурных рамках, из чего сделал вывод, что умер...он сам.

Для возвращения в сознание брата и племянницы «воскресшего» потребовалось вмешательство врачей, которое, к счастью, завершилось благополучно.

В то время как полиция вновь занялась расследованием инцидента, самому Янесу пришлось лично обратиться к местным властям с просьбой об аннулировании свидетельства о своей смерти и восстановлении на работе.

То, что сегодня мы зачастую называем произведением искусства, всего каких-нибудь сто—двести лет назад совсем таковым не считалось, а было естественным дополнением быта — резная инкрустированная мебель, кареты, наборный паркет. Не говоря уже о картинных рамах — такое их изобилие и разнообразие можно увидеть сегодня в музеях, что просто диву даешься; каждая из них сама по себе произведение искусства, хотя такого статуса это ремесло в прошлые века не имело. Однако ни один мало-мальски известный художник никогда бы не рискнул выставить свою картину без надлежа-

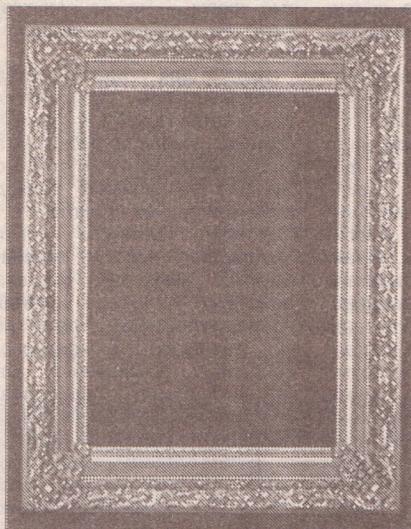
Конечно, нет. Существуют целые фабричные линии погонажного багета. Но рамы и карнизы, изготовленные промышленным способом, отличаются от «настоящих» примерно так же, как пони от арабского скакуна.

Единственные мастерские в Москве, которые располагают старинными традиционными технологиями, — мастерские «Lizard».

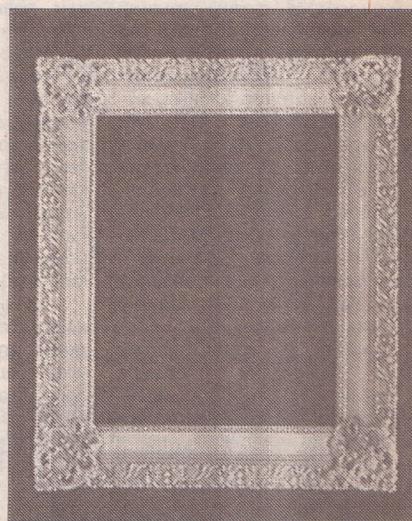
Художники «Lizard» работают по принципу — ремесло переходит в искусство. Все работы делаются вручную и сугубо индивидуально. Начнем с того, что все материалы, из которых изготавливаются рамы, натуральные: качественный левкас, древесина только самая лучшая —

ты. Все декоративные детали делаются из багетной массы, оттискиваются в формах, снятых либо со старинных рам, либо разработанных по эскизам и моделям художников. Варьирование этих художественных деталей практически безгранично, так что можно смело сказать, что каждое изделие «Lizard» неповторимо.

Еще одним бесспорным достоинством ручной работы является отсутствие щелей на угловых стыках, которые непременно возникают при изготовлении рам из погонного багета и не очень эстетично замазываются тривиальной шпаклевкой. При ручной сборке рамы в угловых стыках обязательно при-

КОГДА РЕМЕСЛО СТАНОВИТСЯ ИСКУССТВОМ

щего оформления, то есть без соответствующей и подходящей рамы.

С переходом от ремесленного производства к промышленному ушли в прошлое практически и все прикладные промыслы. К великому сожалению. Когда опомнились и стали лихорадочно реанимировать забытые профессии, оказалось, что многие технологии утеряны, настоящих мастеров почти уже не осталось, а хорошего специалиста можно встретить только в реставрационной мастерской.

И вот уже даже на крупных выставках представлены картины без рам или, скажем так, в очень скромном оформлении. И происходит это не только от нашей всеобщей бедности, но и из-за отсутствия возможностей. Желающих заказать хорошую раму для своей картины хватает. Как сказал один мой знакомый — довольно известный — художник, часто картина стоит столько, насколько выглядит рама. А хорошую раму, увы, не достать.

Нельзя сказать, что багетное производство у нас в стране бездействует.

Осна, которая тщательно просушивается, так как если использовать сырой лес, то готовую раму непременно «поведет», то есть просто перекосит. Профили, из которых делается рама, вытачиваются фрезами, сделанными по специальным разработкам художников «Lizard» и являющимися уникальными.

Отличие «настоящих» рам «Lizard» от полиэфирных и гипсовых подделок заключается еще в том, что рама, например, может состоять не из одного, а из нескольких профилей, за счет чего достигается объемность изделия, а кроме того, жесткость конструкции, изящество и легкость.

Готовая профильная рама обрабатывается специальным составом, и затем начинается декоративная часть рабо-

существуют декоративные розетки, которые, кстати, можно разместить и по всей раме.

Что касается цветового оформления — тут, конечно же, наши современники из «Lizard» обошли мастеров прошлого.

Остается добавить, что «Lizard» не только изготавливает и реставрирует рамы для картин, но также выполняет высокохудожественное оформление ресторанов, офисов, особняков. Например, в последнее время солидные фирмы обставляют свои помещения в стиле барокко. Для того чтобы весь интерьер был выдержан в одном стиле, необходима помощь специалистов — дизайнеров и художников. Вот тут самое время обратиться в «Lizard»: оформление карнизов, дверей, шкафов на самом деле создает единственный и неповторимый.

А в общем-то, просто хочется сказать спасибо людям, которые озабочены судьбой традиционных ремесел и возрождают прекрасное и почти уже забытое искусство багета.

Юлия ТРАНКВИЛИЦКАЯ

**Фирма «Lizard» расположена по адресу: Фрунзенская наб., д.50, подъезд 11.
Телефон офиса: 242-78-04
Телефон производства: 242-57-87**

КОГДА ЗАКОНЧИТСЯ «ВЕЛИКИЙ ПОСТ» В РОССИИ?

С 60-х годов ФАО ООН (Международная продовольственная и сельскохозяйственная организация) оценивает благополучие нации не по производству энергии или металла на душу населения, а по обеспеченности этого населения белком. Иными словами, по качеству питания людей.

Институт питания РАН рекомендует в сутки средней душе населения вкушать по 82,2 г белков, из них 46,5 г — животного происхождения (читай — за счет мясных, молочных продуктов и яиц), или примерно 80 кг мяса и мясопродуктов в год. Фактическое же ежесуточное потребление белка в России в 1992 году составило соответственно 72 г и 33 г, а в 1993 году и того меньше — 29 г «животных» белков. И 1994 год будет (точно) не лучше...

В конце 80-х годов республика ежегодно ввозила 1,3—1,4 млн т мяса и мясопродуктов из нынешнего «ближнего зарубежья», но и это позволяло обеспечить в среднем лишь немногим более 70 кг мяса в год на человека. Причем мяса не «чистого», а вкуче с костями, салом, субпродуктами, лярдом — внутренним жиром и т.п. (Изобретательность отечественной статистики — особый разговор.) В развитых же странах при равной с Россией или даже меньшей плотности сельскохозяйственного скота потребление мяса составляло 100—120 кг. В основном — «своего» и «чистого».

За три последних года производство мяса в России снизилось на 20,6 процента и соответствует уровню 20-летней давности. Плюс резкое сокращение импорта.

Такое положение именуется «обвалом». Единственное утешение: заметный рост мясного производства в индивидуальных (не фермерских!) хозяйствах, что несколько смягчило проблему.

Правда, на прилавках (хотя не везде и не всегда) мясо вроде бы не переводится, только вот цены...

При нынешних доходах по меньшей мере 60—65% на-

селения не могут «рационально» потреблять мясо. Но, может, помогает неофициальный импорт из «ближнего» и «дальнего» зарубежья? Киевский, Белорусский вокзалы в Москве, к примеру. Но относительно дешевое «ближнее» мясо идет «с рук», что чревато для здоровья. А если «дальнее» — в блестящей упаковке, то цены, как правило, выше, чем на отечественные продукты, качество же не всегда лучше.

Крохотная Дания завалила Москву своей колбасной продукцией. Правда, приготовленной с пониженными технологическими требованиями и которую, скажем, Германия не берет. Но российский бездонный рынок лихо поглощает датскую снедь, да еще и по повышенным ценам.

Для «защиты» своих производителей Россия с середины марта ввела таможенную пошлину на ввоз мясных продуктов, отчего потребителю не станет легче (разве что его кошелек) — по крайней мере, в ближайший период. Высока вероятность и роста цен на зерно, что поднимет их и на мясо. Качество же лучше не станет. В 1991—1993 годах в целом по России не соответствовали требованиям стандартов от 7 до 10% мясопродуктов, а в отдельных регионах эти цифры в 2—2,5 раза выше. При существующей законодательной базе и системе контроля отечественному производителю нет нужды беспокоиться о качестве...

Почему же наш мясной комплекс не может насытить

рынок? Причин — пруд пруди: качество и количество кормов, продуктивность животных, структура стада, технология производства и переработки и пр., и пр., и пр. А самый главный вопрос, который надлежит решать на макроуровне, — это наш хозяйственный механизм. Низкие закупочные цены на животноводческое сырье плюс монополизм перерабатывающих предприятий делают животноводство невыгодной отраслью.

Кто же будет заниматься выпуском убыточной продукции в условиях рынка? Фермер, не облагаемый налогами? Нет, он тоже ориентирован на производство рентабельного зерна. В 1992 году доля фермеров в продаже государству мяса составила всего 0,4 процента.

Справедливости ради надо сказать, что государство дотирует производство мяса. Только вот дотации запаздывали на 2—3 месяца относительно повышения цен. В наиболее тяжелом положении оказались животноводческие комплексы, работающие на привозных кормах, поставщики которых требуют предоплаты. Где брать деньги? В банках под высокий процент. А не брать — начинаются сбои в кормлении, которые ломают весь цикл производства. После вынужденных «великих постов» — какие удои, привесы? Быть бы скотине живу, и то не всегда получается. И в результате в 1991—1993 годах поголовье крупного рогатого скота сократилось на 7,5 млн голов (13%), свиней — на 9,7 млн (25%), овец и коз — на 12,1 млн (21%).

Поразительное дело: при раздолье сенокосов и пастбищ — аж 80 млн га (2-е место в мире после Канады) — даже сена в России недо-

статочно. Да что там сена! Горожане живо припоминают заготовку веников на корм скоту...

В Швеции, Нидерландах именно за счет высокой продуктивности лугопастбищ (она там более чем в 4—5 раз выше нашей — 40—50 центнеров сена против 5—10 в России) значительно увеличили мясное производство. Но там и содержат эти угодья должным образом. В частности, вносят удобрения, и немало. Мы же сократили внесение минеральных удобрений более чем в три раза даже на поля, а что до лугов, пастбищ... трава она и есть трава, везде вырастет. Но богатые травы — та же сельскохозяйственная культура, а посему сами по себе не произрастают.

Итог: для производства говядины нам приходится содержать стадо в 1,6—2 раза больше, нежели за рубежом, а следственно, почти во столько же раз увеличивать расход кормов и прочих средств.

Потуже затянуть пояса заставляют нас и переработчики мяса. В отрасли действуют 570 крупных предприятий. Две трети из них размещены в непригодных помещениях. Доля устаревшего оборудования превышает 33%, а более половины рабочих заняты ручным трудом: «работники ножа и топора» — это их основные инструменты. Только 15% отечественных «мясных» машин соответствуют мировому уровню, заявки на холодильную технику удовлетворяются на четверть.

А поэтому в переработанном виде реализуется менее трети сельхозпродуктов (на Западе — 90%). Это означает, что на пути от поля до тарелки ежегодно теряется 500 тыс. т мяса.

Наши мясокомбинаты лишь наполовину используют и вторичное сырье (кровь, кости и т.д.). А ведь, например, из 140 тыс. т крови можно получить еще 65—70 тыс. т пищевых продуктов, при полном потреблении птицы и более углубленной ее переработке прибавится еще 25—28 тыс. тонн. Мало вырабатывается и комбинированных мясных продуктов, которые широко распространены на Западе.

Истинно, Россия «расточно богата»...

Борис ЛАГУТЕНКО,
кандидат экономических наук
Владимир СТЕПЕНЕВ,
кандидат
сельскохозяйственных наук

Фото ИТАР — ТАСС

БЛУДНЫЕ ДЕТИ ВОЗВРАЩАЮТСЯ

21 апреля в Российской академии управления прошла пресс-конференция, в которой приняли участие руководитель администрации президента Сергей Филатов и ректор РАУ Ростислав Тихонов. Встреча была посвящена предстоящей 26—27 апреля конференции «Правовые и информационные проблемы создания единого экономического пространства Содружества независимых государств», проведение которой предусмотрено указом президента.

Участники пресс-конференции признали, что интеграция стран бывшего СССР объективно неизбежна, поэтому основой сотрудничества между странами СНГ являются сегодня правовые вопросы, связанные с обменом информацией.

«То, что республики ушли из СССР и начали создавать свои независимые государства, — это нормальный исторический процесс, — заявил на встрече Сергей Филатов. — Но долгие годы рынок у нас еще будет общим, так же как общими будут многие проблемы, прежде всего — экономические. Поэтому ин-

формационно-правовые вопросы представляют сейчас исключительно важное значение для стран СНГ».

Необходимо единство подходов к проблемам экономического, политического, социального взаимодействия стран СНГ, поэтому указ президента и учреждение президентской программы по информационно-правовому обеспечению стран СНГ будет первым и очень важным шагом к консолидации усилий всех стран СНГ и дальнейшему развитию их взаимовыгодной экономической деятельности.

Работа конференции пройдет по трем секциям — проблемы совершенствования законодательства в сфере создания единого экономического пространства; информационные проблемы создания единого экономического пространства; проблемы сотрудничества России с государствами — участниками СНГ в рамках единого информационного пространства.

Предполагается создание в рамках Содружества межгосударственной системы правовой информации, которая будет обеспечивать формирование и

развитие правового пространства стран СНГ, а также решение общих задач по защите социальных прав и интересов граждан и предотвращению социальных и национальных конфликтов.

В работе конференции примут участие представители России, Армении, Грузии, Украины, Узбекистана, Таджикистана, Киргизии, Белоруссии, а также бывшего Общего рынка, ныне Евросоюза. Ожидаются представители Азербайджана, Казахстана, Молдавии.

Светлана КАРТАШОВА

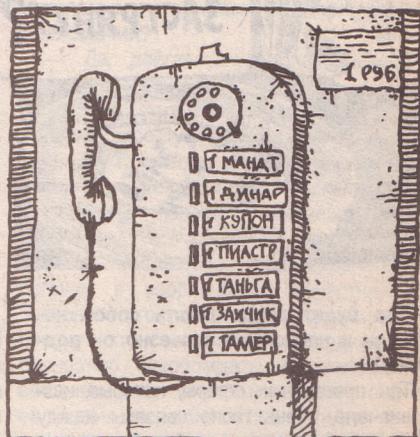

Рис. А. Зайца

Торгово-Финансовая Компания "Героз"

осуществляет прием
денежных вкладов от населения
с выплатой высоких
(и реальных) процентов.

Минимальный срок вклада - 3 месяца,
с возможным получением процентов ежемесячно.
Минимальный вклад - 200.000 руб.

Обязательное страхование деятельности компании.

м. "Таганская", Тетеринский пер., д. 16, офис 15.
Телефон: 915-20-71 с 11 до 19 ч, суббота с 11 до 16 ч.

ОСТОРОЖНО, ЗАМИНИРОВАНО!

Как готовится закон о коррупции

Разбудите ночью любого сотрудника МВД и спросите у него, какие направления преступности сегодня определяют криминогенную ситуацию в стране, — он, не задумываясь, отчеканит: организованная преступность, коррупция, криминальный бизнес. Разговоры о «необходимости усиления борьбы» с этими видами преступлений наконец-то стали воплощаться в реальные дела: активно готовятся проекты законов об организованной преступности и об отмывании денег, на заключительной стадии находится разработанный Межведомственной комиссией при Минюсте закон о борьбе с коррупцией. О нем-то мы и попросили рассказать старшего оперуполномоченного по особо важным делам Главного управления по экономической преступности МВД России Виктора АГЕЕВА.

Рис. В. Чумачева

— Что будет представлять собой новый закон и насколько серьезно он подготовлен?

— Три преступные сферы, которые названы вначале, очень тесно связаны между собой, поэтому и меры по борьбе с ними носят комплексный характер. Законопроектами предусмотрены не только ужесточение наказаний, введение новых статей об ответственности, отчасти изменения Уголовного и Уголовно-процессуального законодательства, но и широкий набор мер профилактического характера. Это финансовый, налоговый контроль, меры, связанные с прозрачностью доходов должностных лиц, а также направленные на ограничение сделок с собственностью, которые могут быть связаны с отмыванием преступных капиталов, и т.д.

— То есть, судя по всему, учтен опыт западных стран, где все это уже давно отражено в законах?

— Да, но наряду с этим необходимо учесть и специфику нашей страны, и ситуацию в сегодняшней экономике. Кроме того — и это, на мой взгляд, самое важное, — следует учитывать и нашу сложившуюся систему правоприменения. Какие бы прекрасные законы мы ни написали, если не будет механизма их исполнения, если они не войдут в ткань уже существующих законов и правоприменительной практики, то они не будут работать. К сожалению, во все три законопроекта заложен целый ряд мин замедленного действия, которые сделают многие положения этих законов неэффективными, затруднят применение их на практике, а в ряде случаев просто сделают его невозможным.

— Поскольку сегодня более других подготовлен законопроект о борьбе с коррупцией, поговорим все-таки о нем.

— Он состоит как бы из двух частей. Первая — собственно о борьбе с коррупцией, вторая — о внесении дополнений и изменений в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы. В принципе, это правильный подход. Но у нас еще до конца не осознано само явление коррупции и, соответственно, не выработана согласованная концепция борьбы с ней, что и породило некоторые недостатки, заложенные в законе.

Закон о борьбе с коррупцией должен определить как минимум два основных момента: сферу распространения коррупционных правонарушений и субъектов, которые будут отвечать по этому закону. Ответы, даваемые в законе на эти вопросы, на мой взгляд, несовершенно. Традиционно под коррупцией понимается незаконное использование государственными служащими своего служебного положения. Широкое определение коррупции: любое использование лицом своего служебного положения, извлечение из него неправомерных выгод в любой сфере. Не будем впадать в крайности, истина, как правило, лежит посередине. Наверное, нецелесообразно сейчас распространять понятие коррупции на все возможные ее проявления, иначе под это определение подпадут все остальные корыстные преступления.

Разработчики закона также признали такую «серединную» точку зрения, но отразили ее в законе непоследовательно. Осознавая, что наказания за коррупционные правонарушения должны распространяться не только на государственный аппарат и государственную часть хозяйствования, они включили в закон банковскую сферу. Все правильно, кризис банковской системы — это кризис экономики, поэтому во всех западных странах

банковское законодательство наиболее жесткое. Но защищены должны быть и транспорт, и энергетика, и деятельность различных общественных организаций — профсоюзных, спортивных, да и многих других. Например, дестабилизация работы транспорта (особенно нашего, донельзя централизованного), связанная с неправомерными действиями чиновников, также может принести значительный ущерб интересам государства и граждан.

Очерчивать область коррупционных правонарушений двумя направлениями не совсем логично, поскольку такие преступления одинаково опасны и в других областях. Кроме того, на практике всегда сложно будет отделить одну организацию от другой. Скажем, при банке создано какое-то хозяйство в Подмоскovie, где выращивают картошку. Будут ли его работники отвечать за коррупционные правонарушения?

— Если следовать этой логике, то вообще невозможно определить сферу действия закона.

— Весьма и весьма трудно. Но надо дать в законе такие границы, которые были бы понятны любому правоприменителю и любому гражданину. А все эти разделения носят искусственный характер. Мы просто каким-то волевым решением притягиваем отдельные сферы и говорим: вот здесь — коррупция, а рядом — не коррупция.

— Хорошо, а вы бы как определили...

— Вы забегаете вперед. Я ничего еще не сказал о категории лиц, которые должны подпадать под этот закон. Понимая, что за коррупционные правонарушения должны отвечать как должностные, так и не должностные лица, разработчики включили в проект и тех и других, но предусмотрели для них разную ответственность. Вот, посмотрите, там сказано, что долж-

ностные лица в сфере государственного регулирования отвечают за любое получение взяток. Не должностные лица — служащие — только за получение взяток в сумме, превышающей минимальную заработную плату. Не говоря уже о том, что взятки иногда дают и билетами в театр, и коньяком, и услугами, существует такая сложность: законоприменитель должен будет каждый раз решать, является ли данный человек должностным лицом и подпадают ли его действия под уголовный закон. Это только с виду все просто, а на самом деле определение должностного лица и сейчас вызывает большие трудности на практике.

— Вот вам предложение «в порядке бреда»: может, имеет смысл разделить этот закон, распространив одну часть на должностных лиц, другую — на всех остальных?

— А зачем? Это все равно что мы введем дифференцированную ответственность за убийство: для людей с высшим образованием — один закон, со средним — другой.

— Почему? По-моему, это разные вещи. Ведь в одном случае речь идет о человеке, облеченном властью, должностными полномочиями, а в другом — о человеке, никакими полномочиями не облеченном, но корыстном.

— Вы хотите сказать, что действия должностного лица социально более опасны и это является объективным основанием для разделения ответственности? Да. Но деятельность их, по сути, одинакова. Не проще ли сделать должностное положение лица квалифицирующим признаком, который будет отягчать ответственность?

— Так все-таки, какое определение предложили бы вы?

— Моя позиция заключается в том, что надо исходить из упрощения правоприменительной практики. Я бы это сформулировал так: за коррупционные правонарушения должны отвечать все служащие органов государственного управления. Что же касается остальных сфер: хозяйствования, деятельности общественных организаций и пр., то там, как мне кажется, по закону о коррупции должны привлекаться только должностные лица. Поскольку в негосударственной сфере именно они часто осуществляют определенные государственно значимые функции, от их действий и воли зависит решение многих важных вопросов. От работника они не зависят — рядовое должностное лицо если и получает какую-то выгоду, то только от конкретного маленького деяния, которое входит в круг его маленьких полномочий. Должностное же лицо из самого своего служебного положения, не предпринимая никаких действий, уже может извлекать выгоду — просто за благоприятное расположение, «закрывание глаз» на какую-то ситуацию и т.д. И сама такая линия поведения уже подрыва

ет нормальную работу предприятия или организации.

Разработчики законопроекта сказали, что все государственные служащие, независимо от того, в какой сфере осуществляется государственная деятельность, подлежат ответственности за коррупционные правонарушения. А каким образом отличить государственное предприятие от негосударственного? Ведь у нас сейчас создана масса предприятий, в которых имеется доля государства. Разработчики пошли по такому пути: там, где доля государства в имуществе составляет более половины, — это государственное предприятие и все его служащие отвечают по закону о коррупции, там, где меньше, — не государственное.

— С виду вроде бы логично...

— С виду. Но вот вам пример. Вы окончили журфак, пришли устраиваться на работу в журнал «Столица», а вам начальник отдела кадров говорит: «Вы прекрасный человек, отличный журналист, но у нас очень престижное издание, и, чтобы к нам устроиться, вы должны заплатить миллион». И какая вам разница, какова доля государства в уставном капитале этого издания? Одинаково или неодинаково нарушаются права и, соответственно, причиняется вред свободной прессе и государственным интересам, которые поддерживает свободная пресса? Где здесь логика?

Далее. Я — практический работник и смотрю, как будет применяться закон. Я в данной ситуации обязан принять соответствующие меры, но сначала должен узнать, какая доля имущества в этом журнале принадлежит государству. А для того чтобы это установить, мне надо провести ревизию. Что такое ревизия в наших условиях? Мы сталкиваемся с этой трудностью каждый день и не можем добиться на государственном уровне, чтобы нам была оказана необходимая помощь. Из-за этого у нас многие материалы проверяются годами. Не возбуждаются уголовные дела, теряется судебная перспектива. В итоге мы работаем «на корзину».

Наш главный козырь — быстрота и наступательность действий в закреплении доказательств. Если этого нет, преступление, как правило, становится недоказуемым. А вышеупомянутая формулировка в законе отнимает у нас и эту единственную возможность доказать факт преступления. Но если мы примем закон в той интерпретации, о которой я говорил, то действительно сможем бороться с коррупцией. Мы устраним лишние преграды, разрушим коррупционную цепочку «начальник — подчиненный» на государственном уровне, поскольку они оба будут равны перед законом.

— Вы все время говорите «они», «разработчики», а вы что же, в этом участия не принимали? Кто вам мешает составить докладную записку или подготовить свой проект и представить его наверх?

— У этого законопроекта была тысяча вариантов, мы давали на них свои отзывы и замечания, часть из них учтена, закон действительно стал более удобоваримым, более полным. И все-таки проблемы, о которых мы говорим сейчас, так и не были решены.

— Но идеальных законов не бывает.

— Вы правы, не бывает. Пусть он не столь совершенен, недостаточно полно охватывает сферы своего регулирования, но необходимо сделать его приемлемым для практики.

— Скажите, а в законе что-нибудь говорится о предоставлении правоохранительным органам дополнительных правомочий?

— Да, действительно, нам мешает не столько отсутствие закона, сколько отсутствие этих самых правомочий в выявлении преступлений. Например, давно необходимо ввести у нас так называемый институт «деятельного раскаивания». То есть, если человек, совершивший преступление, в процессе расследования окажет содействие правоохранительным органам в изобличении соучастников — особенно это важно для организованной преступности, — его необходимо либо полностью освободить от уголовной ответственности, либо настолько смягчить ее, чтобы ему имело смысл идти на сотрудничество с правоохранительными органами. Как это делается, скажем, в Италии.

И существует еще одно крайне необходимое направление — освобождение от ответственности человека, который специально, по нашему поручению, участвует в разоблачении преступления, внедрившись в банду. Сейчас не существует правовой защиты лиц, ведущих борьбу с преступностью. В сегодняшней ситуации такой «засланный казачок» будет нести уголовную ответственность наравне с преступниками.

Далее, необходимы меры по специальной жесткой и эффективной защите свидетелей, потерпевших и вообще всех участников судопроизводства, которые соприкасаются с такого рода уголовными делами — будь то коррупция или оргпреступность. Эта защита должна быть продумана в деталях, свидетели и потерпевшие должны иметь право анонимно выступать в суде, изменять место жительства, аккетные данные. Все эти меры существуют на Западе и очень успешно применяются. И нам это необходимо позарез.

P.S. Пока материал готовился к печати, последний вариант законопроекта о коррупции все же попал на стол к Виктору Агееву. И сегодня с внесенными им замечаниями и дополнениями он уже отправлен на рассмотрение в Комитет Госдумы по безопасности. Теперь дело за законодателями. Прислушаются ли они к мнению практиков?

Беседовала Светлана КАРТАШОВА

фото Э. Кудрявицкого

Кошелек или жизнь?

Свободная экономика — это когда много свободного времени

На одной всемирно известной ферме одна умная лошадь на все невзгоды жизни отвечала одинаково: «Теперь я буду вставать на пятнадцать минут раньше и работать на пятнадцать минут больше». В конце концов та лошадь сдохла, так и не поняв, жила ли она на самом деле или только работала.

Большинство из нас каждый день встает в шесть-семь утра, к восьми-девяти приезжает на работу, заканчивает ее в пять-шесть вечера и через час возвращается домой. Пять раз в неделю. И так лет сорок пять. Для многих это совершенно естественный ритм Вселенной. Сорокачасовая рабочая неделя, восьмичасовой рабочий день, четырехнедельный отпуск один раз в год. У большинства давно в крови: труд — самое главное в жизни, а тот, чей труд недолог-нетяжел, — тот ленив, никчем, никудашен.

Смешно, но в отношении к труду россияне похожи на американцев. Пусть мы привыкли работать за идею, а они за деньги, мы стремились к Коммунизму, а они к Американской Мечте — ни мы, ни они не замечали, что чем больше времени уходит на работу, тем меньше его остается на дом, семью, личную жизнь. А теоретики и Коммунизма, и Американской Мечты всем обещали прекрасное будущее, когда усердный личный труд будет помножен на успехи научно-технического прогресса. Но, оглядевшись, и мы и они все же заметили: самая трудная работа и меньше всего личного счастья чаще всего до-

стается как раз тем, кто целыми днями только и нажимает на компьютерные кнопки. Как оказалось на деле, все эти достижения прогресса, все эти новомодные компьютеры и факсы вовсе жизнь не облегчают — они лишь ускоряют «горение» тех, кто и без них безвременно «сгорал» на работе. И что с того, что новейшая технология каждую кухню (уж если не у нас, то у американцев — точно) снабдила ультрасовременными «удобствами», включая даже с непревзойденными преимуществами комплект «микроволновая печь/замороженный готовый ужин»? Увы, все это позволило американцам лишь больше времени отдавать работе...

Казалось бы, ну что плохого в том, что люди добровольно работают помногу, стараясь побольше заработать? Кажется, к этому и хотят нас заставить стремиться. А между тем американцам уже ясно: неравномерное распределение работы и свободного времени ведет к снижению уровня жизни одних и снижению качества жизни других. Да и у нас уже есть семьи, члены которых — из-за чрезмерной занятости — не видят друг друга неделями и месяцами, и есть безработные специалисты, ко-

торым нечем накормить семью. Кому-то, может, и удобно на пяти рабочих местах держать троих профессионалов и даже платить им зарплату за четверых, экономя при этом на социальном страховании. Однако не надо забывать, что усердная работа тех троих — это не только безработица для двоих их коллег, но и постоянная угроза безработицы для них самих.

Население цивилизованных стран привыкло, что сверхурочный труд на самом деле так же неизбежен, как неизбежны смерть или налоги. Зато в «доиндустриальных обществах» (точнее, когда пропитание добывали охотой и сбором того, что Бог послал) на труд для поддержания жизни человеку достаточно было трех—четырёх часов в сутки или пятнадцати—двадцати часов в неделю. Как доказали антропологи, все остальное время люди тратили на игры, «застолья», пересказывание сплетен и легенд, религиозную деятельность и художественную самодеятельность. Известно, что у древних римлян ежегодно проводилось по 175 «общенародных» фестивалей.

Современные американцы, изучив, как делят время на рабочее и нерабочее в других странах, с удивлением узнали, что жителям многих государств, экономика которых успешно конкурирует с американской, законы гарантируют более длительные (часто до пяти недель) оплачиваемые отпуска. При том, что наряду с отпусками везде существуют всевозможные «рождественские» и «пасхальные» недели и, конечно же, общенациональные праздники. Ну а если в Италии или Великобритании продолжительность минимального оплачиваемого отпуска и не установлена законодательно, итальянцам и англичанам это не мешает договариваться с работодателем о четырех—шестинедельном (в среднем) отпуске ежегодно. В то время как среднему американцу приходится довольствоваться всего-то двумя неделями в год.

Но может быть, для американцев деньги важнее всяких отпусков или какого-то эфемерного «личного» времени? Что ж, их дело. Только социологи этого не подтверждают: всего около шести процентов американцев с ежегодным заработком более 50 тысяч долларов уверяли их, что достигли стандартов Американской Мечты. При том, что и среди тех, кто зарабатывает в год менее 15 тысяч, обнаружены пять процентов, уверенных в обладании той же самой Мечтой. Так что и в Штатах «не в деньгах счастье». Зато 64 процентам американцев в возрасте от 25 до 49 лет снятся навязчивые сны о том, как они

бросают свою работу и навсегда бегают на необитаемый остров или просто на другой конец света и развлекаются, развлекаются, развлекаются... Две трети жителей США готовы получать меньшую зарплату, лишь бы иметь побольше свободного времени.

Сегодня многим приходится придумывать для себя способы, помогающие справиться с изматывающим расписанием рабочих дней. Одни приглашают няню и гувернанток для своих детей, заказывают доставку готовой пищи на дом, нанимают соседей для закупки продуктов в магазинах. Другие заводят какой-то собственный мелкий бизнес. Третьи специально ищут такое место, где можно самостоятельно определять время начала и конца рабочего дня или брать часть работы на дом. Однако работодатели на это обычно смотрят косяком, а большинству людей, особенно низкоквалифицированных и низкооплачиваемых, такое вовсе не доступно.

Но главный недостаток всех этих индивидуальных способов заключается как раз в том, что они индивидуальны. Тогда как это вовсе не личное дело каждого, а социальная проблема. Некоторые «хозяйственники», бизнесмены и политики считают, что сокращение рабочей недели может нанести вред национальной экономике: с одной стороны, на предприятиях будет произведено меньше продукции, а с другой — в свободное время люди смогут сами что-то выработать, готовить, шить, ремонтировать — в общем, меньше покупать. Некоторым нашим политикам вообще ничего не жаль — тем более времени, вырванного из чужой жизни, — им лишь бы восстановить экономику Великой Державы — любой ценой. Никто не хочет учитывать одно обстоятельство: нет никакой уверенности, что заработанное ценой интенсивного труда будет справедливо распределено между работниками и вышшими «менеджерами» современных государственных, частных и полупричастных предприятий. Если раньше отдаленные трудовые деятельности лучшие годы жизни уходили в мифические закрома государства, то по окончании первого этапа приватизации стало ясно, что жизнь незаметно перетекает в виде долларов и рублей в карманы совершенно чужого, а часто просто постороннего дяди. Ну а о Великой Державе со столь дешевой рабочей силой, как у нас, всерьез могут говорить лишь те, для кого труд — понятие теоретическое.

Человеку же, занятому трудом практическим, не нужна Великая Держава. О ней пусть рассуждают «хо-

зяйственная» и «деловая» элита, накапливающая миллиарды на своих зарубежных счетах. А тому, кто большую часть жизни проводит в ритме «гула заводского», не заменит этой части даже бурный рост личного вклада в «родной» и «надежной» сберкассе. В чем он действительно заинтересован — так это в жизни качественной, пусть и не в самой великой державе. Качество жизни немалозначимо без достаточного количества свободного времени, и уж какое там качество после семи вечера... Очередной мыльный телесериал и то посмотреть успеваешь разве что через раз. А личная жизнь предусматривается, видимо, только в версии служебных романов или для пенсионного возраста.

Радикальным вкладом государства в качество жизни трудящихся граждан на самом деле мог бы стать ШЕСТИЧАСОВОЙ рабочий день! Ведь закон о ТРИДЦАТИЧАСОВОЙ рабочей неделе не только позволил бы всем гражданам больше времени уделять семьям, друзьям, себе и обществу, но и работодатели получили бы возможность повысить эффективность предприятия, снизить вероятность несчастных случаев на производстве, уменьшить текучесть кадров и удержать ценных профессионалов. При сохранении, по сути, нынешнего порядка начисления зарплаты работники не понесли бы финансовых потерь — просто возросла бы почасовая оплата. Тем более что в многочисленных научных исследованиях давно доказано: сокращение продолжительности рабочего дня значительно повышает производительность труда.

А что касается склонности некоторых к «работомании», то это следует признать тяжелым социальным заболеванием. Несмотря на то, что некоторые серьезные господа — ну хотя бы председатель Центробанка России В.В.Геращенко (см. «Столица», № 7, 1993) — им гордятся, называя красивым английским словом «workaholism». Ведь не стоит забывать и японского слова «кароши», буквально означающего «смерть от сверхинтенсивного труда», того самого, от которого и погибла упомянутая оруэлловская лошадь.

Ну а суперпатриотам надо помнить, что немцы ФРГ, в свое время укоротив рабочую неделю, пока еще не уступили нам своего места в мировой экономике. Свободная экономика — это не бесплатный труд. Это сполна оплаченная каждая минута рабочего дня и много-много свободного времени!

Сергей ПАНОВ
По материалам
зарубежной печати

СДЕЛАНО В СЕТУНИ

Всероссийский институт легких сплавов — крупнейший научно-технический центр страны в области цветной металлургии. С его разработками связаны многие достижения отечественной авиационной техники, ядерной энергетики и атомного подводного флота.

В результате конверсии ВИЛС теперь выпускает продукцию в основном для гражданских нужд, среди его изделий все большее место занимают товары народного потребления. Их производство в текущем году должно возрасти более чем в пять раз. Об этом рассказывает заместитель генерального директора института Владимир БОРИСЕНКО.

— С чего вы начали производство товаров массового спроса?

— Еще во время Великой Отечественной войны на нашем Сетунском заводе легких сплавов было создано специальное подразделение, которое быстро наладило выпуск алюминиевой посуды: кастрюль, сковородок, чайников, кружек, ложек и т.д. «Крылатый металл» шел не только на боевые самолеты, но и служил «земным» нуждам бойцов на фронте и тружеников в тылу.

Посуда и теперь есть в ассортименте продукции ВИЛСа. Конечно, она более современная — с тефлоновым покрытием или же биметаллическая, то есть из нержавеющей стали внутри и алюминия снаружи. Большим спросом пользуются различные биметаллические сковородки и кастрюли. Заказы на них к нам поступают по-прежнему, несмотря на постоянный рост цен на исходный металл. Не забываем мы и о дешевой алюминиевой посуде нового ассортимента — у нас освоен выпуск молоковарок, пароварок, кастрюль с утолщенным дном, чайников, наборов для туристов.

Долгие годы ВИЛС был единственным в СССР изготовителем горных лыж, наш опыт помог организовать их производство на Украине и в Карелии. Сетунские лыжи можно и теперь увидеть на многих горных трассах от Мурманска до Камчатки. Заказы на них идут к нам как от детских спортивных школ, так и от признанных мастеров горных

лыж и фристайла.

А с прошлого года у нас налажено новое перспективное дело: выпуск хоккейных клюшек из высокопрочных алюминиевых сплавов. Такой клюшкой (правда, американского образца) уже играют Уэйн Гретцки и некоторые другие асы НХЛ. У алюминиевой клюшки более жесткий удар-щелчок, и, конечно, она более долговечна: «ресурс» одной ручки рассчитан на три-четыре крюка. Сейчас новинкой оснащена хоккейная команда «Крылья Советов» и ее детская школа. Оценили ее преимущество и за рубежом: мы уже отправили три тысячи алюминиевых клюшек в Северную Америку и тысячу в Финляндию. Еще 40 тысяч штук предполагается изготовить по контракту с американцами для НХЛ. Наша клюшка ни в чем не уступает иностранным образцам, но ее оптовая цена на 10—15% ниже — без такой скидки на американский рынок нам не пробиться.

Там же у нас скоро может появиться еще один заказ: на охотничьи стрелы. Раньше ВИЛС делал стрелы из алюминиевых сплавов (до 100 тысяч в год) для спортивных луков, но сейчас интерес к этому виду спорта в России резко упал. И, чтобы сохранить прежнее производство и рабочие места, приходилось искать заказчиков за рубежом. Недавно в Северную Америку отправлено около 200 образцов стрел для охотничьего лука и арбалета. (С этим оружием, между прочим, можно охотиться и на кабана, и на слона.) Мы готовы быстро развер-

нуть производство отобранных образцов.

— Эмблема ВИЛСа — крыло самолета. Но теперь вашу продукцию можно увидеть и на наземном транспорте, в частности на гоночных автомобилях.

— Здесь нам пригодились наработки по авиационным колесам, которые раньше выпускали в Сетуни для военных и пассажирских самолетов, а также для космолана «Буран». Он, правда, всего один раз слетал в космос, но посадку эта машина совершила на наших колесах. С началом конверсии заказов от авиации стало значительно меньше, и мы перешли на проектирование кованых алюминиевых дисков для автомобилей. Это, в частности, позволило почти полностью сохранить наших проектантов, конструкторов и технологов, то есть сохранить лабораторию, которая занимается этой работой.

Первыми оценили наше новшество гонщики России. С 1990 года они выступают на колесах ВИЛСа практически на всех международных соревнованиях. Кованые диски из алюминиевых сплавов легче и надежнее литых колес, к тому же они обладают высокой прочностью и коррозионной стойкостью. Автомобиль на них устойчив на любой дороге, да и горючего расходует меньше.

Лопнувшая покрывка на железном колесе — предпосылка к серьезному происшествию. А если такое ЧП случится с покрывкой на алюминиевом колесе, то машина не теряет управления. Она может про-

ехать еще 40—50 километров до ближайшей станции техобслуживания.

Благодаря этим преимуществам российские гончики стали смелее выступать в автокроссах на чемпионатах Европы, а «КАМАЗы» успешно прошли по дальним маршрутам — Париж—Кейптаун и Париж—Москва—Пекин. Это не осталось незамеченным: теперь на колесах ВИЛСа выступают гончики Франции, Чехословакии, Португалии. По контракту с итальянской фирмой «Спид лайн» мы недавно сделали первые колеса для разных команд — участников соревнований «Формула-1».

Кроме того, совместно со «Спид лайн» наши специалисты разрабатывают колеса серии «Челленджер», которыми пользуется широкий круг спортсменов, выступающих на автомобилях типа «Фиат», «Ровер» и «Опель». ВИЛС выпускает также колеса для трековых машин, соревнующихся в кольцевых гонках в Германии и в «Формуле-3».

Словом, это перспективное направление, и со временем мы намерены расширить производство кованых алюминиевых дисков как для спортивных, так и для обычных автомобилей. Тем более что наши колеса недавно сертифицированы не только в России, но и в Италии, а это открывает им дорогу на зарубежный рынок. Авторское свидетельство получили С.Т.Басюк, В.С.Волков, Б.И.Бондарев и я. Между прочим, все мы раньше занимались авиационными колесами и также имеем на них патент.

— Но эта продукция сейчас идет в основном на экспорт. А какие новые товары ВИЛСа предназначены для повседневной жизни россиян?

— Мы делаем любые металлоконструкции из алюминиевых сплавов и сталей. Пока больше всего заказов на остекление лоджий и балконов, а также на оконные рамы, двери, витражи, выставочное, торговое и офисное оборудование. В сельской местности повышенный спрос на сборные теплицы, парники, хранилища, кровлю для домов в виде крашеной черепицы и гофрированного листа, а в городе — на сборные павильоны, киоски, кафе. У нас освоен массовый выпуск пяти видов оконных карнизов, жалюзи и домашней мебели — столов, стульев, табуреток.

Мы приступили к производству отопительных электроагрегатов различных модификаций для обогрева жилых и подсобных помещений. Они гораздо экономичнее и красивее существующих. В наших планах также светотехника —

изящные люстры и торшеры из алюминиевых сплавов. Среди последних новинок, предназначенных для бытовых нужд, — складные лестницы оригинальной конструкции, электротостеры и двойные электроплиты-этажерки. А на улицах Москвы уже появились всевозможные рекламные щиты и постеры с подсветкой изнутри. ВИЛС получил крупный заказ на эту продукцию — первые рекламные стенды установлены на Ленинском проспекте.

Большие перспективы сулит растущее применение титановых сплавов в медицине. Титан — благородный материал для врачей и их пациентов, поскольку у него исключительная совместимость с живой человеческой тканью. Титановые имплантаты с успехом используют для соединения костей при переломах и для замены суставов. В ряде случаев титан даже помогает устранить проломы и деформации черепа, заменяя часть черепной кости. А в арсенале стоматологов появились коронки с титановым напылением и титановые анкеры, да и сам хирургический инструмент уже изготовлен из этого металла.

Медиков очень интересуют разработки ВИЛСа в области никелидов титана. Это интерметаллидные сплавы с «памятью формы», которая «пробуждается» при определенной температуре. Так, спираль может распрямляться во рту, как только она

достигнет температуры человеческого тела. Стоматолог надевает такую спираль на неровные зубы ребенка и безболезненно выправляет их.

А хирургу, делающему операцию на сердце, может помочь, наоборот, проволока, превращающаяся в спираль. Такая проволока из никелида титана с помощью катетера вводится в поврежденный сосуд, который необходимо расширить. Нагреваясь от тока крови, она в нужном месте сворачивается в спираль и таким образом устраняет сужение. Словом, сплавы с «памятью формы» открывают широкий простор как для практической работы врача, так и для фантазии конструктора.

— Ваши сотрудники, насколько мне известно, не только открывают новое, но и восстанавливают основательно забытое старое. Я имею в виду литье колоколов из бронзы по рецептам старых русских мастеров.

— Это производство особое, и требует оно не меньшей точности и тщательности, чем выполнение заказов для космоса или медицины. Малейший брак тут сразу будет услышан и обернется позором для того, кто его допустил. Но пока все наши колокола звучат чисто — и в Москве, и в Ярославле, и в Волоколамске, и в храме Покрова на Нерли.

Колокольный звон в старину называли «звонкой иконой». Мы смогли возродиться ему и в церквях, расположенных недалеко от ВИЛСа, — в Кунцеве, Очакове, Крылатском, Митине, Одинцове. Многие наши работники живут там, и теперь по праздникам колокольный звон радует и возвышает их души.

Кстати, Православная церковь, при всей своей строгости в соблюдении давних традиций и канонов, отнюдь не чужда современному прогрессу. Она уже делала нам заказы на облицовку куполов. Для этой цели используется нержавеющий стальной лист, покрытый нитридом титана. Он был впервые применен при реставрации купола часовни Николо-Угрешского монастыря. Такое покрытие практически неотличимо от позолоты, и износу ему нет — нитриду титана не страшны ни дождь, ни ветер, ни мороз, ни жара. «Крылатый» металл, таким образом, тоже служит теперь возрождению российской духовности вместе с сетунской колокольной бронзой.

Олег ЧЕЧИН

Скульптурная композиция, созданная Эрнстом Неизвестным специально для ВИЛСа. Изготовлена из выпускаемых здесь сплавов и находится на территории института

В КОНСЕРВАТОРИЮ С МОЛОТКОМ

Один современный классик сказал: «На всех рассчитано не было». И оказался не прав. Потому что как раз на всех и было рассчитано: 1870 мест в Большом зале Консерватории и ровно столько же крючков в гардеробе.

Так почему же мечутся по

Не оторвать на память кусок лепнины? Чего стесняться-то в своем отечестве?!

А я, пожалуй, в следующий раз, идя в Консерваторию, возьму с собой молоток. Культурно забью гвоздик прямо в зале, повешу пальтишко и культурно сяду в изрезанное бархатное кресло...

Наталья ЛОГИНОВА

фойе нарядные поклонники классической музыки, безуспешно пытаюсь всучить свою верхнюю одежду взаимно вежливым гардеробщицам? А те ни в какую не берут, приветливо отвечая, что мест нет...

Естественно, если половина гардероба не работает, то половина зрителей, пометавшись по фойе, в полном недоумении попрется в зал, зажимая пальто под мышкой и таща с собой грязные сапоги.

И только некоторые, особо непонятливые, будут долго топтаться внизу, жалобно призывая администратора Светлану Муратову. И найдут в итоге эту симпатичную даму в зале, безмятежно расположившуюся в кресле, готовую внимать волшебным звукам... Эту любезную даму отнюдь не смущают нелепые фигуры, скользящие по паркету в обнимку с собственной верхней одеждой под аккомпанемент третьего звонка.

...Отгремели аплодисменты, отзвучали крики «браво», вручены цветы герою вечера — народному артисту России пианисту Николаю Петрову. Получены автографы... Публика покидает зал Консерватории.

Гаснут роскошные люстры, погружая в полумрак изрезанные бритвой бархатные кресла... Да!.. А чего? Раз сидим в пальто, почему бы и семечки не полугзгать? Не свистнуть в знак восторга?

СКРЫВАЙТЕ НАЛОГИ ОТ РОДСТВЕННИКОВ

Офицеры налоговой инспекции Челябинской области впервые приняли присягу. Торжество происходило тайно. Личности сотрудников держались в секрете. Даже родственники офицеров не были приглашены.

Организаторы, похоже, опасались, что среди них окажутся злостные неплательщики налогов.

Виктор ЗОЛОТУХИН

АХ, ДЕВУШКИ! АХ, БЕЛЫЙ ТЕПЛОХОД!..

Именно этим восклицанием определялся общий тон презентации третьего по счету конкурса «Мисс Пресса-94», прошедшей в ночном клубе «Арлекино».

Организатор конкурса — туристическое агентство «World Transit» представляло финалисток и членов жюри. Претенденток на сегодняшний момент одиннадцать.

Критерии отбора конкурсанток остались загадочными и необъясненными. Не очень понятно, как доказывается профессионализм журналисток. Ведь среди претенденток и главный редактор газеты, и, например, студентка журфака.

Компания женских угодников, обозначенная как

жюри (Е.Додолев, Дм.Крылов, специально прилетевший из Лондона А.Гурнов), поведала, что, как правило, ни действительно классные журналистки, ни длинноногие фото-модели, секретарши и курьерши призов не получают. Выигрывает нечто среднее.

Что, по всей видимости, и подтвердится в финале конкурса в средиземноморском круизе на теплоходе «Федор Шалапин».

Ю.Ч.

ХОСЕ ИГНАСИО И ПРОСТО МАРИНА

Когда Андрей В. появляется на казанских улицах, прохожие в недоумении сбавляют ход, а то и просто кричат, тыча в него пальцем. Бравый молодой человек к этому привык и упругой военной походкой старается побыстрее миновать зевак. Дело в том, что Андрей как две капли воды похож на героя нашумевшего мексиканского телесериала «Просто Мария» Хосе Игнасио. И с недавних пор это удивительное сходство сделало его, скромного работника военкомата, личностью более чем популярной.

Впервые сходство обнаружил мама капитана, когда он приехал к ней в отпуск на Украину. «Сынок, а ведь ты почти Хосе Игнасио!» — воскликнула она. И пошло-поехало...

Правда, практичная жена «мексиканца» из Казани Марина сетует на то, что супруг никак не использует свою внешность. Может, для двойника Хосе Игнасио сбавили бы цену на рынке?.. А еще она утверждает, что характер Андрея ну никак не похож на характер мексиканского героя.

Сам капитан по-мужски категоричен: «Хотя я и был в семье единственным ребенком, но никогда не слыл эгоистом, как этот маменькин сынок. Да и возможно ли такое в наших суровых российских условиях?»

Элла РЫЛОВА

ТУРОК ВСТРЕЧАЮТ ПО-АНГЛИЙСКИ

Известны русские пословицы о турках. Сложилось мнение, что он, турок, ничего

не понимает, но консервативное мышление постепенно меняется. В Богучаре Воронежской области военный городок для российской танковой дивизии строят специалисты из Турции.

Как выяснилось, по-русски говорить они не умеют, а приехало их туда 500 человек, ожидается еще две тысячи.

И вот гостеприимные хозяева все вывески на магазинах, столовых и учреждениях перевели на... английский язык. Как оказалось, в отличие от богучарцев турки знают английский. И не тратят же им время на изучение еще и русского.

Борис ПАНТЕЛЕЕВ

ПОШУТИЛИ

В полусадном положении уже несколько дней находится редакция районной газеты «Томское предместье». Ее осаждают читатели. Дело в том, что газета в День смеха (1 апреля) сообщила о «начале операций через Центробанк и его филиалы... отоваривания по облигациям целевого беспроцентного займа 1990 года, по которым вы можете получить причитающиеся Вам телевизоры, холодильники, автомобили и другие товары без доплаты разницы в цене».

В это поверили не только читатели, но и те, кто «при исполнении». В газету звонили даже из районного сбербанка. Недоумевали, почему им до сих пор не поступило указаний из центра.

Анатолий ЗАХАРОВ

ВЕШНИЕ ВОДЫ

Стон несется по стране: нас сгубит нестабильность! О том вопят с трибун экспансивные политики и бубнят с экрана валяжные экономисты. Элегантные западные советники убеждают, что западные же инвесторы боятся вкладывать в нас капиталы — нестабильность. Слегка побитые молю отечественные кинематографисты не снимают фильмы — нестабильность. И даже домовый слесарь дядя Коля, издревле чинивший краны за «трондель», требует оплату горючей натурой — нестабильность.

Но нет, ребята, все не так... Все стабильно в нашем государстве. Все меняется лишь для того, чтобы вернуться на круги своя. Со времен царя Гороха весна сменяет зиму. И со времен деда Мазая (по крайней мере) с приходом весны заливают нас вешние воды. И всякий раз мы воспринимаем это как предательский удар из-за угла, как катастрофу.

В этом году только в одной Волгоградской области затоплено 612 кв.м. Из зоны бедствия вывезены 6,5 тысячи человек. В спасательных работах было занято 1587 грузовиков, бульдозеров, кранов, а в Новгороде даже один ледокол! Саратов, Самара, Воронеж, Пенза, Рязань, Тула... Список бесконечен. Все они — зоны бедствия. «Поплыли» дома, заводы, фермы, мосты, дороги. Затоплены озимые, техника. Но мы не унываем. Весна на дворе.

Нет ребята, все стабильно в нашем государстве! И это нас погубит.

К.С.

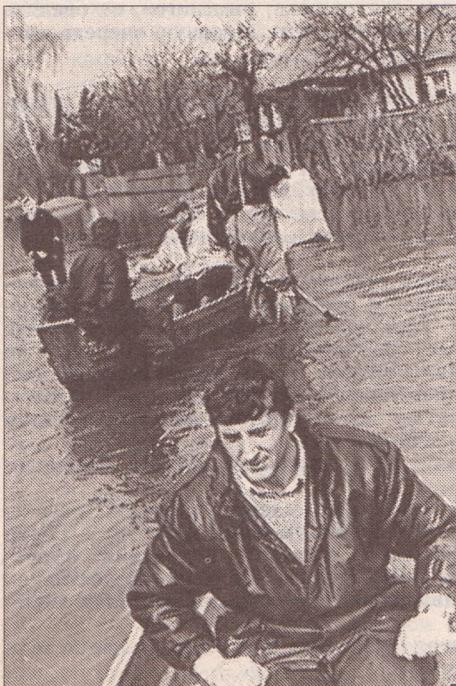

Фото ИТАР—ТАСС

ПАСХА НОВА, СВЯТАЯ, ПАСХА ТАИНСТВЕННАЯ...

Фото Г.Боярова

Мы отмечаем Пасху — «праздников праздник и торжество торжеств» — публикацией материалов, напоминающих и о только минувших «днях печальных Великого поста», тех, что ставят каждого из нас перед решением серьезных духовных проблем, и о тех днях Церковного календаря, о любом из будничных дней, каждый из которых есть рассказ о святых подвижниках и мучениках. «Христос воскрес из мертвых, смертью поправ и сущим во гробех живот даровав» — ликующий пасхальный тропарь не только возвещает миру Светлое Воскресение, но и указывает на путь, которым должен следовать человек, принявший в сердце эту весть. Путь крестный, трудный, но — ведущий к вершине, а не в мрачное ущелье.

«Столица» с первых своих номеров стремилась говорить о Церкви в нашем сегодняшнем обществе не как о социальном феномене, историко-культурном заповеднике или резервации, но как об источнике восполнения жизненных сил. Именно это объясняет и прямоту и резкость наших отдельных публикаций и особенное наше внимание к вопросам отношений священноначалия Церковного не с новой властью или ее политическими соперниками, но с собственной паствой, с Народом Божиим. Что есть Церковь? Патриарх? Члены Священного Синода? Епископат? Духовенство? Миряне? Или — все вместе, в обстоятельствах внутрицерковной и внешней жизни?

В Пасхальную ночь на телевизионных экранах было достаточно крупных планов лиц из Священноначалия. Но Пасха — это общий Праздник. И мы позволим себе в этот день пристальнее всмотреться в «лица из толпы». В тех, без чьей помощи ни одному епископу или даже Патриарху, будь он «святее папы римского», не осилить ту духовную ношу, которая лежит, в первую очередь, спору нет, на архиерейских плечах...

Нынешняя Пасха ознаменовалась решением о строительстве в Москве храма Христа Спасителя — новом обретении драгоценной жемчужины Святой Руси, исчезнувшей более шестидесяти лет назад. Строительство намечено завершить в 1997 году. Еще четверть века должна уйти на роспись и убранство храма. Патриархия и мэрия не сомневаются в успехе совместного грандиозного плана.

Похоже, апрельская встреча Алексея II и г-на Лужкова — один из финальных эпизодов жизни и смерти прославленного храма. Нам кажется важным именно сейчас напомнить о другом, сравнительно недавнем, однако уже преданном забвению эпизоде этого драматического сюжета. О проекте, поначалу принятом церковной и светской общественностью с восторгом, но впоследствии решительно отклоненном.

Автором проекта был художник Юрий Иванович СЕЛИВЕРСТОВ.

Мы публикуем его размышления о своей работе, высказанные на одном из обсуждений проекта, а также фрагменты выступления писателя Валентина Курбатова. Видеозапись обсуждения любезно предоставила нам для публикации вдова художника Екатерина Семеновна.

Обсуждение состоялось в мае 1990 года, за две недели до кончины мастера.

Юрий СЕЛИВЁРСТОВ

ЗАПЕЧАТЛЕННЫЙ ХРАМ

...Как восстановить храм Христа Спасителя?

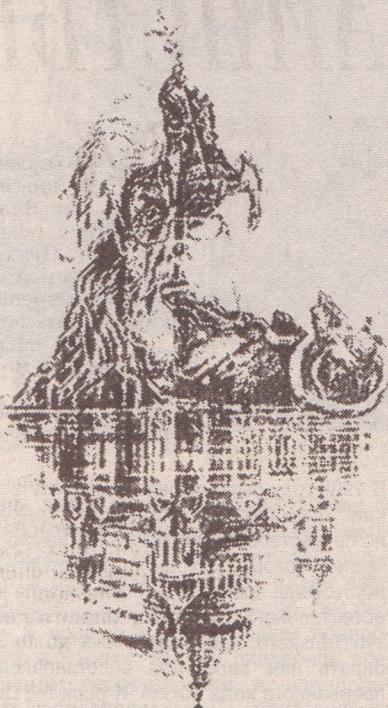
Существует Фонд по восстановлению храма, существует широкое понимание, жажда и стремление к тому, что храм должен быть восстановлен. И существует идея его восстановления как памятника репрессий, памятника жертв — ибо храм Христа Спасителя сам по себе жертва. Может быть, это и определит все наши мысли, все наши чаяния.

Тем паче, есть одна интересная деталь: это был храм, построенный над храмом.

Внутри была расположена кувуклия, часовня больших размеров, где совершалось само богослужение. И над ней, как ковчег, возведен огромный храм с еще двумя приделами: в честь святого Александра Невского и Николая, святителя Мирликийского, — небесных покровителей царя-победителя и царя, закладывающего этот храм...

И вот возникла такая идея. Храм как объемная прорись, контур иконы — а всякий храм иконой, по существу, и является, будучи, подобно иконе, посвящен какому-то евангельскому событию или какому-то святому и являясь концентрацией духовных сил, духовной энергии. Мне увиделось, что, хотя храм Христа Спасителя был взорван (а взорван он был, я напомним, 5 декабря 1931 года), но взорвано — только его тело, уничтожена только видимая его часть, а духовная его сущность, незримый его остов — остался. Я даже думаю, что есть люди на земле, которые видят этот храм. И все огромное пространство, занятое когда-то этим храмом, — оно до сих пор как бы запечатано. Не случайно, мне кажется, на месте, где он стоял, так и не удалось построить Дворец Советов (он планировался втрое выше взорванного храма), то есть и опустевшее пространство оставалось навсегда занятым уже незримым храмом...

Храм-прорись, памятник памятнику, столь величественному, что пугает сама мысль о его воссоздании в первозданном виде. Причем когда мы поставим кувуклию, это будет действующий храм. Только

Ю. Селивёрстов
Автопортрет

богослужения в нем будут вестись не ежедневно, а всего один раз в году. На Пасху. Я хотел этим сказать, что не человек в данном случае идет к Богу, внутрь храма, а Сам Бог, сняв внешние свои царственные одежды, идет к людям...

Вопрос о восстановлении храма труден еще вот почему. Храм — не только здание. Это множество святых. Давайте вспомним прежде всего, что именно здесь хранилась главная наша святыня — Чудотворная икона Владимирской Божьей Матери, которая сейчас в Третьяковке. Перед ней в храме Христа Спасителя были проведены по жребию выборы Патриарха Тихона — акт удивительный, как и наше время, — это ведь тоже был период надрывности, который мы называем революцией. Старец Алексий перед Владимирской иконой тянул жребий, определяя по Промыслу Божию достойнейшего из кандидатов, которые выдвигались на Патриарший престол. А вокруг — было еще великое множество прекрасных икон, были фрески, их писали 14 лучших наших художников, достаточно одни имена упомянуть: Суриков, Верещагин, Семирадский, Прянишников, Маковский... Снаружи храм был украшен барельефами — огромное коли-

чество изображений на все сюжеты священной истории и русской истории. Лишь малая толика из них сохранилась и находится в Донском монастыре в Москве. Обо всем этом сегодня много говорится в связи с идеей восстановления храма...

Но я бы хотел вспомнить еще вот о чем — в связи с неизбежными вопросами о том, как вот эта идея храма-прориси, храма-памятника взорванному храму отражает и может ли вообще отражать то, что русские люди в прошлом веке изначально вкладывали в идею храма Христа Спасителя. Я вряд ли смог бы во всей полноте ответить на эти вопросы, но все-таки попробую...

Храм имел множество стен. Выше — располагались фрески, а внизу — массивные доски, каменные скрижали, на которых были упомянуты имена, гвардейские соединения, полки, батальоны — все те, кто принес себя в жертву в войне 1812 года. Я считаю, что — в отличие от икон и фресок — нам вполне по силам эти доски на их первоначальных местах восстановить. Но что еще замечательно: оказывается, после русско-японской войны, уже в нашем веке, многие стали на эти скрижали вписывать имена тех, кто тогда погиб. И духовенство решило: не стирать эти имена. То есть на стенах храма образовался такой своеобразный синодик, мученик для поминовения. И я бы предложил, когда мы теперь восстановим эти доски, с обратной их стороны — а она будет тоже доступной взору — начертать на них и имена погибших в Великую Отечественную войну. Вот это бы и отвечало первоначальной идее храма — как памятника русскому воинскому подвигу... Здесь не было бы противоречия. Здесь, понимаете, какая интересная вещь. Сказано, что душа человеческая по природе — христианка. Но если задуматься над тем, как, соборно, этот храм воздвигался, и над тем, как, тоже, в общем-то, соборно, он рушился, — то мы имеем дерзновение сказать, что и каждый из нас в той или иной степени — коммунист. Таким образом, я хотел бы в этой идее неожиданно связать и память о тех, кто отстаивал независимость Отечества в 1812 году, и память обо всех, кто был принесен в жертву в нашем веке... В этом и проявились бы черты того, что Церковь именует соборностью.

Не грех вспомнить, что ведь у нас на Руси не было подобных храмов не только по величию, но и по наименованию. Во Имя Божие как таковые храмы не ставились — были храмы во Имя Троицы Живоначальной, в память каких-то двенадцатых праздников, например Богоявления, — но когда в 1812 году, 25 декабря, последний захватчик покинул пределы нашего Отечества, в самый день празднования Рождества Христова, то вся Ро-

Фото А. Демченко

ссия сразу почувствовала, что — вот день, который надо отметить. И когда царю сообщили об этом волеизъявлении народном, отмечая, что, мол, мы не можем в этом событии не видеть Провиденческой руки Спасителя, он начертал: поставить храм во Имя Христа Спасителя. И это решение, конечно же, тоже было Промыслительным...

Вот я сейчас задумался о празднике Успения. Почти все русские крупные монастыри — Успенские, все соборы главные в больших городах — Успенские. Видимо, Успение стало как бы заново осмысленным, русским праздником, зовущим к соборности, к тому, чтобы всем быть воедино. Ведь тогда, в час Успения Божьей Матери, ко гробу Ее слетелись со всех концов апостолы-вестники и понесли потом по земле эту радость — радость Ее Небесного предстояния Сыну, Ее молитв за всех нас — хотя, в принципе, это была печаль, окончание земной Ее жизни. Так вот, может быть, и мы, через восстановление храма, сами будем восстанавливать, воскрешаться к жизни вместе с ним...

Я, когда стал узнавать мнение разных людей об этой моей идее, вдруг услышал такие интересные предложения: а что если отнести к этому решению как к некому промежуточному, именно как к прориси храма. Выдвигали даже встречную идею — сделать это не в металле, а как голограмму, постепенно, по камушку создавая храм в подлинном его виде. Встраивая храм в эту его прорис. И я не стал сразу отвергать это предложение, тем более, что и Синод Русской Православной Церкви задумался об этом и задан был таким вопросом: а не сделать ли восстановление храма Христа Спасителя памятником 1000-летия Крещения Руси?

В 1988 году было решено воздвигнуть такой храм-памятник, объявили конкурс, но почувствовали, видимо, нашу какую-то, честно говоря, духовную несостоятельность. Ведь пропасть в 70 лет лишила нас естественного духовного развития поступательного, надо еще очень долго собирать нам силы для восстановления прерванного хода жизни. И если бы Церковь остановилась на таком варианте — чтобы храм Христа Спасителя был и памятником 1000-летия Крещения Руси, мне казалось бы естественным к тем трем приделам, что были в этом храме, добавить еще два: в честь Всех Святых, в Земле Российской просиявших, и во имя Алексия Человека Божия. Ведь храм Христа Спасителя строился на месте разрушенного Алексеевского монастыря. И мы должны еще и ту историю глубинную восстановить, восстановить ту, чуть попорченную, правду. Потому что если в России строился храм на месте сгоревшего или разрушенного, то обязательно он носил имя того, погибшего храма...

Конечно же, такое решение должно приниматься всенародно, с попутным обращением к совету людей, духовно сведущих, истинных авторитетов Церкви, каковы, слава Богу, у нас есть. Я все более утверждаюсь в этой мысли еще и потому, что, честно говоря, сам до сих пор, до сего дня не потерял смущения от моей идеи. Могу вам сказать, положила руку на сердце, что я не утверждаю, что единственным и правильным будет только такое решение. И так как сомнения у меня были и в первые времена, я вскоре пошел в Троице-Сергиеву лавру — советоваться с нашими старцами. Они сказали: «Возможно». А когда уже была подробно разработана эта идея, в гостях у меня

оказался игумен Таврион из Псково-Печерской обители, и он как-то очень просто решил: «Честно сказать, мне неудобно будет входить в этот храм». Но тут же прибавил: «Знаешь что, я возьму у тебя фотографию и покажу нашему старцу, батюшке Иоанну Крестьянкину». Я, конечно, страшно расстроился, зная, что, естественно, получу отрицательный ответ. Ни одной секундошки я в этом не сомневался.

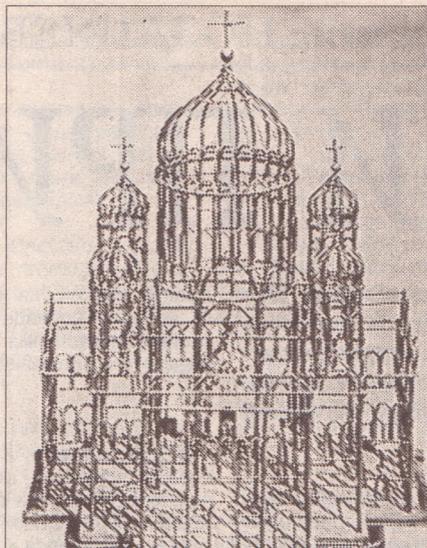
И вдруг — испытал несказанную радость приятия этой идеи, когда отец Иоанн отозвался так: «Мы все безусловно должны сделать в это свой вклад. Мы не должны без помарок переписывать нашу историю — наоборот, мы должны осознать свой грех. И покаяться. И, может быть, такой храм и будет нашим искренним покаянием — не переписывание истории, не приукрашивание ее, не создание копии, вносящей дополнительный соблазн, вот-де, мол, ничего страшного не происходило... Нет, произошли и многие иные, еще не объяснимые события. Мы еще, может, только на пороге других явлений трепетных, которые до конца не осознаем...» И отец Иоанн, как положено у духовных людей, благословил меня на эту работу и привнес в нее новые жизненные силы.

И знаете еще что — когда я ему, осмелев, сказал, что, по замыслу моему, в этом храме не будут совершаться ежедневные богослужения — но один раз в году, на Пасху, когда Бог Воскресший выходит Сам ко всему миру, и это будет Пасхальная служба уже не на десять тысяч молящихся, сколько вмещал храм, а сотни тысяч разделят эту радость, — ведь смотрите: если учесть все пространство вокруг, это Пречистенка, Остоженка, Волхонка, набережная Москвы-реки, наконец, и Кремль, то храм к такому невиданному богослужению как бы сам призывает, и такое богослужение будет соразмерно тысячелетнему духовному пути России... Отец Иоанн выслушал меня, задумался и сказал: «А нельзя ли будет еще одно богослужение в году там совершить? В середине, под главным куполом, поставить елочку, и будет все кругом покрыто белым снегом, так красиво припорошено, и снег будет наверху падать — и мы так еще и на Рождество Христово богослужение сотворим. Придут сюда дети с песнями, славящими Христа и Богородицу, и будет во храме такой общий хоровод...» То есть эти два праздничных богослужения будут и воспоминанием об истории строительства храма — и напоминанием о его смерти и о Воскресении из мертвых...

Умилению моему от этих слов не было предела. Слезы потекли. Я переживал это мгновение невероятно...

Валентин КУРБАТОВ

ПРОРИСЬ БУДУЩЕЙ РОССИИ

Проект Юрия Селивёрстова явление чрезвычайное, и оно ставит перед нами сложные проблемы, а самое существенное, пожалуй, что нам предстоит понять, — храм Христа Спасителя стал тем пробным камнем, на котором испытывается наше духовное устройство сегодняшнее. Наше понимание памятника церковного как такового. Потому что — можно ли числить его сегодня, если мы восстановим его в том, подлинном виде, как, действительно храм в память 1812 года? Либо он будет памятью о том 70-летнем терроре, коего пал жертвою?

Если поставить вопрос, что же для нас с вами храм Христа Спасителя — я думаю, Юрий Иванович идет прежде всего от той точки, что имя храма для нас воспоминание об этом 70-летнем гибельном периоде, что нам предстоит возвести памятник этому 70-летию нашему духовному рабству. Ибо уничтожался памятник как знак русского достоинства, русской традиции — военной, духовной, культурной и всякой другой; и восстановление его грядущее тоже я воспринимаю как знак. Но определить степень знаковости — что именно в этом знаке для нас существенно? — самое тревожное в этом и состоит.

Конечно, драгоценно, если бы храм-памятник выглядел так, как он задуман Селивёрстовым, в этой самой прориси, и он был бы действующим, и в то же время он был бы наполнен нашим воздухом, сквозь него летали бы

птицы, росли деревья, плыли облака, и вся Россия вошла бы в него — действительно, чего же можно желать большего и лучшего? Наверное, здесь есть определенное умозрение — но как оно есть и вообще в сегодняшнем православии в России. Мы же оказались все, простите, своедельными и новодельными православными, призванными вступить в храм, — и это тревожное чувство новодельности, оно и тут называется, в том, как обсуждается и тот проект храма в первоначальном виде, который уже существующая Община предлагает воплотить, и вот в этом, селивёрстовском храме... Ведь вот думаешь: да, как чудесно и прекрасно было бы все создать в первоначальном образе — но не оставляет все та же тревога: ведь скульптору, который будет восстанавливать фризы, надо будет носить фамилию Логановский, живописцу, который будет создавать внутрихрамовые образы, надо будет именоваться Суриковым, и так далее. Не есть ли в этом тайная обида моему божественному назначению как художнику и просто как человеку, живущему в конце XX века? Мне кажется, странное и зыбкое двоение, неопределенность наша и приводят к такой нервной реакции на оба проекта, ко взаимному раздражению, невыслушиванию и неприятию; ведь, по существу, определить, что есть этот храм, значит определить, что такое наше православие.

Вот Юрий Иванович предлагает воссоздать мемориальные доски храма, дополнив их именами погибших в последней войне, а если на каких-то из этих скрижалей будут перечислены

имена всех погибших, убиенных в наше время храмов — где еще и быть такому синоднику, если не под этими сводами! — то это был бы действительно храм-памятник, на который мы и способны и которого достойны. Нужно очень серьезно определиться, станет ли памятником Кафедральный собор, постоянно действующий, богато и пышно убранный, не будет ли привноситься в богослужение в нем некий акцент, призыв мстительности — или он сможет стать живым храмом? Об этом страшно и трудно говорить и что-либо предвидеть, потому что, как мне кажется, восстанавливая такой храм, мы просто не сможем вложить в него ту полноту духа, которая должна быть вложена. Может быть, это наша греховность, наша беда, но нам и понятнее и ближе такой храм, как видит его Селивёрстов, чем колоссальных размеров «новодел». И потом, ведь надо признаться, недоброй памяти 70 лет нашего пленения, они исказили понятие храма как такового. Даже самого обычного, действующего где-нибудь все это время. Для тех, кто в него сегодня приходит, для новоприходящих, он совсем не тот, каким был тогда. Сейчас приходит в храм новое поколение, принося туда какое-то новое знание, всматриваясь в иконы, в росписи на его стенах — даже не знаю с чем — с тревогой, с вниманием каким-то удвоенным, с исканием чего-то, за чем кроме как во храм не придешь...

Очевидно, тут на Церкви лежит тяжелая и грозная обязанность — найти место храма в сегодняшнем существовании верующего русского человека. Надо залатать эту 70-летнюю дыру, которая, никуда не денемся, все-таки случится. Залатать ее придется, определив хоть как-то, богословски ли, практически-духовно, но соединив снова этот разорванный народ...

Решить это сразу не удастся — только Самому Христу подвластно в три дня воскреснуть, восстановить вживе уничтоженное — и потому последовательность сама собою в вопросе о храме Христа Спасителя напрашивается: пройти путь от селивёрстовского храма-прориси к постепенному возрождению храма подлинного. Мы не можем сейчас построить того, потому что не избыли этого. Нужно время, долгое время, чтобы избыть свой срам исторический, свое омертвление и гибель духовную. Через постепенное изживание греховности и будет проистекать воссоздание, воскресение храма Христа Спасителя, будет расти самосознание возрождающегося православного народа, и он как бы уже на своих плечах постепенно будет поднимать тот, взорванный храм.

Ю. Селивёрстов

Храм Христа Спасителя (проект)

Фото В.Шишова, Э.Кудрявицкого

Михаил ПОЗДНЯЕВ

ПОП И ПРИХОД

Эта книга не пишется, даже и не принадлежит мне. Она следует своим путем, без руля и без ветрил, мне лишь иногда удается сквозь плеск волн и свист вихрей расслышать несколько слов, пару фраз, и я наскоро, для памяти, записываю, что расслышал, на каком-нибудь случайном клочке.

Из моих статей, репортажей и интервью, касающихся бурных событий религиозно-общественной жизни последнего времени, легко было бы составить и издать книгу — я не сделал этого и в мыслях этого не держал, не потому, что сам свою работу невысоко ставлю, и не оттого, что журнальный текст или выступление по радио скоро старится, но по той единственной причине, что занятие мое в принципе неблагодарное. Славы не добыл, врагов нажил — не стремясь ни к тому, ни к другому тем паче. Всякий раз, берясь за работу, я испытываю не азарт или злорадство, а щемящее чувство обиды, какое тебя пронимает разве только в детстве, когда твои слезы столь обильны, а крик так отчаян, что недолго всеильным, всеведущим взрослым тебя и побить.

Я — паршивая овца. Не юродствую и не кичусь, просто цитирую сказанное за эти годы в мой адрес не раз, устно и письменно, публично и лично. Доказывать каждый раз, что я не паршивая овца, а, например, верблюд, силящийся пролезть в игольное ушко, нелепо и нескромно. Я паршивая овца. С паршивой овцы хоть шерсти клоч.

Вот — несколько клочьев, не развеянных по ветру, сбере-

женных мною. Если из них даст Бог скроить книгу, может, и смогу отчасти оправдаться перед теми, кого невольно обидел своими суждениями и вопросами, звучащими, что поделаешь, чаще всего риторически.

У Достоевского, в «Дневнике писателя», есть история мужиков, поспоривших, кто кого превзойдет в дерзости. Безусловным победителем в состязании стал тот, кто нарочно явился во Храм, ко причастию, но не принял Св. Тайны, а лишь спрятал за щекой; отправился с Ними в чисто поле, воткнул в землю жердину, поместил на нее сверху частицу тела Христова и начал было целиться из ружья, но за какое-то мгновение до выстрела увидел перед собою Самого Спасителя, распятого на Крестном Древе... пал ниц и горько заплакал о страшном своем грехе. А потом поднялся с земли — и пошел без оглядки прямо в монастырь.

Сегодня эта запись читается как одно из пророчеств Федора Михайловича о судьбе России в нашем веке. С нею перекликается анекдот, не знаю, достоверный или вымышленный, про студента Ульянова. Для получения университетского диплома ему надлежало представить справку о том, что он исповедался и причастился. Справку он получил, но со Св. Причастием поступил на манер мужика из «Дневника» Достоевского (и чуть ли не приняв эту историю за руководство к действию): утаил Тело и Кровь Христовы во рту, вышел из Храма, прямо на паперти смачно сплюнул — и пошел, не оглядываясь, не в монастырь, конечно, а трудовой народ освобождать. Про Ульянова, повторю,

нам в точности не известно, это — анекдот, хотя и убедительный, но вот отец мне рассказывал, что у пионеров 20-х годов была такая забава — от старших научились. Выйти на паперть, плюнуть... и еще ногой притопнуть!..

Сколько ж таких плевков пало на ступени храмов, на освященную землю — по всей Руси! После этого — разграбление церковного достояния, вскрытие и осквернение святых мощей, разрушение церквей и монастырей, сожжение икон и книг, истребление духовенства — диковина ли? Удивительно — что хоть что-то вообще уцелело.

Всерьез говорить о масонах и сионистах, о Юровском и Кагановиче, о национальном составе сотрудников телевидения и о том, что отчество жены президента — Иосифовна, может лишь тот, кто никогда не задумывался над странностями нашей русской дерзости, над природой безнаказанности нашей — оборотной стороны великой нашей жертвенности и любви.

Отец Е. проводит общую исповедь: человек пятьдесят, из коих около сорока — бабульки, белые платочки, оплот нашей Церкви. О том, что их молитвами и усердьем спастись будет Россия в смутную годину, предрекал Преподобный Серафим; об этом говорил в стихах псалмопевец катакомб XX века Александр Солодовников:

*Мужчины больше философствуют
И сомневаются с Фомою,
А мирносицы безмолвствуют,
Стопы Христа кропя слезою...*

Отец Е., уволенный за штат по нездоровью, гонимый, как перекасти-поле, из одного храма в другой, с одного на другой приход; теперь вот (дело — году в 83-м) зацепился вторым священником у отца В., к которому паства ездит из столицы на электричке (а еще до электрички в городе на метро с пересадками). Пройди по вагонам — на каждой скамейке — свои. Два обширных стада, обитающих в Первопрестольной, окормляются у своих пастырей на сел: «меневцы» и «в...овцы». Батюшка посмеивается: «Видел сон. Иду служить. Подхожу к церкви. Слышу из-за ограды, кто-то хрюкает. Удивляюсь. А мимо — двое проходных, и один у другого спрашивает, тоже удивленно, мол, кто это

там хрюкает. А тот ему отвечает: это овечки отца В.»

...Отец Е. перечисляет по бумажке, вложенной в служебник (и служебник и записка рассыпаются от ветхости), грехи: «Согрешили неправдоглаголением, скверноприбытчеством, ревнованием...» — «Прости, Господи! Прости, Господи!» — хлюпают белые платочки; сам пустив слезу, взъерошенный отец Е. кладет бумажку на аналой и от себя тихо прибавляет: «Аборты делали». — «Прости, Господи!» — «В комсомол поступали». — «Прости, Господи!» — «В клубе плясали, где раньше храм Божий был». — «Прости, Господи!!!»..

«Господь и Бог наш Иисус Христос, — шепчет отец Е., покрывая также ветхой епитрахилью линялый ситцевый платок, — да простит ти, чадо... — и со вздохом из самого сердца: — И аз, недостойный иерей, властью Его, мне данную, прощаю и разрешаю ты...»

Сам-то он ни в комсомоле, ни в пионерах не был и на танцы отродясь не ходил, но слышал, знает, помнит и бабулькам, чьи грехи перед нашими безобидны, за каждой исповедью, за каждой — напоминает. И плачет горше всех!

Еще исповедь. Отец Л., вылитый Иоанн Креститель, прихрамывая, пробирается сквозь плотную толпу (нынче великий праздник): под глазом синяк, щека расцарапана, правая рука, в которой он держит крест и Евангелие, перебинтована. Бабульки понимающе переглядываются. Батюшка вечером «наотмечался».

Отец Л. встает у аналая и своим великолепным голосом вдруг начинает читать пушкинское «К другу стихотворцу»:

*...Попалися ему навстречу мужики.
«Послушай, батюшка, — сказали простяки, —
Настави грешных нас — ты пить ведь запрещаешь,
Быть трезвым всякому всегда повелеваешь,
И верим мы тебе; да что ж сегодня сам...»
— «Послушайте, — сказал священник мужикам, —
Как в церкви вас учу, так вы и поступайте,
Живите хорошо, а мне — не подражайте...»*

— Поняли? — обводит сияющими глазами кающихся. — Ну, подходите. И, ни слова более не прибавляя, разрешает всех от грехов.

Фото В.Семина

У духовенства российского с Пушкиным, кстати, отношения до сих пор негладкие. Тут как бы развиваются две традиции: Филаретовская и Фотиевская. Соратник Аракчеева, интриган и кликуша архимандрит Фотий тайно и явно не благоволил Пушкину; митрополит Филарет, прочтя в «Северных цветах» на 1830 год исполненное отчаянья восьмистишие «Дар напрасный, дар случайный...», поступил не только как пастырь добрый, но и как умный читатель и отчасти сам поэт — посвятил Пушкину стихи, не Бог весть какие, но трогательные и утешительные.

Отец С. (тот, знаменитый на Москве, издавна почитаемый, безупречный митрофорный протоиерей, настоятель одного из лучших храмов, несколько лет назад бежавший на родину, в глухое село, — служить в церкви, где когда-то служил его дед, поднимать ее, в руины обращенную земляками):

— Почему это, как Великий пост, непременно деткам на сон грядущий показывают о попе и Балде? Нет чтобы про золотую рыбку! Ведь какая обида Пушкину! — и лицо, как у обиженного дитяти.

Отец Г., новоначальный настоятель-аскет, служащий не щадя живота и прихожан воспитывающий по-монастырски, недавно еще из творческой интеллигенции, ее же наипаче всего мирово-го зла хулящий:

— Ты что, заболел? — звонит мальчику, поющему и читающему у него на клиросе. — Простудился? И температура есть? А что делаешь? Читаешь? А чего читаешь? Пу-у-ушкина? Ты бы лучше Феофана Затворника читал!

И бросил трубку.

— Как ты, такой грешник, смеешь осуждать наших священников? — вместо «здравствуй» и обычной умильной улыбки.

— Прости, но я ни словом не погрешил против священного сана. И ни об одном приходском священнике вообще не писал. Я в своих статьях только пытаюсь понять политику архиереев, Синода, Патриарха...

— А мой батюшка велел тебе сказать, что твоими статьями очень хорошо печку топить!

«Мой»... «Твой»...

Слова щелкают, как костяшки на школьных счетах, — и итог вычисления (сиречь: кому гореть в адском пламени, подобно журнальным статьям) заведомо известен.

Да, я паршивая овца. Но когда мой пастух коротает вечер в обществе старосты и пристава, уверяя их, что волков в наших тамбовских лесах отродясь не водилось, а серый волк — он вон, за горой... что же мне делать, если не бляеть?

«Грешно и преступно рядовым священникам и верующим отстраняться от ответственности за духовные пути Церкви, прикрываясь ложным смирением — «владыка знает лучше», «батюшка не благословил». (...) Крещение и миропомазание есть своего рода рукоположение в христианское звание. Миряне в каком-то смысле тоже облечены в священный сан, по слову апостола Петра: «Вы — род избранный, царственное священство (I Петр. 2:9)».

— Это из твоей новой статьи?

— Нет, это из статьи отца Виктора Потапова.

— Твой отец Виктор сам раскольник, карловчанин! Как он смеет вообще нас судить — он, всю жизнь сидевший в Америке!

Что ответить? Рассказать о том, что отец Виктор родился и провел детство в Германии, что он — сын советского военнопленного, бежавшего из нашей зоны в районе Гамбурга, избежавшего ГУЛАГа, спасенного покойным архиепископом Нафанаилом (князем Львовым) и иеромонахом Виталием (Устиновым), ныне Митрополитом-Первоиерархом «карловчан» — Русской Православной Церкви Заграницей, Церкви в изгнании? Еще рассказать — о том, что в Америку Потаповы уехали не в последнюю очередь оттого, что уж слишком часто и близко к

дому стали рваться бомбы диверсантов-энквэдэшников? Отец Николай Артемов из Мюнхена, как и отец Виктор Потапов, многократно в последние годы приезжавший в Россию — встречаться с духовенством и мирянами, искать вместе пути к воссоединению расколотой нашей Церкви, — отец Николай поведал мне о том, как насмерть перепугалась его мама, когда незнакомый дядя дал ему, пятилетнему, на улице конфетку: вдруг отравлена?.. И о том, как, после очередного взрыва по соседству, на их хозяина посыпались анонимки: «С твоим домом будет то же самое, если не выживешь Артемовых» — он их и выжил... Или — набраться смелости и предположить, что отец Виктор Потапов за долгие годы работы на «Голосе Америки» сделал для нас, православных людей в России, пожалуй, поболее, чем любой из наших архиереев, а заодно и удивиться тому, как при встрече с президентом США полтора года назад Алексей II пожаловался на протоиерея Виктора Потапова: дескать, сеет смуту и раздор...

— Но вот владыка Антоний — он тоже эмигрант, тоже выступает по радио, сразу и на «Свободе» и по Би-би-си, тоже чуть не погиб во время войны, однако же он, человек смелый и прямой, почему-то не выступает с осуждением политики Патриарха! И не выступит никогда!..

Конец цитаты.

Митрополит Сурожский Антоний (Блум) — почтеннейший и старейший архиерей Русской Православной Церкви, окормляющий Патриаршие приходы в Великобритании. Пятнадцать—

Фото Ю.Штукина

двадцать лет назад, в пору моего и моего собеседника воцерковления, книги владыки Антония еще не издавались у нас, мы читали его проповеди и беседы в самиздате, и аккуратные эти томики оказывались на наших столах раньше, чем Катехизис и Молитвослов, — таков был наш путь в Церковь. Нечасто он приезжал в Москву, весть о его службах распространялась молниеносно, в храме ступить негде, все обращено во слух, кто-то записывал проповедь владыки на диковинный тогда диктофон, кто-то торопливо конспектировал в блокнот, в этакой-то тесноте, а потом — приведу воспоминание С.С.Аверинцева — «сотни верующих подходили к нему под благословение, и он успевал посмотреть в глаза каждому — каждому! — таким огненно-сосредоточенным взглядом, словно во всей Вселенной только двое: этот человек — и он».

Это видел и я, многократно. Вслух упомяну только об одном: о Божественной Литургии у Николая в Хамовниках, в такой детски-радостной московской церкви. И — никак не меньше сотни младенцев на родительских руках, вокруг соли! Владыка вышел причащать из Алтаря, тихо, но внятно, на весь храм, произнес слова молитвы — и... здесь оказалось, что он стоит слишком высоко, а по ступенькам к нему подняться никому не возможно из-за тесноты. Тогда он улыбнулся — и стал на колени. И вот так, на коленях стоя, причащал детей. Улыбаясь каждому из них, тоже улыбающихся. А мы все, родители, плакали. Никто нас не толкал, не пихал, не торопил, как случается на архиерейских службах. В храме вот именно что царила благоговейная тишина.

Когда же молодой епископ уговорил-таки владыку передать ему Чашу и два священника взяли осторожно под руки восьмидесятилетнего архипастыря, чтобы помочь встать, — все мы

тихо ахнули: наверное, с таким же трудом, с такой нечеловеческой мукой распрямлял колена воскрешаемый Христом Лазарь...

Заметка Митрополита Антония, напечатанная в газете «Сегодня» 4 декабря 1993 года, если не томов премногих тяжелых, то, во всяком случае, — премногих самых пылких или, напротив, самых обстоятельных статей и интервью, опубликованных в различных изданиях в период «церковной перестройки».

Надо бы ее привести здесь целиком, но газета — доступна, и обойдусь двумя малыми фрагментами, впрочем, и главнейшими: «Когда люди ищут поддержки у кого бы то ни было или Церковь ищет поддержки у государства, это говорит о том, что ее деятели не уверены в себе — и, конечно, не в себе как в личностях, а как будто не уверены в том, что врата адавы не могут одолеть Церковь, что сила Церкви — во Святом Духе и во Христе, и ни в чем другом. (...)»

Можем ли мы сказать, что в нашей иерархии чем человек стоит выше, тем он смиреннее и тем больше сознает себя только слугой? Не можем. Поэтому тут должна произойти психологическая перестройка, чтобы священник себя сознавал слугой прихожанина, чтобы епископ себя считал слугой своих священников и пасомых. Это не значит унижение, но каждый пусть знает, что Единственный, Кому должна воздаваться честь и слава, — это Христос...»

Выписываю многожды перечтенное — и не только перед глазами то Причащение младенцев у Николая в Хамовниках, но и в ушах — возглас Патриаршего Местоблюстителя Филарета (Денисенко), этого срама нашей Церкви, в Троице-Сергиевой Лавре, четыре года назад, на Соборе, избравшем нового Патриарха Всероссийского, — когда кто-то из делегатов осторожно заикнулся, что достойнее Митрополита Суражского не найти:

— Кандидатура владыки Антония не проходит! Он иностранец!

Весной 92-го, после двух или трех моих статей, касающихся обнародованных отцом Глебом Якуниным документов из архива КГБ, в коих все наши иерархи фигурировали под агентурными кличками, повадились ко мне в редакцию ходоки. Прямо с порога радостно верещали: «У меня есть компромат на владыку М.! И на владыку Х.!»

А какой, извините, компромат?

А такой... Этот — не по средствам живет, тот — слабость имеет до девочек, третий — напротив...

Назойливо искал со мною встречи, вообразите, и один архиерей, каким-то чудесным образом смещенный с поста ректора духовных школ, где он премногим досаждал, — и теперь, на пенсии, вдруг возжелавший «пооткровеничить».

Знаете что, повторял я каждому из ходок, идите вы в Патриархию, в Чистый переулок. По Канонам имеете полное право на такое свидетельство, а они — обязаны его рассмотреть. Суда Церковного у нас нет, но есть Синод, исполняющий обязанности Суда и много еще кого.

«Да вы что? — округляли глаза. — Они ж там все заодно! Нешто они кого из своих...»

Во-первых, объяснял, уже приоткрывая дверь в коридор, совсем они не заодно. А во-вторых, ссылайтесь на Каноны, стойте твердо на своем, ваше дело правое...

«Вам, значит, статьи можно писать, — сощуривались глаза на пороге, — а нам по холодку?»

Видите ли, вздыхал (а про себя творил Иисусову молитву, чтобы не сорваться): какой архиерей в быту, не мне и не вам судить, на то Церковь и еще черти. А вот что он произносит с кафедрой, чему учит народ, как ведет себя на виду у всех с властями, хранит ли Священное Предание, почитает ли мучеников и исповедников, не берет ли на себя смелость заявлять, что Церковь спасает не Господь Иисус Христос, а он, архиерей, своей искусной политикой... обо всем этом каждый из нас, грешных, коли мы еще себя считаем православными христианами, может иметь суждение и вправе говорить во всеуслышание.

И — прежде чем распрощаться — рассказывал два случая из церковной истории.

Первый случай — древний.

Жил в начале V века такой Несторий. Был он ревностным служителем Церкви, вначале священником, затем епископом.

Особенно прославился он преследованием еретиков, а их в ту пору было не меньше, чем сейчас. Ничем он не был плох — и служил великолепно, и людей не обижал. И избран был по заслугам Патриархом града Константинополя. Но что-то такое с ним случилось: не очень ему вдруг стало нравиться слово «Богородица». И он, поначалу осторожно, а потом все смелее, принялся именовать Приснодеву то «Человекородицей», то «Христородицей». Да не в келье у себя или среди друзей — в Храме Божиим, с Патриаршей кафедрой! Люди поначалу удивлялись, потом вроде привыкли. Но однажды случился конфуз. Принялся Святейший Несторий проповедовать, слетела у него с языка без запинки «Человекородица» — и вдруг на весь Кафедральный собор крик: «Ложь и богохульство!» Попытался Несторий сделать вид, будто ничего не произошло, поучает народ дальше, но только он поименовал Пресвятую на свой манер — из толпы опять тот же голос, громче прежнего: «Ложь! И бо-го-хульство!!!»

И что вы думаете? Тот крикун, простой мирянин, по профессии адвокат, по имени Евсевий, стал впоследствии епископом. А Несторий был на Вселенском Соборе осужден как еретик и извержен не только из сана, но вообще из Церкви.

Вторая история. Ее приводит в своей книге «Мелочи архи-прото- и просто иерейской жизни» отец Михаил Ардов. Перескажу — с его слов — слово в слово:

Это случилось в московском храме Илии Обыденного 14 мая 1946 года — на день иконы Божией Матери «Нечаянная радость» — там служил Патриарх Алексий I, а с ним протодиакон Николай Парфенов. В самом конце провозглашены были уставные многолетия. Помянувши Патриарха, отец протодиакон, отличавшийся сильным голосом, продолжал:

— Богохранимей стране нашей, властем и воинству ея, первоверховному вождю...

Но не успел он произнести имя «первоверховного вождя», как стоящая у амвона женщина завопила на весь храм:

— Не смей помянуть хриstopродавца! Не смей!

И принялась плевать протодиакону в лицо.

Тот опешил, умолк. А она продолжала вопить и плевать:

— Не смей! Не смей! Не смей!..

Опомнившись, протодиакон буквально заорал:

— Многая лета-а-а!..

Это подхватил и хор, но они так и не смогли заглушить пронзительный женский крик:

— Не смей молиться за хриstopродавца! Не смей!..

Показательна была реакция присутствующих.

Настоятель храма сделался белым как полотно, а молящиеся стали пятиться и разбегаться. В дверях началась давка, но, по счастью, был открыт боковой выход — так что увечий не было.

Окончилось же все по тем временам благополучно. Женщину объявили сумасшедшей. И даже отец настоятель остался на своей должности...

Ни на кого не похожие гости в редакции — священники. Хотя все — разные. Минувшей зимой ко мне пришел тихий, студент студентом, в куртке курточке, отец А.

Вначале — позвонил по телефону. Объяснял, что он хотел бы со мною повидаться, поговорить об отце Георгии Кочеткове и о его общине, изгнанных Патриаршим Указом из отвованного ими пять лет назад у государства, а затем постепенно возрожденного храма во имя Сретения Владимирской иконы Божией Матери, что в бывшем Сретенском монастыре, на Лубянке. Я попытался возразить: мол, история ясная, многое о ней уже в разных газетах написано... нет, говорит, если можно, хотел бы к вам прийти.

Вот — пришел. Он говорит, я говорю. Ну, чего говорить, ведь ясно все. Вы сами-то, спрашиваю, с отцом Георгием как связаны?

— Да никак. Я с ним даже и не знаком. И в храме у него был лишь однажды. Не могу сказать, что мне его службы близки, он — новатор, я, наверное, консерватор... Но ведь нельзя же так! — поднимает юношеский взор, и голос твердеет. — Ведь оболгали их! Никакого канонического нарушения в том, что отец Георгий со своими чадами делает, нет! Наоборот, Патриарх поступает не по Канонам. Прямой произвол, в угоду людям, очень далекий от Церкви... Вчера вот так расправлялись с теми, кто

перешел в Зарубежную юрисдикцию, потом разделались с отцом Глебом Якуниным, теперь — с отцом Георгием... Завтра — погонят всех, кто под руку подвернется, и все больше — пастырей достойных, лучших! Вы, пожалуйста, не спускайте им.

Поздней осенью, еще до снега, был гость со Святой горы Афонской. Тоже не старый, но солидный, чинный, едва ли не архиерейский жезл носящий в походной суме. В приемной, пока меня искали, важно отрекомендовался: «Иеромонах И. с Афона».

Сели мы в буфете, взяли чайку. Так мне хотелось его про Афон расспросить! Куда там! Слова единого за полтора часа не дал вставить. Пришел он ко мне, оказывается, с отеческим увещеванием (вот только узнать я у него так и не смог, частная ли это его инициатива или поручение). Много слов он мне сказал. Вопросы разные ставил — и сам же на них отвечал. Если коротко — паршивая я овца.

Подавал ему пальто, сумку дорожную. Испросил благословения. Прощаясь, он наклонился к самому моему уху и добил овечку закланную:

— Вы, наверное, не знаете... есть пророчество. Патриарх был еще ребенком. Старец с Валаама на него посмотрел — и сказал: будущий Патриарх и будущий святой! Так что вы поосторожнее.

Добрый путь, батюшка!

Где мой приход? Там, куда Бог меня забросил.

Кто мой поп? Тот, к кому я сегодня попал на службу.

Отец Н., мой пристальный читатель:

— Вот что, — в самом начале вечерни, обходя храм с каждением, встретив меня в дверях (я чуть припозднился к началу), небрежно помахивая кадилом, глядя в пол, не впуская, — я думаю... вам... в мой храм... ходить... не следует.

— Отче, — думая, не ослышался ли, — вы мне отказываете даже в молитве мытаря, при дверях?

— Поезжайте в Лавру, к отцу К. Если вам он разрешит — подумаю...

«Осторожно, двери закрываются. Следующая станция...»

Я так часто вижу во сне электричку, на которой полтора десятилетия назад ездил в самый первый мой храм: два часа на перекладных в один конец, два часа — обратно. Как мы были счастливы тогда, в пору закрученных гаек! Как свободны! Паршивые овцы среди прирученных волков.

Мой храм плыл в чистом поле, подобно ковчегу, и каждому тонущему готовы были протянуться сразу несколько цепких рук. Мы любили друг друга, и всех наших подневольных архиереев, и престарелого болезненного нашего Патриарха, а уж батюшку нашего, нашего улыбочивого попа — отца В., многодетного, многодетного, битого, переломанного в авариях, изнуренно-службами и требами, хворающего то почками, то сердцем, его-то как!..

Храмов тогда было меньше. Милиции — больше. Милиция не для охраны приглашенных сановников от хулиганов дежурила на Пасху, а чтобы кого-нибудь из нас, по возможности, в храм не впустить. Но мы держались заодно — и все прорывались сквозь двойной кордон.

И был такой случай, как раз на Пасху. Он тоже иногда является мне во сне — будто снятый на видео. Едем на электричке. Чем ближе наша станция, тем больше нас в передних двух вагонах (из задних наши еще и еще подгребают, чтобы быстрее до храма дойти).

И вот мы подъехали к той станции, за которой — наша. И из поезда, похоже, все, кроме нас, вышли (там городок небольшой, люди домой едут). И машинист выглянул из кабины, сообразил, что, пожалуй, всем оставшимся в его электричке — по пути, и громко, радостно так объявил:

— Осторожно, двери закрываются...

И еще кое-что сказал — отчего мы дружно грохнули и смеялись всю дорогу, а дороги оставалось всего ничего, минуты две или три; и смеялись; и пели, и обнимались... уж так он хорошо тогда объявил.

Знаете как?

— Следующая станция — Церковь!

Вечная ночь в Гефсиманском саду

Страдания и смерть Христа. В них для верующих во всем мире — суть религии и личности, вечная драма, которая и придает празднику Пасхи особый, метафизический смысл. Четыре евангельских повествования представляют целую галерею ярких характеров: предающий Иуда, отрекающийся Петр, злорадующийся первосвященник Каиафа, рефлектирующий Понтий Пилат, разбойники, распятые вместе с Иисусом. Все это будоражило человеческое воображение и вдохновляло на создание величайших произведений живописи, музыки, литературы. Тончайшая драматургия, заложенная в Евангелиях, стала основой для создания Бахом, Моцартом, Верди, Берлиозом церковной музыки, для народных мистерий о страданиях Господа, для многочисленных романов и поэм. Но до сих пор не утихают споры среди историков, теологов, простых верующих по поводу исторической основы Евангелий. Кем были Матфей, Марк, Лука и Иоанн? Где именно они писали свои повествования и насколько глубокой редактуры подвергло время эти повести? Кто непосредственно виновен в смерти Христа? Какое преступление в глазах судивших его он совершил? Почему четыре Евангелия разнятся в изложении одной и той же истории?

Порой нам
только кажется,
что мы
приоткрываем
завесу
над библейскими
тайнами...

Смерть. Один из самых важных моментов в христианской религии. Христианство было бы чем-то совсем иным, если бы Иисус умер, например, от сердечного приступа на берегу Галилейского моря.

В общих чертах факты жизни Христа уже давно не вызывают сомнений. Он действительно с успехом проповедовал новое учение, считался целителем и чудотворцем, был арестован, подвергнут пыткам и казнен солдатами римского наместника примерно между 30 и 33 годом нашей эры.

Что касается других фактов, исследователи, ломая копья, утверждают порой прямо противоположные вещи. Суд и казнь Иисуса происходили ли публично, свидетелями чего были и нехристианские летописцы. Евангелия же, без сомнения, проникнуты декларативным духом раннехристианской церкви. Потому и рассматривать и анализировать их нужно лишь сквозь эту призму.

Исследования некоторых современных амери-

канских теологов вызывают интерес именно своей свежестью и неординарностью. Один из оригинальных толкователей, Раймонд Браун, профессор нью-йоркского теологического семинара, специалист по текстам Нового Завета, созидаватель и творец, в отличие от тех, кто подвергает Священное Писание вивисекции. «Ученейший из ученых, первый среди американцев в области исследования Библии, превосходящий многих по качеству и зрелости своих работ» — так отзываются о Брауне его авторитетные коллеги-теологи.

Исследования Брауна затрагивают самые трудные в философском и этическом отношении пункты христианской теологии и не менее щекотливые вопросы взаимоотношений христианства и иудаизма. Ответы на эти вопросы он пытается искать с бесстрашием и честностью. В своих исследованиях он идет лишь путями, предварительно испытанными и снабженными крепкими доказательствами.

Тем не менее таких, как

Браун, можно отнести к редкому типу ученых-романтиков, что ни в коей мере не снижает научно-исторической ценности его исследований. Значение каждого рассказа о Страстях Господних, считает он, не может быть отделено от мощного повествовательного заряда, от литературного дарования каждого автора Благовествований. В противном случае Евангелия не трогали бы так глубоко и простых людей и великих художников. С точки зрения Брауна, каждый евангелист был мастером композиции, организуя свой материал таким образом, чтобы подтвердить историю о том, как «во Христе осуществлялся план установления Царства Божьего на земле».

Из всех четырех Евангелий сцена в Гефсиманском саду, — чем повествует Марк, — самая суровая и трагичная по силе чувств, вложенных в нее. У Марка ученики не только оставляют Христа, страшась, что тоже будут арестованы, но теряют веру в Иисуса задолго до мо-

мента Его чудесного Воскресения. Оставшийся в полном одиночестве, отчаявшийся Иисус иступленно молит Отца, чтобы «чаша сия» миновала Его. Читателям этого места, говорит Браун, часто не удается подметить следующее: Иисус просит избавить Его от страшной участи, которую Его ученики разделить с Ним отказываются. Но Бог не отвечает на молитву. Несмотря на свою слабость, Иисус в конце концов полностью смиряется с уготованной Ему участью. Иисус Марка — самый человечный из всех четырех образов Христа, нарисованных евангелистами. Он испытывает страх перед лицом смерти, как и всякий простой смертный. Это Евангелие писалось для жестоко преследовавшихся членов ранних христианских общин Рима, где необходимость мученичества была в конце концов отвергнута. Во имя этого, как следует из Евангелия от Марка, Христос и пытался противостоять насильственной смерти.

Матфей, Лука и Иоанн повествуют, что один из учеников Христа (Иоанн называет его по имени: Симон Петр) при аресте пытается сопротивляться и отсекает ухо у раба первосвященника. Иисус, однако, осуждает этот акт. У Луки, который последовательно изображает Иисуса как исцеляющего и всепрощающего Спасителя, Христос, коснувшись уха раба, излечивает его. Браун делает вывод, что это одно из немногих мест в Евангелиях, где заключена реакция на ходившие в народе до написания Благовествований изустные моральные проповеди. Для раннего поколения христиан делом жизни и смерти был вопрос: учит ли Иисус сопротивляться насилию? Из вышеприведенной сцены логически следует ответ, не требующий двойного толкования: «Нет».

Сцена допроса Иисуса у первосвященника — одно

из самых больных мест в еврейско-христианских взаимоотношениях. Некоторые исследователи до сих пор подчеркивают ответственность евреев за приговор, вынесенный Христу, и за Его казнь. Другие утверждают, что истинными виновниками были не евреи, а римляне, скрепившие смертный приговор печатью. По мнению Брауна, степень вины той или иной стороны соотносима со степенью ответственности (для того времени и в тех обстоятельствах) самого Христа. Иисус пытался сделать нечто, ставшее под угрозу существовавший в тот период институт Церкви. А любая угроза Церкви была серьезным дестабилизирующим элементом как для Рима, так и для подкармливаемой им иудейской верхушки.

Основные выводы на новейших археологических данных, Браун подтверждает заключение о том, где умер Иисус: произошло это на скалистой возвышенности, расположенной ныне на месте Храма Гроба Господня в Иерусалиме.

Совсем иное дело — как умер Христос. Современные медицинские светила утверждают, что смерть была вызвана асфиксией. «Но Евангелие не содержит медицинского заключения», — считает Браун.

Детали трагического момента используются скорее в нравоучительном и вероучительном, нежели реально-историческом контексте. У Иоанна, например, из тела Христа начинают истекать вода и кровь — символическое отображение Благодати Святого Духа, питающей христианскую Церковь.

Еще важнее — последние слова Иисуса Христа, произнесенные на кресте. Если у Марка и Матфея Иисус, испуская дух, восклицает в отчаянии: «Боже Мой! Боже Мой, для чего Ты Меня оставил?», у Луки приводится твердое: «Отче! в руки

Раймонд Браун

Твои предаю дух Мой», то у Иоанна Сын Божий властно произносит одно, но самое важное для всех Евангелий слово: «Совершилось». Таким образом, одно это слово воплощает всю суть теологии Иоанна о богопосланности Мессии, исполнившего свою миссию на Земле. «Что в действительности сказал Иисус, если он вообще сказал что-либо, — замечает Браун, — один из тех редких моментов, когда история предпочитает фактам молчание».

В чем же все-таки оригинальность и даже дерзость исследований Брауна? Его главная задача — объяснить в деталях, что евангелисты хотели донести и что донесли до своих слушателей-читателей. Там, где теологи-максималисты видят непреодолимые разрывы повествованиями о страстях Господних и реальными фактами двухтысячелетней давности, Браун наводит мостки к более ценному и не менее реальному — к самым ранним воспоминаниям христиан о приходе Мессии. Эти воспоминания зачастую строились на примитивных проповедях и «учительстве» и даже включали элементы реакции слушателей на проповеди в последних письменных версиях «благих вестей». Половина рассказов о страстях Господних, считает Браун, скорее передает нам характер веры во Христа, нежели что-либо о личности Иисуса. И реакция верующих на образ Иисуса раскрывает суть забот и чаяний христианских общин первого

века нашей эры.

Браун ясно видит, что Евангелия от Матфея и Иоанна пронизаны антиеврейскими настроениями. Это отчасти объясняется настроениями верующих в ту эпоху, попавших в центр раздирающих разногласий между Синагогой и развивающейся христианской Церковью. Анализируя обвинения христиан, предъявляемые евреям, Браун пытается доказать, что ответственность последних относительно и ее нельзя смешивать с чувством вины, испытываемой невольными виновниками гибели Мессии. Кроме того, на Иисуса в те времена смотрели как на «нарушителя спокойствия». Появись Иисус в наши времена, полагает Браун, его уж точно бы арестовали и подвергли строгому наказанию. Большинство из тех, кто верил в его вину, считали себя христианами, а на Христа смотрели как на самозванца.

Был ли Иисус политическим революционером тогдашней эпохи, стремившимся освободить свой народ? Браун решительно отвергает эту схожую в XX веке точку зрения (ее, например, разделял кинорежиссер П.-П.Пазолини). Политическая атмосфера в годы римского владычества на территории Иудеи и всех прилегающих областей была мирной и спокойной. Пилат, в отличие от иудейских царей, правивших до него, тираном отнюдь не являлся.

Может ли реальный, исторический Иисус быть отделен от фигуры евангельского Христа? Как доказывает Браун, четверо евангелистов в очень большой мере опирались на псалмы и книги еврейских пророков. В псалмах, кстати, имеется много моментов, перекликающихся с благоговениями, включая, например, известный всем уксус (или уксусное вино), которым распятому Христу смочили губы.

Некоторые исследователи, такие, как Джон Кроссан из чикагского университета «ДеПол», считают, что ранние христиане выписывали ветхозаветные цитаты с тем, чтобы снабдить Мессию божественными верительными грамотами. У Брауна несколько иная точка зрения: «Сознание ранних христиан, конечно, было пропитано библейскими образами и изречениями. Они живо интересовались тем, что происходило на их глазах (появление исторического Иисуса), но единственный язык, на котором они могли отвечать на стоящие перед ними вопросы о значении прихода Христа, был языком Ветхого Завета. Отсюда и рифмы в двух из Евангелий.

Научные метания не должны тревожить сознание обыкновенных верующих. Тем не менее в Соединенных Штатах верующие обладают возможностью обратной связи. Социолог из Принстона Роберт Вутнау подсчитал, что в стране сейчас действует до 900 тысяч кружков по изучению Библии, и в их работу вовлечен каждый десятый взрослый гражданин Америки (не говоря уже о воскресных школах). Многие из этих взрослых студентов расстраиваются, когда понимают, что Библия не является учебником истории. Но, по мнению профессора Брауна, погоня за историческими аналогиями зачастую отдаляет возможность познания истины. «Священное писание, — говорит он, — несомненно является словом Божьим. Но нельзя считать, что Бог выбирал его как единственный способ общения с многочисленными будущими поколениями верующих. Мистическая поэзия, притчи, дидактическая беллетристика — иной допустимый способ влияния на умы духовных приверженцев христианского учения».

Помимо общепринятого теологического направления в Аме-

рике сильна иконоборческая ветвь исследований, собирающих по кусочкам такой образ Христа, о котором в воскресных школах точно уж не слышали. Эти специалисты считают, что библейский Иисус был мифом, созданным строившими Церковь христианами несколько десятилетий спустя после распятия. Реальный Иисус, утверждают они, был не в большей степени Сыном Божьим, чем какой-либо другой смертный.

Американские исследователи, разрабатывающие эту линию, принадлежат к так называемому «Христианскому семинару» — группе из 77 специалистов по Новому Завету, которые встречаются дважды в год, чтобы объединить усилия по демонтажу евангельской истории Иисуса и построению своей собственной версии того, что случилось две тысячи лет назад. «Семинаристы» сдирают с образа Христа лоскутья мифологии. После подобного препарирования остается, в лучшем случае, полуграммотный еврейский цадик, напичканный плоскими максимами.

«Христианский семинар» прославился благодаря эксперименту, получившему название «цветное кодирование Нового Завета». Со дня своего основания эта группа исследователей подвергла пристальному рассмотрению все высказывания Христа, фиксируя точность и достоверность каждого из них с помощью цветного шрифта. Красный цвет означает, что «Христос вне всякого сомнения произносил те или иные слова». Розовый — для утверждений, близких к тому, что Иисус мог сказать. Серый — для то-

го, что он не говорил.

Черный касается тех слов и мыслей, которые совершенно чужды образу Христа. В конце прошлого года «Христианский семинар» опубликовал новую версию «святых благовествований» с высказываниями Христа, напечатанными цветным шрифтом. Красного оказалось совсем мало. В знаменитой молитве «Отче Наш» красным были отмечены лишь первые два слова.

В придачу к четырем каноническим Евангелиям (от Матфея, Марка, Луки и Иоанна) «семинари-

сты» ссылаются на ряд ранних христианских письменных трудов, которые не принимаются в расчет другими экспертами либо как апокрифические, либо как не имеющие никакого отношения к Христу. К ним относится фрагментарное «Евангелие от Петра», найденное в Египте в XIX веке, и утраченное Евангелие под литерой «Кью». «Семинаристы» утверждают, что авторы Евангелий полагались на еще более ранние документы, которые исчезли по каким-либо причинам. Ссылаются они и на Евангелие от Фомы — сборник высказываний Христа, найденный в Египте в 1945 году. В новое издание Евангелий «Христианский семинар» включает Фому как полноправного евангелиста под номером «5», хотя некоторые авторитеты ставят под вопрос подлинность этой работы, относимой к I веку нашей эры. Даже сами «семинаристы» кое в чем сомневаются насчет Фомы.

Члены семинара очищают Новый Завет как луковицу, отбрасывая все, что, по их мнению, было добавлено ранними христианами, которые соз-

дали институт Церкви, превратив Иисуса из смертного крестьянина в Божество, восторжествовавшее над смертью. В Евангелии от Марка, отмечают они, о Воскресении Христа объявляет «вестник в одежде», у Матфея посланником является уже ангел, у Луки — два ангела, у Иоанна о своем Воскресении возвещает сам Иисус.

Христианские фундаменталисты говорят, что канонические Евангелия правдивы до мелочей, это не подлежит обсуждению. Более либеральные христиане утверждают, что «семинаристы» слишком уж полагаются на отрывочные писания из ранней христианской эры.

Может ли вера (или организованная религия) строиться или держаться на описанном «семинаристами» образе Иисуса?

Члены «Христианского семинара» утверждают и даже настаивают на том, что может. «Христианские убеждения — это акт веры в исторического Иисуса как воплощения Господа», — пишет Кроссан в своей книге «Иисус: Революционная биография».

Иисус, которого он и его коллеги выводят «на кончике пера», может поразить ортодоксальных христиан как слишком непосредственный и упрощенный образ, более достоверный, чем традиционная фигура, нарисованная Раймондом Брауном и другими теологами-традиционалистами.

В какого бы Христа ни верил человек, тот факт, что великая религия выросла из такого простого источника, может сам по себе приниматься за некий Божественный Промысел.

С.ТОЛКАЧЕВ

Фото из журнала «Ньюсуик»

СВЕЧА ДОЛЖНА ГОРЕТЬ

Не сомневаюсь: когда закончится в России атеистический скепсис и националистический угар, мы снова и еще раз сумеем осознать истинное значение подвига отца Александра Меня, посвятившего свою жизнь проповеди слова Божьего в стране, лежавшей в духовных руинах. И тогда каждая страница его рукописей, каждый метр видео- и киноплёнки, магнитофонной ленты, каждая фотография, запечатлевшая этого удивительного и замечательного человека, — станут, я думаю, не просто исторической реликвией.

Сегодня наше общество, к несчастью, снова поклоняется старым идолам — безверию, стяжательству, земным утехам. Однако есть люди, по крупице собирающие материалы, связанные с наследием выдающегося священнослужителя, проповедника, богослова, философа. Объединены эти люди в Фонде имени Александра Меня.

Возглавляют Фонд сын и супруга покойного протоиерея — Михаил Александрович и Наталья Федоровна. Активно работают в Фонде брат о.Александра — Павел Владимирович, священники о.Георгий Чистяков и о.Александр Борисов. Главная деятельность Фонда сегодня — издание трудов Александра Меня.

— После мученической смерти отца Александра, потрясшей буквально весь мир, пробудился огромный интерес к его трудам, — рассказывает ближайшая сотрудница Александра Меня, организатор его выступлений, составитель сборников его лекций Анастасия Яковлевна Андреева.

— Его книги и книги о нем выходили одна за другой. Но, как правило, были они изданы плохо, некоторые — пиратским образом. Тогда, по инициативе семьи о.Александра, и был создан Фонд, чтобы взять в свои руки все издания.

Еще при жизни о.Александр Меня, осуществляя замысел русского философа Владимира Соловьева, написал шеститомную историю о поисках человечеством пути к Христу. К этому, уже изданному шеститомнику Фонд готовит дополнительный, седьмой том — известный труд о.Александра «Сын человеческий» о земной жизни Иисуса Христа.

Отцом Александром была задума-

на огромная работа «Лики святых». По мнению богослова, история христианской церкви — это история ее святых. Свой труд Александр Меня начал с Апостолов и успел написать только о двух из них. Эта работа готовится к изданию под названием: «Святые Апостолы Петр и Павел».

Должен выйти «Библиологический словарь», составленный о.Александром. Это, скорее, краткая энциклопедия о людях христианской церкви, посвятивших себя изучению Библии. Два цикла лекций Александра Меня: «Библия и мировая литература» и «Русская религиозная философия» готовит к печати А.Я.Андреева.

К стыду сказать, средств на издание наследия о.Александра у Фонда его имени — мало. Есть несколько спонсоров, но они не в состоянии обеспечить дорогостоящие ныне полиграфические расходы. А ведь можно было бы еще выпустить видеозаписи и аудиокассеты с лекциями и беседами выдающегося проповед-

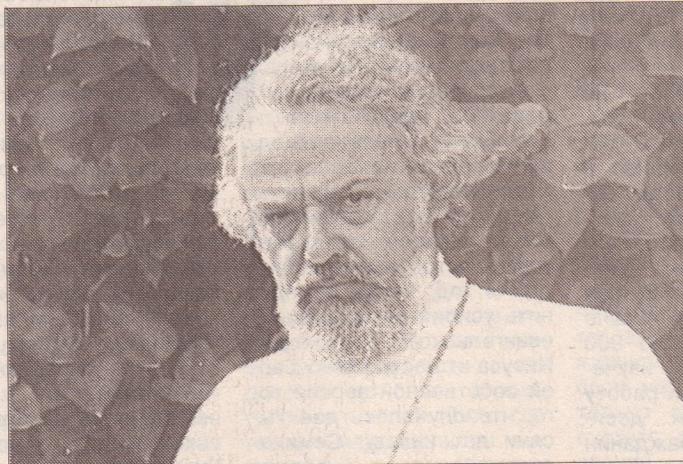
ника. Не хватает Фонду современного оборудования для обработки, систематизации и хранения материалов, связанных с жизнью и деятельностью о.Александра.

Да что говорить! Фонд имени Александра Меня приютился сегодня в одном из московских храмов, хотя было бы органично разместить и сам Фонд и музей о.Александра в квартире на Серпуховке, где прошли детство и юность нашего великого современника. Была бы воля властей, к сожалению, мало пока озабоченных духовным возрождением и развитием народа.

А ведь не за горами времена, когда люди в поисках духовных пастырей вновь активно обратятся к словам и делам о.Александра.

Для всех, желающих помочь Фонду имени Александра Меня, сообщаем московский контактный телефон: 229-52-62.

Владимир ГРИБАНОВ

**Отец Александр Меня на съемках фильма «Бердяев»
Июнь—август 1990 года
(Публикуется впервые)**

КТО ВЗЯЛ ТУЛОН? И ЗАЧЕМ?

В тринадцатом номере вашего журнала напечатана статья Валерии Новодворской «Осень патриарха».

Вынужден заметить, что исторические экскурсии — вещь очень рискованная. Историю нужно хорошо знать, чтобы позволять себе разного рода аналогии.

Доказательства — в цитате из «Осени патриарха».

Как пишет Новодворская: «Помнится, Наполеон лихо подавил Тулонский мятеж, пустив в ход артиллерию для ликвидации уличных волнений. И тоже там волновались какие-то местные красные, сиречь якобинцы».

Здесь спутаны два события. Первое — взятие войсками французской республиканской армии (среди командиров был и Бонапарт) в 1793 году города Тулона, захваченного монархистами и иностранными оккупационными войсками. Второе же — действительное подавление Наполеоном восстания. Но не в Тулоне, а в Париже. И не красного, якобинского, а как раз наоборот, монархистского. В этом случае Бонапарт применил артиллерию для разгона мятежников и спас республику.

И в том и в другом случае Бонапарт выступил на стороне «красных». «Бельм» он стал значительно позднее. Так что пусть спит спокойно.

А вот Валерии Новодворской хотелось бы пожелать за такими вещами следить. Есть же у вас знающие люди. И даже очень знающие. Один Максим Соколов чего стоит!

Ю.САБАНЦЕВ

Санкт-Петербург

СТРАННЫЕ ИГРЫ

Лотереи — примета нашего времени. Возле станции метро здоровенные ребята обещают каждому, кто уплатит ничтожную сумму в рублях, выигрыш аж до миллиона долларов. За тысячу рублей обещают квартиру в Москве. Прельща-

ют автомобилями, поездками за рубеж.

Известно, что большая часть этих мероприятий — откровенно мошеннические. Никакая квартира или отдых на Канарских островах вам, конечно, не светит. Но как быть, если организатор лотереи весьма респектабелен и пользуется самой хорошей репутацией? Например, госдепартамент США? Значит ли это, что вы смело можете отдавать свои деньги и ждать выигрыша, полагая, что здесь, по крайней мере, честная игра?

Не торопитесь. Может оказаться, что те, кому вы отдали деньги, и те, от кого надеетесь получить приз, не имеют друг к другу никакого отношения.

11 марта в газете «Московский комсомолец» была опубликована заметка «Прописка в Америку по лотерее?». Российские граждане, желающие хоть на краткое время вырваться за рубеж, должны были заполнить специальную анкету и послать ее в США. Выигрыш — получение права на постоянное жительство в этой стране. Победителей будет определять компьютер государственного департамента США. И внизу — номера телефонов для тех, кто желает принять участие в лотерее. Позвоните — и вы получите анкеты.

Позвонил. На другом конце провода мне сообщили, что обойдется мне вся эта затея примерно в 60 долларов. Я поинтересовался, почему так дорого. Мне объяснили, что это стоимость анкеты плюс пересылка ее за океан. Отправлена она будет исключительно дипломатической почтой.

60 долларов — сумма не маленькая. Но, с другой стороны, как сообщалось в газетной заметке, «по прогнозам, каждый пятидесятый участник лотереи сможет уехать за океан».

Я долго колебался, отдать мне деньги или нет. Потом вспомнил, что у меня есть знакомый, работающий в американском посольстве. Решил с ним связаться, чтобы узнать, стоящее ли это дело.

Удивление моего приятеля было безграничным. Оказывается, вся лотерея — совершенно бесплатная. Никаких особенных анкет не надо вообще. В американском посольстве установлен специальный автоответчик, который на русском и английском языке сообщает всю исчерпывающую информацию по поводу лотереи. И мне тут же дали номер телефона, не имевший, разумеется, ничего общего с теми,

которые были опубликованы в газете.

По этому телефону я и позвонил. Приятный мужской голос предложил мне взять лист бумаги, написать на ней мое имя, фамилию, дату и место рождения, другую информацию... Специально подчеркнуто, что отправка — только общей авиапочтой. Напоследок сообщили подробный адрес в США.

И все! Никакого упоминания о деньгах.

Я спросил моего знакомого, знают ли в посольстве о существовании целой конторы «добровольных посредников», которые решили обогатиться за чужой счет? Он ответил, что слышит это от меня впервые. Ну что ж, вот вам еще один способ «сравнительно честно» отнимания денег.

Н.ЮСУПОВ

Москва

ГЕРОИ ВСТРЕТИЛИСЬ С АВТОРОМ

Несколько запоздало, но все же хотим поблагодарить за вашу публикацию в №51 за 1993 год рассказов актрисы Елизаветы Ауэрбах с прекрасной статьей о ней искусствоведа Ольги Дзюбинской. Благодаря журналу «Столица» мы, живые герои ее «Прощального сюжета», восстановили наши старые связи. Перед 8 Марта мы пригласили Елизавету Борисовну в наш институт на вечер. Собрался полный зал — чего в последнее время почти не бывало, пришли и наши ветераны. Всем давно не было так хорошо. Сердечное вам спасибо за неожиданное продолжение «Прощального сюжета».

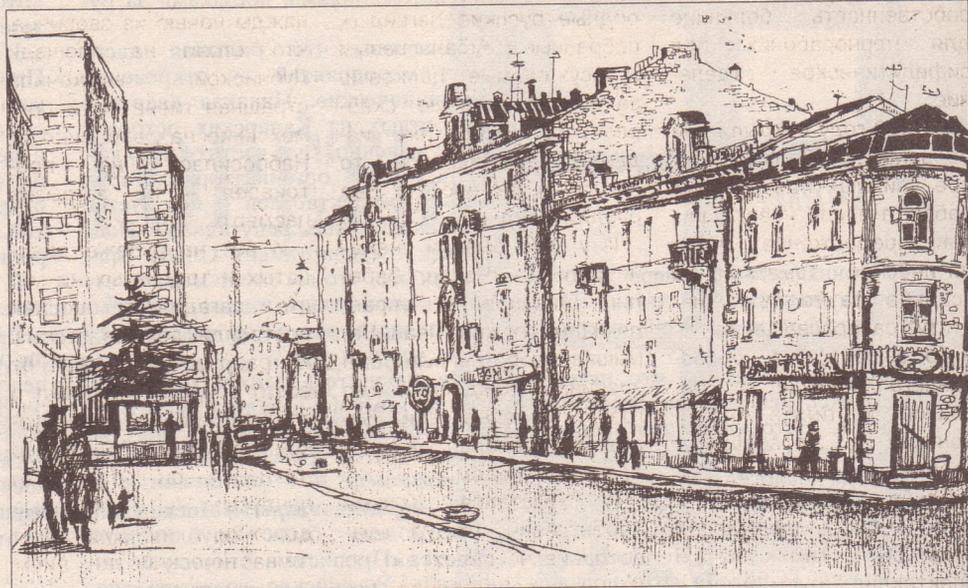
По поручению коллектива
лаборатории биологии и биохимии
почв Почвенного института имени
В.В.Докучаева
Н.А.ТИТОВА,
кандидат
сельскохозяйственных наук

Москва

Алексей
МИТРОФАНОВ

УЛИЦА, ЧТО ВЕДЕТ В НИКУДА

В этой части Москвы — на севере, между Бульварным и Садовым кольцом — улицы чередуются. Сначала — шумная, веселая, торговая, затем — пустынная, молчаливая, замкнутая в себе. Экстраверт — интроверт. Цветной бульвар (экстраверт) — Трубная (интроверт) — Сретенка (экстраверт) — Мясницкая (интроверт) — Покровка (экстраверт) — Воронцово поле (интроверт).

Словно Сретенка с Покровкой оттянули на себя общительность, изначально предназначенную для Мясницкой. (Замечу в скобках: Новокировский проспект — не в счет. Он, по молодости лет, еще не улица.)

Правда, начало этого отрезка бывшей Кировской более-менее оживленно. Продуктовый магазин в бывшем Гусятниковском доме. Аптека, в которой работал орловский аптекарь, герой одноименного романа.

Раньше было чуть повеселее. На месте министерского строения, что слева, размещалась знатная кондитерская г-на Эйнема.

Мясницкая улица названа так по размещавшейся здесь триста лет назад слободе мясников. Была и Фроловкой и Евпловкой, при советской же власти — Первомайской и Кировской.

В этот день у Эйнема пекли пироги.

Византийские. Пышные. Сдобные — ностальгировал Аминад Петрович Шполянский, известный как Дон Аминадо. Зайцев встречался тут с Блоком, а академик Каблуков оставил тут однажды свою любимейшую трость. Рванул тотчас же к Абрикосову — там, говорят, не видели. Отправился к Эйнему — и пропажу получил.

— Неужели немцы честнее русских? — расстроился рассеянный ученый.

Сегодня сразу за аптекой улица стихает, и даже скандальная по своему замыслу галерея «Риджина», что в доме 36, почти всегда пустует. Видимо, место выбрано неподходящее.

Но историей Мясницкая отнюдь не обделялась. Взять хотя бы барскую усадьбу номер 42, построенную Казаковым. Здесь у Бегичева останавливался Грибоедов — «Горе от ума» писал. Хаживали к нему Одоевский, Верстовский, Кюхельбекер и Денис Давыдов. А в 1855 году дом передали в

Рис. Ю. Николаевой

собственность больнице для чернорабочих, под сифилитическое отделение.

В 1882 году открыли при больнице Долгоруковское училище повивальных бабок, а после революции, как продолжение сифилитической тематики, в усадьбе разместился институт санпросвещения.

То было время неосознанного абсурда, и директор института С. Волконская совершенно всерьез основала в усадьбе Государственный театр санитарной культуры. Там играли спектакли «Конец Андрея Ивановича», «Доктор Егор Кузнецов», «Люди в белых халатах», «Цианистый калий» и «Почему у вас нет детей». А консультантом по литературно-репертурной части был Михаил Булгаков.

Тут ныне редакция «Аргументов и фактов», газетный ларек во дворе и в одной из пристроек — обувной коммерческий «салон». Еще год назад тот «салон» назывался двусмысленно — «Дежа», но, видимо, газетчики обиделись, и «салон» вообще названия лишился.

А напротив — другая усадьба — тоже старая, но поважнее. Приемная министра обороны. Дом принадлежал Козьме Терентьевичу Солдатенкову — «московскому Медичи», «мясницкому меценату». Старообрядцу рогожского толка, но весьма экстравагантному старообрядцу. Жил во грехе со французенкой, некоей Клеманс, жил открыто. Путешествовал с нею по всяческим странам. При этом содержал модельню, в которой сам же и священнодействовал. Собирал картины, книги. Издавал. К примеру, «На-

родные русские легенды», собранные Афанасьевым и осуждаемые церковью за их чрезмерную скабрёзность. Ежели его издания залеживались, то продавал на вес, по два рубля за пуд.

И у него бывали знаменитости — Чехов, Забелин, Аксаков. А управляющим служил Иван Барышев, собственный сын хозяина, рожденный во грехе. Впоследствии Барышев сделался писателем и краеведом.

И хвастался Козьма Терентьевич, что в православие не переходит по причине собственной порядочности — ведь православные устраивают гонения на старообрядцев.

После революции здесь размещался, как ни странно, санаторий, а в войну — Ставка Верховного главнокомандующего, Сталина. И, вероятно, есть от дома подземный ход к метро — иначе как бы вождь, не выходя на улицу, 6 ноября 1941 года оказался бы на митинге на «Маяковской»?

Во всяком случае, приемная министра обороны вряд ли лишена путей к тайному отступлению.

Бок о бок с приемной — известный дом Ле Корбюзье. Мэтр конструктивизма создал его вместе с товарищем Колли, при этом Колли был советский (для Запада — русский), Ле Корбюзье же — француз.

Была на этом месте церковь Николы Чудотворца в Мясниках — большая, легендарная. Говорили, что Петр Великий самостоятельно исполнил план будущей церкви, а после же присматривал за тем, как ее строят. По версии иной тот храм отгрохал некий думный дьякон, чтобы загладить тяжкий грех — отца не почитал. А то од-

нажды ночью из зверинца, что стоял на площади Лубянской, выскочила страшная гиена — и прямехонько на двор Николы. Набросилась на протоиерея — и загрызла насмерть.

И вот на рубеже двадцатых и тридцатых на месте загадочной церкви построили дом из стекла. «Я работал для СССР от всего сердца», — писал о той постройке француз-конструктивист. Вместо лестниц он приделал пандусы — наклонные дорожки, предусмотрел гимнастический зал, лифт «конструктивистский» — без дверей. Главным же фасадом развернул свое творение на Новокировский проспект (тогда он только подразумевался, и получилось — в никуда).

Однако же не удалось создать двойные стены, чтобы циркулировал в них воздух, подогретый зимой и охлажденный летом. Со временем застроили пространство между опорами (а дом поначалу стоял на ногах). Но он все равно впечатляет. Черный и огромный непомерно, он, точно злой и агрессивный инопланетянин, сел на беззащитную Москву и

уничтожил все, что оказалось на «посадочной площадке».

А впрочем, так и было.

Окончание Мясницкой улицы — какой-то «уголок конструктивиста». Кроме монстра, привнесенного сюда Ле Корбюзье, торчит здесь еще один дом «из стекла и бетона» — Госторг работы Великовского. Это здание — такой же недоделаш. В нем недостроили четырнадцатитажную башню по центру. Тем не менее оно — любимец Маяковского. «Солнца окон сияет Госторг», — писал автор «Клопа».

Последний же аккорд той улицы — малюсенькие домики прошлого века. Заброшенные, неприглядные. Они-то и выводят старую Мясницкую к Садовому кольцу. Выводят просто так, не на просторство площади, не к станции метро. И этим — словно насмеваются над новым временем и над людьми, идущими по улице не просто так, а по какой-нибудь необходимости дурацкой.

Мясницкая улица. Вид от Бульварного кольца
Фото из собрания М.Струкова

ПРИЯТНОГО АППЕТИТА!

Весна выбросила на улицы Москвы большое количество ларьков и пластмассовых столиков, где можно перекусить. Время от времени вокруг этих стихийных сооружений толпится много народа — особенно в середине дня, когда наступает обеденный час и хочется отведать чего-нибудь прохладительного, горячительного или просто горячего. Подобные «бистро» мы созерцаем с недавних пор чуть ли не у каждой станции метро, неподалеку от торговых центров или на перекрестках-площадях.

Да, сейчас уже не те времена, когда можно было поесть недорого. Правда, отстояв недюжинную очередь в столовую, пельменную, пончиковую, сосисочную... Зато после зимы как грибы после дождя появились кругом торговые палатки, переносные фургоны, наспех сколоченные прилавки — для желающих утолить голод. Здесь на ваш выбор могут предложить: пиццу или «хот дог», сардельки и хачапури, кофе, пепси или пиво... Где-то ассортимент большой, где-то меньший. Цены тоже разные, как и качество самой пищи.

Узнать о качестве блюда, продаваемых на улицах, можно двумя способами. Первый — перепробовать как можно больше. Второй — наблюдать, как едят другие. Прикинув свои материальные возможности и степень риска для здоровья, я выбрала последнее. Вот в красно-белой палатке, которая называется то ли «Русский ресторан», то ли «Экспресс-кафе», недалеко от памятника Пушкину, продается горячая пицца. По размеру и цвету она больше походит на обыкновенную диетическую булку, с одной лишь разницей — на пиццу сверху набросано что-то вроде кусочков колбасы и неизвестной

зелени. Кроме того, здесь можно купить кулебяку с мясом, доселе неизвестный «корн дог» — это такая тонкая булочка на палочке, как эскимо. А также — беляш, шоколадку, двухлитровую бутылку «коки» или стакан фанты. И покупают, и пьют, и едят. Со скучным видом, но без особого отвращения.

Все там же, на Тверской, около бывшего магазина «Армения», в похожем ларьке несколько иной выбор. На витрине выставлен скромный ассортимент: «хот дог», неприметного вида пирожное, кофе, баночное пиво... Только что здесь купил «хот дог» лысый мужчина. Вот он с аппетитом кусает коричневую с голубоватым оттенком сосиску... Морщится (горячо, что-ли?). И вдруг ловко сует сосиску в карман пальто. Интересно, с чего бы? Может, решил подарить «хот дог» своему домашнему животному?.. Зато дородная женщина, покупающая «хот дог» после лысого, напротив, с явным удовольствием хрустит корочкой хлеба и сосиской, заедая их «Ленинградским» мороженым в шоколаде.

Помимо ларьков с самодельной выпечкой в городе курсируют солидные фургоны, оснащенные импортным

оборудованием для приготовления пищи. У них и качество продуктов и стоимость выше. Эти передвижные кафе вы заметите издали — по ярким надписям на белых боках фургонов. Их отличительная черта — нет очереди. Видимо, из-за серьезных цен. Народ толпится, в основном, у ларьков с самодостаточными названиями вроде: «Блинчики на Страстном». Люди предпочитают кофе или пепси с горячими блинами, внутри которых мясо, говяжья печень или курага: как-никак быстро и довольно недорого. Контингент едоков самый разношерстный. За одной стойкой поглощают блинчики: моложавый господин, приехавший на «джипе», и смуглокожий нищий, попрошайничающий недалеко отсюда. Кстати сказать, нищие и бомжи в подобных местах ведут себя бойко — отхлебнут из стакана какой-нибудь зазевавшейся гражданки и ждут, когда брезгливая особа сама оставит им после этого недавно приобретенную еду. Я дважды видела такие случаи. Так что задумчивые и мечтательные соотечественники могут остаться без обеда.

..Конечно, если ваша задача — быстро перекусить и бежать по делам, на качество пищи можно не обращать внимания. Тогда уличные забегаловки вполне годятся. Правда, если к вечеру заболит живот, это, скорее всего, результат посещения бистро. Скажем, возле станции метро «Улица 1905 года» продается очень любопытная пицца, приготовленная из ингредиентов, не поддающихся определению. Будучи горячей, эта пицца — мягкая и пышная. Но стоит ей остыть, береги свои зубы! Высокая женщина в куртке из вареного шелка, поев здесь пиццы, долго возмущалась. Бедняжка, видно, зазевалась, и пицца успела остыть.

В общем, не верьте тем, кто говорит, что на улицах Москвы нельзя поесть. Можно. Но, как говорится, осторожно. Приятного аппетита!

Анна ИНОЗЕМЦЕВА
Фото Э. Кудрявцового

Как ни забавно это звучит, все же главное в метро — безопасность. Наверное, никому не надо объяснять, что у Московского ордена Ленина метрополитена денег на обеспечение этой самой безопасности нет. Или, по крайней мере, их катастрофически не хватает. Причем «катастрофически» — здесь даже и не фигура речи. Все московское метро — это сплошная катастрофа, менее заметная, чем другие, быть может, потому, что упрятана она глубоко под землей. Горят поезда, останавливаются эскалаторы, без традиционного «Осторожно, двери закрываются...» закрываются двери. А тем временем руководство метрополитена борется... с галантереей, книгами и жвачкой, никакого отношения к безопасности движения не имеющими. Странное дело, непонятное...

ЦВЕТОК НА ПАМЯТЬ

Во-первых, сразу надо опровергнуть измышления о том, что в метро якобы вся торговля — стихийная. Не только не стихийная, но как раз наоборот — абсолютно упорядоченная. Как только количество торговых точек в подземке стало устрашающим, было принято решение о создании отдела по контролю за коммерческой деятельностью в метрополитене. Отдел успешно работает и сейчас: занимается «общими вопросами», заключением договоров, контролем за выдачей лицензий, регулярно проводит рейды, проверяет правильность цен и качество продукции. Деятельность обширная и полезная. Сами торговцы считают ее ненужной и противоестественной — на то они, собственно, и торговцы.

Первые торговые точки появились в московском метро еще очень давно — в пятидесятые—шестидесятые годы. Тогда, по словам очевидцев, очень хороший «кулинарный лоток» стоял на «Кропоткинской», а на станции метро «Комсомольская» торговали мороженым-пирожным. Хотя, конечно, все это мелочи в сравнении со знаменитым буфетом на станции метро «Проспект Маркса».

Автор этих строк прелестей былого времени уже не застал, на его век остался лишь служебный метрополитеновский буфет на станции «Арбатская» Филевской линии. Там продаются глазированные творожные сырки и мясной фарш: сырок — про-

дукт дорогой и несытный, а фарш надо готовить. Просто перекусить на бегу — нечем.

Первенцами «перестройки» в метро были цветы — позаботился господин Таги-Заде. Цветов было много, много их и сейчас — товар нужный, приятный и, в большинстве случаев, окупающийся. Затем пришли газеты и книги. И совсем недавно — часы, расчески, кассеты, жвачка. Театральные билеты — тема для отдельного разговора.

Сейчас в метро около двух с половиной тысяч торговых точек — больше чем достаточно. Впрочем, в ближайшие же месяцы мы рискуем потерять как минимум половину из них: долго-долго обсуждали, долго-долго спорили и наконец порешили — ликвидировать. Решение было принято на заседании правительства Москвы в начале марта, и, несмотря на то, что в глаза текста никто до сих пор не видел, исполнять постановление метрополитеновские начальники кинулись рьяно. Наши читатели, наверное, с ужасом вспоминают свои метания по метро в поисках цветочка или, на худой конец, какой-нибудь газетки 1 апреля сего года. «Экая неудачная, однако, шутка», — думали мы с вами. Ан, оказывается, это не шутка, а самая что ни на есть настоящая, сермяжная правда жизни. Справедливости ради скажем, что в постановлении сделано несколько исключений: по-прежнему можно продавать цветы, газеты, театральные билеты и медицинские пре-

параты. Книги, часы и всякую галантерейную мелочевку уже нельзя. Фирмы, которые специализировались на торговле этим товаром, спешно переквалифицируются: «портить вид московского метро» разрешено только до момента истечения договора. Как только истечет — гуляй смело, продлевать лицензию не будут ни под каким видом.

В общем, оно, конечно, и неплохо. Некоторые 1 апреля вздохнули даже облегченно: вспомнилось прежнее, «застойное» метро, чистое, просторное, самое красивое в мире. Но, ей-богу, подземная жизнь не может не следовать примеру жизни земной. Там, наверху, — палатки. У «детей подземелья» — лотки.

Все крупные фирмы, которые занимаются реализацией «товаров и услуг» в московском метро, в один го-

люс утверждают, что их «подставили». «Подставили» в первую очередь «шмоточники» — те, которые продают кофточки, брючки и трусики. До последнего времени «шмоточников» в метро не пускали, как не допускали и продавцов «наглядной продукции» — плакатов и целлофановых пакетов. По мнению метрополитеновского руководства, плакаты с изображением «обнаженного женского тела», во-первых, оскорбляют общественную нравственность, а во-вторых, занимают слишком много места на мраморных орденосных стенах. «Шмоточников» не любили по тем же причинам: и народу много скапливается — желание пощупать товар, «нужный всем», велико и нравственно, и неприлично это — трусики на всеобщее обозрение выставлять. Тем не менее «рынок» взял свое: торговцев шмотками в храм запустили.

Враг номер два — так называемые «дикие», «бегущие» торговцы, те, которые стоят в переходах и вестибюлях с табличками «Куплю все и продам ваучер». Они-то, по утверждению «фирмачей», и «портят воздух». Они-то и «ломают дело». Враги помельче — «жвачные». «Жвачка — это ужасно», полагают серьезные предприниматели. Самое интересное, что такого же мнения придерживаются и метрополитеновские начальники, но поделаться ничего не могут: деньги всем нужны. Основные зоны «жвачного» бедствия — переход от станции «Курская»-радиальная на «Курскую»-кольцевую и с «Лубянки» на «Кузнецкий мост». Все стены, все поручни залеплены «рыглы сперминтом» и «джуси фруктом». Чтобы оттереть эту, по выражению уборщиц, «гадость» (и уборщицы бывают правы), приходится среди бела дня останавливать и так не слишком уверенно бегущие эскалаторы.

Как уже было замечено выше, вся

торговля в московском метрополитене строго регламентирована. На схеме каждой станции обозначены «торговые зоны». В зависимости от устройства и площади станции количество их варьируется от двух до двадцати двух. «Самые дешевые «зоны» — в подулчных переходах (разумеется, только в тех, которые связаны со станцией метро), самые дорогие — в переходах между «центральными» станциями, особенно «Пушкинская» — «Тверская», «Библиотека им. Ленина» — «Александровский сад», «Чистые пруды» — «Тургеневская». Освоили подземные коммерсанты и кольцевые станции — обживают их очень быстро.

Лицензии на торговлю выдаются сроком на два месяца коммерческим отделом Управления московского метрополитена. Арендная плата зависит от многих факторов, но главным образом — от местоположения будущей торговой точки и от того, в каких отношениях находится фирма и отдел. Если заключен долгосрочный договор о сотрудничестве, цена одна — от 800 тысяч до трех с половиной миллионов рублей за «точку» (торговой точкой в метро считают площадку 1 кв. м на 1 кв. м). Если же речь идет о разовом соглашении, совершенно другая — аукционная. Она может быть и в пять, и в десять раз выше «государственной». Стоимость метрополитеновской земли растет непрерывно: многие фирмы, которые как рыба в воде чувствовали себя в прежней ситуации — два-три года назад, сейчас или разорились или просто закрылись. Настало время крупных предприятий, таких, например, как «Метропресс», которое занимается реализацией печатной продукции, или МГП «Ирмани», которое торгует элементами питания (батареями).

Наивно было бы полагать, что фирмы, занимающиеся подземной тор-

говлей, сидят себе сложа ручки и ожидают, пока их наконец выкурят. Нет! Они действуют. Они звонят в «соответствующие инстанции» — таких много, начиная с правительства Москвы и кончая тем самым метрополитеновским отделом контроля. Они пишут письма — кажется, под копирку. Впрочем, так оно и должно быть — беда-то общая. Основных адресатов два — лично мэр Москвы Юрий Лужков и руководитель Департамента труда и занятости господин Заславский.

По официальной статистике, сейчас в Москве 17,5 тысяч безработных — тех, естественно, кто зарегистрировался. В фирмах, которые обслуживают московский «андерграунд», заняты пятьдесят семь тысяч человек. Солидная прибавка к армии безработных, если распоряжение будет-таки выполнено? Солидная. Солидная тем более, что перспективы дальнейшего трудоустройства у этих пятидесяти семи тысяч человек фактически нет. Ни слесарями, ни токарями, ни даже шоферами стать они не смогут: в основном в метрополитеновской торговле работают люди творческих, скажем так, профессий, кандидаты и доктора наук из закрытых или вконец обнищавших НИИ, юристы, судмедэксперты, учителя, врачи. Есть даже одна артистка Москонцерта, променявшая театральные подиумы на метрополитеновскую паперть. Зарабатывают продавцы не меньше ста пятидесяти тысяч рублей в месяц. Постоянного оклада у них нет, обычно зарплата складывается из какой-то небольшой «премиальной» суммы и заранее оговоренного процента от прибыли. Работать в метро тяжело: во-первых, очень грязный воздух, во-вторых, душно — народ дышит, и этого ему не запретить, в-третьих — шумно. Одно только и есть преимущество — безопасно. По словам продавцов, стоит только свистнуть (в буквальном смысле «подземные» фирмы обеспечивают своих служащих свистками) — милиционер и появится.

...Особенно жалко казаков. Руководитель культурного центра казаков войсковой старшина Н.Фролов уведомил господина Заславского, что в случае реализации принятого постановления останутся безработными двадцать казаков, которые занимались торговлей печатной продукцией, в том числе «специальной патриотической», которая просвещала население и имеет большое значение по воспитанию традиций казачества». Жалко казаков.

Эдуард ДОРОЖКИН

Фото Э.Кудрявцового, ИТАР—ТАСС

**Открыта
подписка
на журнал
«СТОЛИЦА»
на 2-е полугодие
1994 года!**

Стоимость подписки,
объявленная редакцией:

на один месяц — 1300 руб.
на три месяца — 3900 руб.
на шесть месяцев — 7800 руб.

К этой цене местные
отделения связи
приплюсовывают
свою надбавку.

Стоимость подписки
в Москве с учетом
надбавки составляет:

на один месяц
— 2374 руб.
на три месяца
— 6202 руб.
на шесть месяцев
— 11404 руб.

Сведения о подписке
в каталоге «АиФ—АПР»,
а также в Московском
каталоге.

Ф СП-1

«Роспечать»

АБОНЕМЕНТ на газету журнал **73746**
"Столица" (индекс издания)
(наименование издания) Количество комплектов:
на 19 94 год по месяцам
1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12
Куда _____
(почтовый индекс) (адрес)
Кому _____
(фамилия, инициалы)

ДОСТАВочНАЯ КАРТОЧКА

ПВ место ин-тер из газету журнал **73746**
"Столица" (индекс издания)
(наименование издания)
Стоимость подписки _____ руб. _____ коп. Количество комплектов:
стоимость пересылки _____ руб. _____ коп.
на 19 _____ год по месяцам:
1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12

Куда _____
(почтовый индекс) (адрес)
Кому _____

По традиции для тех, кто подписался на
«Столицу», редакция проводит лотерею
совместно с межрегиональным
благотворительным фондом
«Преодоление».

КУПОН ЛОТЕРЕИ

Фамилия, имя, отчество (полностью) _____

Адрес (с указанием почтового индекса) _____

В каком отделении связи оформлена подписка на «СТОЛИЦУ» _____

Дата оформления подписки _____

Условия лотереи — на обороте купона. →

ПРОВЕРЬТЕ ПРАВИЛЬНОСТЬ ОФОРМЛЕНИЯ АБОНЕМЕНТА!

На абонемента должен быть проставлен оттиск кассовой машины.

При оформлении подписки (переадресовки) без кассовой машины на абонемента проставляется оттиск календарного штампа отделения связи. В этом случае абонемент выдается подписчику с квитанцией об оплате стоимости подписки (переадресовки).

Для оформления подписки на газету или журнал, а также для переадресования издания бланк абонемента с доставочной карточкой заполняется подписчиком чернилами, разборчиво, без сокращений, в соответствии с условиями, изложенными в каталогах Роспечати.

Заполнение месячных клеток при переадресовании издания, а также клетки «ПВ-МЕСТО» производится работниками предприятий связи и Роспечати.

В № 28 «Столицы» за 1994 год
будет опубликован список победителей.

Вырежьте купон, правильно заполните его, наклейте на открытку или почтовую карточку и вышлите на адрес редакции: Москва, 101425, ГСП, Петровка, 22, редакция журнала «Столица». В розыгрыше примут участие только те читатели журнала, которые оформили подписку в период подписной кампании.

Льготная подписка

Уважаемые
московские читатели

«Столицы»!

Если вы имеете
возможность приезжать
за нашим журналом в
редакцию, мы подпишем
вас на второе полугодие
1994 года по льготной
цене:

6000 рублей (на полгода),
3000 рублей (на квартал),
1000 рублей (на один месяц).

Подписку можно оформить
в редакции по адресу:
Петровка, 22, вход со двора,
комн. № 610.

Справки по телефону:
928-10-34

Призы лотереи для подписчиков «Столицы»

- Импортная аудио- и видеотехника,
- электробытовая техника,
- изделия народных промыслов,
- денежные призы,
- бесплатная подписка на 1-е полугодие 1995 года и другие призы.

*Эти призы
ждут наших подписчиков —
победителей лотереи
еженедельника «Столица»*

ЗАДОРНО О РАЗНОМ

Вечер Михаила Задорнова
Киноконцертный зал
«Октябрь»

Декорации вечера оказались довольно скудными. На сцене в левом и правом углах стояли, словно часовые, два рояля, а в центре — стол и стул, на который Задорнов ни разу не сел. Живо и непринужденно

Михаил
Задорнов
Фото
РИА—Новости

повторил свое предновогоднее выступление по телевизору, Задорнов «коснулся до всего слегка», в том числе и сериала «Просто Мария», потом вспомнил несколько эпизодов из своих заграничных скитаний, из которых наибольший успех имел рассказ о том, как по-разному ухаживают за дамами немцы и русские. Вслед за Гоголем Задорнов проехался и по России, только не в бричке, а в поездах, самолетах. Но также в иронических выражениях с красочными подробностями, начиная описанием умывальника в гостинице и кончая рецептом особого спиртного напитка под названием «Шило», — словом, рассказано «задорно».

Пустых мест в зале было немного, несмотря на то, что билеты стоили 6 тысяч, и, как сказал Михаил Задорнов, весело оправив лацкан клетчатого пиджака: «Если бы мне сказали, что билет на

меня будет стоить шесть штук — я б повесился!» Заметно было, да и сам он в этом признался, что Задорнов-сатирик стал мягче, аполитичнее, перешел на живые, яркие эпизоды будничной жизни, бытовые детали, ну от силы раз-другой задел тему неразберихи в парламенте да рассказал анекдот о любви к радикалу. Все хорошее — обед или творческий вечер — должно вовремя заканчиваться, оставляя зрителя несколько голодным. Задорновское

прощание было к месту и вовремя. «Я же знаю, куда вы идете и что сейчас будете делать, — сказал он. — Значит, приятного аппетита!»

Елена УХОВА

ЯСНАЯ ПОЛЯНА

Первый фестиваль
Государственный
театр Наций

Строго говоря, эта заметка не посвящена всему фестивалю спектаклей из малых городов России, состоявшемуся в конце зимы с.г.: из шести представлений мне удалось посмотреть только три. Идея замечательна, талантливые театры в провинции есть — здесь все понятно. Даже чуть более понятно, чем хотелось бы, — особенно когда смотришь такие спектакли, как «Бой бабочек» Тильзит-театра из г. Советска (реж. Е.Марчелли) или «Варшавская мелодия» Магнитогорского

драматического театра (реж. В.Ахадов). Превратить «комнатную» драму Г.Зудерманна в умеренно патологичный фарс, реанимировать трогательную советскую пьесу, напомнив, что может собственных бернардов слайдов российская земля рождать, — все это само по себе не вызывает возражений, не вызывает и особенного интереса. Единодушие, с каким «концептуальные» режиссеры, в Москве ли, под Калининградом ли, полагают себя вправе корезить здравый смысл, равно лишь усердию, с каким режиссеры, «думающие о зрителе», заталкивают названный смысл названному зрителю в глотку. Существует безликий театр, в упор не различающий границ и местных, частных привязанностей; спрос с такого невелик, но пока есть спрос на него — пусть себе существует. Однако существует и нечто иное, и на фестивале его можно было видеть воочию. Коми-пермяцкий окружной драматический театр им. М.Горького (г. Кудымкар) показал в постановке своего художественного руководителя В.Гуляева «Власть тьмы» Л.Н.Толстого. И я видел глазами и всем существом, что в высшей степени буквальное, можно сказать начетническое, чтение нестигаемо дидактичной толстовской драмы дало художественный результат редкостной чистоты и силы. Более того, угадав верным чувством и мастерски представив сюжет и героев, создатели спектакля смогли вслед за Толстым выйти за пределы истории «из судебной практики» и детальной этнографической достоверности. Выйти туда, где темноликий Спас на дощатом перекрытии освещен уже не прожекторами, а светом мысли, по-толстовски — правды. Примерно год назад критик Александр Соколянский на этих же страницах желчно попенял театральной общественности за то, что она игнорировала показывавшийся в Москве старый спектакль Некрошюса, и заявил, что Москва окончательно перестала быть театральной столицей. Кудымкарский

спектакль упомянутая общественность тоже игнорировала, а я получил возможность с достойной этого спектакля неразборчивостью во времени ответить на реплику Саши. Мне думается, что общественность — это власть бабочек, живущих ровно один бесконечно темный вечер по имени «столичная премьера». Театр существует только в «провинции» — вне зависимости от того, среди каких чащоб расположена эта ясная поляна.

Михаил СМОЛЯНИЦКИЙ

ПОД ЗАМКОМ

«Замок»
«Ленфильм»,
реж. А.Балабанов

После успеха «Счастливых дней», в которых начинающий режиссер удачно пересади Беккета в обстановку и атмосферу разрушающегося Санкт-Петербурга и где главную роль сыграл неподражаемый Виктор Сухоруков, новая работа Балабанова — экранизация неоконченного романа Кафки «Замок» — ожидалась с известным предвкушением, тем более что сценарий писался режиссером в соавторстве с таким значимым для нового российского кино человеком, как Сергей Сельянов. Воздушные замки обычно рушатся под тяжестью надежд, и кафкианско-балабановско-сельяновский Ньюкасл не составил исключения, разочаровав всех, с кем можно было перекинуться словом после премьеры в Киноцентре. Кафка — писатель на редкость бесцветный. Вернее, если уж говорить о цветовом спектре его романов, на память приходит определение, которое дал своему фильму о вампире Носферату Фридрих Мурнау: «Симфония в сером». Впрочем, туман, в который погружена проза Кафки, — туман не столько реальный, сколько метафизический. Столь же очевидно, что Кафка ирреалист и агностик, и менее всего его сочинения являются сатирой на что бы то ни было или антиутопией, хотя в них немало отсылок к

реальности любой бюрократической системы. Кафка одновременно не верит в реальность своего мира и не допускает мысли о том, что есть другой. Его мир есть единственная ирреальная данность. Кто-то удачно сравнил впечатление от его книг с тягучим кошмаром — его тексты имеют свойство всасывать и не отпускать. И многие персонажи Кафки бездействуют, как в ужасном сне, когда невозможно шевельнуть ни рукой ни ногой, чтобы избежать гибели, и живут с ощущением неотвратно надвигающегося кошмара.

Вразрез с этим — довольно распространенным — представлением мир «Замка» предстал на экране цветным и реальным. Внутренняя позиция автора книги сменилась чисто внешней позицией автора фильма, экзистенциальная история землемера К. с помощью исполнителя главной роли Н.Стоцкого превратилась в гротескную (грубо говоря, роман — «о нас», фильм — «о них») историю утраты и без того отсутствующей личности. Дело в том, что авторы сценария досочинили финал: герой

полудобровольно-полуприну- дительно меняется именами и положениями с Брунsvиком и обнаруживает, что вместе с утратой профессии не приобретает, как рассчитывал, а теряет шансы завладеть Еленой Брунsvик, поскольку та любит именно землемера. Ход остроумен, но, для того чтобы стать кафкианским, ему не хватает должной мотивации: абсурдного, но гипнотически-убедительного рассуждения о том, например, как название определяет сущность. Так и весь фильм: чтобы приблизиться к описанному выше восприятию кафкианского мира, ему недостает метафизичности, пропавшей вместе с романной авторской речью; чтобы уйти от Кафки, допустим, к Гоголю или Салтыкову-Щедрину (почему бы и нет?) — недостает изначально отсутствовавшей в романе реальности. Короче говоря, сделать сон явью оказалось несколько труднее, чем Кафку сделать былью, и Балабанову первое удалось в меньшей степени,

нежели большевикам из прически — второе. В результате единственно бесспорным элементом балабановского замка остается поистине монументальный Клам, изваянный из Алексея Германа и вызывающий негосударственные думы — например, о ложности всякого движения и непреложной истинности покоя, об онтологическом противостоянии недвижимости картины и движимости фильма (movie) et cetera.

Виктор МАТИЗЕН

КАКАЯ ЖИЗНЬ, ТАКОЙ ЖУРНАЛ

Пробный выпуск журнала «ТВ парк»

«ТВ начинает жить нормальной жизнью... «ТВ парк» — попытка создать нормальный журнал о самом массовом и перспективном виде информации и искусства», — сообщает в небольшом вступлении к пробному выпуску вышеназванного журнала его анонимная редакция. Издатель — таинственный А/О «ТВ-парк», чье имя, как видно, отличается от названия журнала только дефисом и латинью, но по-прежнему не проясняет, кто стоит за всей затеей и кто дает на нее деньги. Впрочем, все материалы подписаны, и большинство авторов прекрасно известны внимательным читателям

кино- и телеизданий, и даже тех, кто спрятался за псевдонимом, выдает профессионализм, а это обещает приятные минуты в обнимку с новым журналом

на диване у того же голубого экрана. Судить по пилотному номеру трудно — но пока, увы, журнал не более нормален, чем само ТВ: кое-что хорошее есть (в частности, авторы), обертка нарядная, а все равно смотреть (читать) почти нечего. «ТВ парк», скорее, напоминает хорошо иллюстрированную и отлично изданную телепрограмму с редкими вставками интервью, новостей, рейтингов и частыми — естественно, рекламы. Споры нет — держать его в руках гораздо приятнее, чем давящую серебристую «Семь дней», но, для того чтобы он был интересен тем, кто делает телевидение, в нем еще многого не хватает и много лишнего — все тех же анонсов в частности (хотя, возможно, в этом и есть смысл: может, работники эфира, наконец, согласуют свои планы и не станут крутить один фильм три раза в неделю по разным каналам). А тем, кто смотрит «ящик», сие чудо полиграфии должно хотя бы приходиться вовремя, ведь сообщения о том, что можно было посмотреть две недели назад, не самое актуальное чтение.

Кристина ГОРЕЛИК

В ЧЕЛОВЕКЕ — ВСЕ ПРЕКРАСНО

«Размножение как естественный путь»
Выставка Л.Тишкова в ЦДХ

Господь заповедал: любите друг друга, плодитесь и размножайтесь. Но мы, увы, увлеклись демографическим разоружением. «Надо что-то делать», — подумал решительный сторонник гетеросексуальных связей и всего из них вытекающего, несостоявшийся доктор и состоявшийся мифотворец, книгоиздатель, поэт, драматург и к тому же художник (даже член творческого союза) Леонид Тишков. И воспользовался плановым пространством своей «плановой» выставки по полной программе. Естественный путь, как известно, имеет много тропинок, и ни одна из них не будет тупиковой, если выкинуть из головы какие-то несостоятельные в конце XX

века представления об искусстве как о кунсткамере застывших изображений, призванных повергать невежд в священный трепет, а критиков — понуждать жонглировать терминами. Еще — надо отбросить ханжество. Не в том смысле,

что дядя без трусов может оказаться шедевром Пракситела. В смысле — просто ханжество. Легче всего это удается детям, которые гуляют по залу, как по магазину игрушек. И хотя грудастая любимица детворы Барби может показаться скромной монашкой рядом с некоторыми экспонатами «Урока анатомии», все-таки даже мужской половой орган, выполненный из нежного бархата, бисера и золотых нитей, язык не повернется назвать срамным местом. Художник подвижнички посвятил свое творчество санпросвету, воспевая человеческое тело в отличие от ортодоксальных и абстрактных гуманистов не снаружи, а изнутри. Поллюбите свой желудок, печень, мочевой пузырь etc, и они никогда не обидят вас гастритом, желтухой и циститом! Это советует посетителям «доктор» Тишков, превращая наглядные пособия своего учения в артефакты — в прямом смысле этого слова (см. «Словарь иностранных слов»). В человеке не должно быть, а на самом деле все прекрасно: и душа, и органы, вдохновившие человечество на создание инвективной лексики. Главное — держать и то и другое в чистоте. Лучшие средства для этого — вода и искусство.

И.Л.

Наталья
Нафталиева

ВЫ ПОЛАГАЕТЕ, ВСЕ ЭТО БУДЕТ НОСИТЬСЯ?

*Крой родной,
навек любимый...*

Женщина может серьезно заболеть, если на ней платье, которое ей не нравится. В то же время она никогда не простудится в тончайшем вечернем туалете, если он на ней хорошо сидит. Эту истину мы знаем из классической литературы. Вывод один — надо одеваться хорошо. Лучше всего — у известного модельера. Состоятельные дамы, которые любят наряды простые и одновременно изысканные, подчеркивающие женскую фигуру, обращаются в Дом моды Натальи Нафталиевой. Иногда ее называют «одной из известнейших представительниц российской моды».

Поэтому для начала я решила выяснить один важный вопрос.

— Наташа, а русская мода вообще существует?

— Как вы думаете?

— В журнале «Paris-Match» я довольно часто вижу фотографии господина Зайцева. В разделе светской хроники. Рядом — Клаудиа Шиффер, Ив Сен-Лоран, принцесса Монако... Да и фамилию «Юдашкин» уже научились писать правильно...

— У нас есть известные модельеры. Но русской моды нет. мода — это идеи, это стиль. Ярко выраженного «русского стиля» пока не существует.

— А как же павлово-посадские платки, узоры, меха? Западные журналы недавно опубликовали фотографию принцессы Дианы «в прелестном наряде, выполненном в русском стиле». Муфта, отороченный мехом жакетик...

— Но шил это наверняка английский или французский мастер. Он использовал русские мотивы. В следующий раз выберет индийские или китайские. Но национальный стиль — вещь более сложная.

Каждому понятно, что такое итальянская мода. Легкость, экспрессия. Элементы мужского костюма в женской одежде — шляпы, шарфы... Про французов я вообще молчу. Безупречный крой, женственность, чистота линий.

Но у традиционных европейских лидеров сейчас появились конкуренты. И какие! Японские модельеры создают уникальные вещи. Это уже одежда XXI века. Но — на основе своего национального кроя, цветовой гаммы.

— Наши модельеры часто тоже идут от традиционного русского костюма...

— То есть вышивают петухов на жилетах? Накидывают павлово-посадскую шаль на пиджак, сшитый по французскому образцу? И это все? И в этом заключается русская мода?

— Где же ее искать, эту русскую моду?

— Нам надо идти от своей культуры, своего восприятия мира. Иногда торжественно сообщают, что наши мастера делают одежду не хуже признанных западных кутюрье. Кому мы нужны, если мы «не хуже». Разве можно сказать, что Мусоргский — великий композитор, потому что он не хуже, допустим, Вагнера? Мусоргский — это совсем другая планета.

— Но как выработать тот неповторимый стиль, который сразу узнавали бы во всем мире?

— Цвет здесь имеет очень большое значение. Крой. «Разговор» линий. Детали, какие-то нюансы. Они должны возникнуть внутри нас. И люди во всем мире воспримут это не как

«рашен экзотик», а как нечто им необходимое. Почему слушают Мусоргского, читают Толстого? Из-за русской экзотики? Нет.

— Вы, пытаясь создать «русский стиль», изучаете народную одежду, крестьянские наряды?

— Почему-то считается, что русская одежда — обязательно крестьянская. Я сейчас делаю коллекцию по мотивам городского костюма прошлого века. Знаете, жилеты, поддевки, которые приказчики носили. Отво-

роты, рукава-галифе.

— При этом все, что вы делаете, по линиям, силуэту вполне соответствует современной моде. Вам никогда не хотелось пойти ей наперекор? Бросить вызов, чтобы быть совсем уж неповторимой?

— мода не возникает из упрямства или тщеславия. Ее не выдумывают несколько известных кутюрье где-то в Париже. мода отражает то, к чему люди стремятся в данный момент. То, какими они хотят себя видеть. Да,

есть определенные законы на ближайшие года два. И внутри них ты уже действуешь, ищешь свой стиль, свой почерк.

— Наташа, а нужна ли вообще русская мода? Сейчас страна буквально завалена импортными вещами, самого разного качества. Шить одежду у вас или у другого известного модельера — удовольствие «только для солидных клиентов». Но тот же клиент может пойти в дорогой бутик, каких сейчас полно в Москве. Там зеркала в позолоченных рамах. Воздух ароматизирован французскими духами, висит эксклюзивная одежда лучших западных фирм. Что заставляет людей ездить к вам, тратить время на примерки?

— Тут дело в психологии. Сюда приезжает женщина, которая следит за моими коллекциями. Мой стиль — именно то, что ей подходит. Я буду предлагать ей разные варианты. Мы вместе посидим, подумаем... Индивидуальная работа — самая ценная. Наряд, который заказчица наденет, не просто существует в единственном экземпляре, он и создавался специально для нее. Учитывались ее фигура, цвет глаз, походка. Это очень важно для женщин.

— И главное, всем доступно... Вас не огорчает, что 99 процентов насе-

ления так и не узнают, что такое «стиль Нафталиевой»? Слишком дорогое это удовольствие.

— У нас должна заработать та же система, что и на Западе. Там дома моды выпускают одежду как бы в двух сериях. Первая — вещи уникальные. Из очень дорогих материалов, сшитые чаще всего вручную.

Вторая серия — более дешевая. Она изготавливается на фабриках. Партиями, но небольшими, чтобы это не превращалось в ширпотреб. По такому пути мы и собираемся идти. Есть вещи, которые могут существовать только в единственном экземпляре. Вы видели у нас костюм из светлой замши, мягкой как шелк? Это кожа новорожденного козлика, которую мы специально получаем из Италии. Жалко козлика... А рядом — вещь более простая из светло-зеленого шелка. Вот её-то вы, надеюсь, сможете в скором времени увидеть в магазинах.

— То есть фабрики проявляют к вам интерес?

— Для нашей швейной промышленности сейчас сотрудничество с домами мод — единственный способ выжить. Фабрики потихоньку избавляются от собственных моделирующих цехов, с целым штатом конструкторов, технологов, художников. Это очень тяжелая и неудобная структура. Зачем она, если есть известный дом моды? Можно туда прийти, отобрать вещи, которые заведомо будут пользоваться спросом. Имя модельера — товар. Первое звено в цепи, приносящее деньги. Конечно, мы получаем с этого большой авторский процент.

— Но у нашей швейной промышленности не очень хорошая репутация. Вы не боитесь, что имя Нафталиевой будет скомпрометировано?

— Мы ведем контроль. Следим за качеством тканей, цветовой гаммой. Непременное условие — продаваться наши вещи должны только в престижных магазинах.

— Вы можете себе представить, что в Москве проводится «неделя моды». Как, допустим, в Париже?

— У нас делаются такие попытки, но

не очень успешные. Показ мод в Москве — нечто среднее между концертом и театральным представлением. Несчастных художников, которые платят за это удовольствие по тысяче долларов, показывают в один день, гуртом. Имена не запоминаются. Для кого устраиваются показы на Западе? Только для телевидения? Для прессы? Нет. Представители крупнейших фабрик приезжают, чтобы закупать модели на новый сезон. И той и другой стороне это необходимо. У нас должна возникнуть индустрия моды. Русской моды. Не знаю, станет ли Москва «столицей моды». Но она не будет и провинцией.

Екатерина ГОНЧАРЕНКО
Фото М.Подгорного и А.Седова

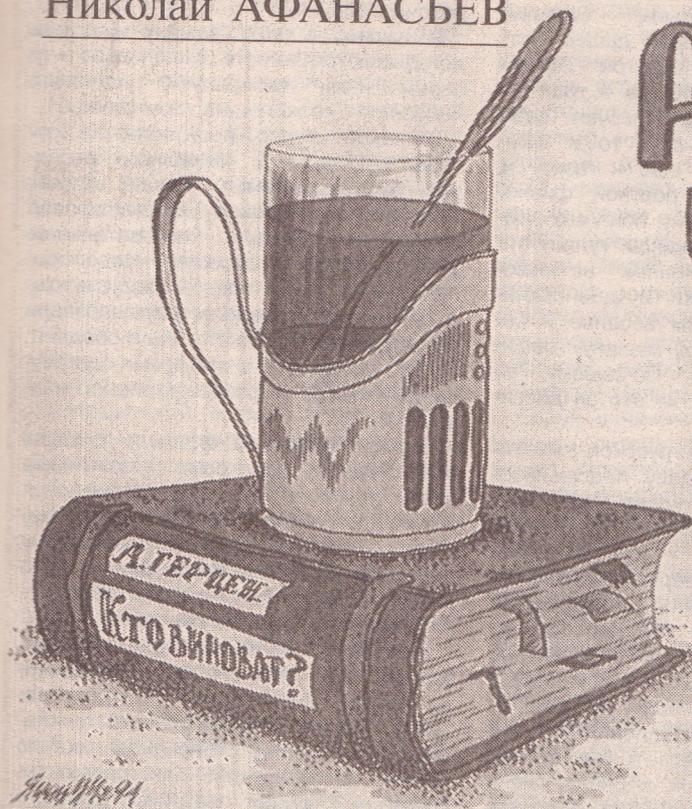
TRIDENT

РЕКЛАМНЫЕ УСЛУГИ
фирма «Трайидент»

Приглашаются к сотрудничеству
рекламные агенты

Тел.: (095) 488-43-59, 213-56-54.

Николай АФАНАСЬЕВ

РУССКИЙ ЧЕЛОВЕК

ЗА
ЧАШКОЙ
ЧАЯ

Одной из тайн прежнего режима было мутное содержимое того самого стакана, из которого генеральный секретарь ЦК КПСС, а впоследствии и первый президент СССР что-то пили на всякого рода съездах и совещаниях. Как обычно в таких ситуациях, разброс мнений оказался чрезвычайно велик — от настойки мумие до крови христианских младенцев.

Недавно тайна стакана была раскрыта. В нем обнаружили чай с молоком (чай — индийский, молоко, кажется, можайское). Разоблачение затесалось где-то между публикацией секретных протоколов «пакта Молотова—Риббентропа» и документов катынской трагедии и потому не получило должного общественного резонанса и культурософского осмысления.

Но заметить в президентском стакане только индийский чай да можайское молоко, пусть даже из цэковского распределителя, значит ничего не увидеть, ибо в букет этого чая входят не только крах перестройки и развал СССР, но и судьба русской интеллигенции...

Пить или не пить чай? — вот в чем оказывается «русский вопрос», если взглянуть на русское искусство с точки зрения «чайной церемонии».

У русской литературы, чей мятеж-

ный дух ищет покоя исключительно в буре, как, впрочем, и у русского общества, черпающего в литературе образцы для подражания, существует какой-то священный ужас перед элементарными бытовыми вещами и поступками, перед нормальным, то есть счастливым, человеческим бытом и бытием.

«Свету ли провалиться, или вот мне чаю не пить?» — такова типичнейшая дилемма, с которой сталкивается русский человек, совсем уж было собравшийся построить Хрустальный Дворец светлого будущего из четвертого сна Веры Павловны, да призадумавшийся. А призадумавшись, решает он перед работой как следует напиться чаю и вдруг выясняет, что вообще-то лучше бы «свету провалиться, а чтоб мне чай всегда пить». Происходит подобное чаепитие подпольно, вприкуску со сладостным ощущением себя «мерзавцем, подлецом, себлюбцем, лентяем, как и у Достоевского в «Записках из подполья».

Откуда бы иначе в русской литературе и искусстве такой всемирный катастрофизм на тему «чаепития в Мытищах»?

Разумеется, над образом чаепития в русской живописи работал не один только, и даже не столько художник В.Перов, сколько Б.Кустодиев, чья отдающаяся за чаем дебелия купчиха

так и просится на коробку конфет. Но сентиментально-конфетное творчество Кустодиева есть лишь приятное маслянично-утопическое исключение из общих правил нашего художественного нарпита. Нам больше по вкусу натюрморты К.Петрова-Водкина периода «грозового 19-го», где на какой-то жестяной бумаге лежат ржавая селедка и окаменелая картошка; или федотовский «Завтрак аристократа», за которым автор заставляет своего героя есть кусочек чего-то столь буро-коричневого, чего не стоит показывать посторонним лицам. А кто чай пьет в русской литературе, тот вовсе отчаянный.

Одно из первых чаепитий описано в основной ремарке комедии Д.Фонвизина «Бригадир»: «Театр представляет комнату, убранную по-деревенски. Бригадир, в сюртуке, ходит и курит табак. Сын его, в дезабилье, кобенясь, пьет чай. Советник, в казакине, смотрит в календарь. По другую сторону стоит столик с чайным прибором, подле которого сидит советница в дезабилье в корсете и, жеманясь, чай разливает...»

Персонажи нравоучительной комедии Фонвизина, среди которых самые отрицательные почему-то именно те, кто табаку предпочитает чай, пришли в русскую драматургию в 1769 году, но сколько их еще потом,

за два последующих века русского искусства, распивало чай, всякий раз по-своему «жеманясь» и «кобенясь».

Помните ли вы прекрасного человека Ивана Никифоровича — того самого, с кем поссорился Иван Иванович, ну, который еще «чрезвычайно любит купаться и, когда сядет по горло в воду, велит поставить также в воду стол и самовар, и очень любит пить чай в такой прохладе?»

А вот большой город Бряхимов на Волге, где происходит действие «Бесприданницы» Островского: народ пьет чаек «до третьей тоски», причем первая-то тоска подступает только после «шестого пота», а до того «посиди за самоваром поплотнее, поглотай часа два кипятку». Впрочем, это простой народ. Что же касается «чистой публики», то эта категория ни свет ни заря пьет из стаканов с блюдечками шампанское, разлитое под видом чая, «чтобы люди чего дурного не сказали».

Чехов в рассказе «Дама с собачкой», описывая возвращение Гурова из романтического приключения на курорте к прежнему образу жизни, без чая и прочей гастрономии не обошелся: «Дома в Москве уже все было по-зимнему, топили печи и по утрам, когда дети собирались в гимназию и пили чай, было темно, и няня ненадолго зажигала огонь... Его уже тянуло в рестораны, клубы, на званые обеды, юбилеи... Уже он мог съесть целую порцию селянки на сковородке...»

Последнее многоточие принадлежит самому Чехову — мол, можно было бы и продолжить картину гуровского падения, да уж куда падать ниже зараз съеденной порции селянки на сковородке? Символом такого растительного существования становятся слова одного из персонажей: «А давеча вы были правы: осетрина-то с душком!»

Со временем эта злосчастная «осетрина второй свежести» выросла в истории нашей духовной культуры в символ «диких нравов, бестолковых ночей, неинтересных, незаметных дней, неистовой игры в карты, обжорства, постоянных разговоров все об одном».

Однако у Чехова есть и следующая ступень падения — стакан чая: «Она не могла говорить, так плакала. Отвернулась от него и прижала платок к глазам. «Ну, пускай поплачет, а я пока посижу», — подумал он и сел в кресло. Потом он позвонил и сказал, чтобы ему принесли чаю; и потом, когда пил чай, она все стояла, отвернувшись к окну...»

Ох, кто пьет чай, тот отчаянный!

Вот представитель «нового поколения образованных, честных людей,

мучеников правды, которые обличат нас, закидают нас грязью», — Василий Николаевич Жадов, герой драмы Островского «Доходное место». Приходит, к примеру, этот Жадов в трактир, где нормальные люди требуют себе рябиновой, рейнвейну-с, а то и шампанского, спрашивает чаю и газету и, таким вот сычом с постной физиономией, сидит всю сцену, пока его родной коллектив чиновников гуляет по поводу ловко ухваченной начинающим товарищем взятки. Жадов принимать участие в общем веселье и безобидных танцах «под машину» решительно отказывается. По-вашему, он чай только пьет? Нет — это он диссидентствует!

В том же трактире русской литературы за стол к Жадову подсаживается петербургский студент Родя Раскольников. Он, видите ли, только что познакомился со старухой процентщицей и «с первого же взгляда, еще ничего не зная о ней особенного, почувствовал к ней непреодолимое отвращение». Раскольников спросил себе чаю, сел и крепко задумался «странною мыслью», которая, по словам автора «Преступления и наказания», «наклеивалась в его голове, как из яйца цыпленок, и очень, очень занимала его». Из романа Достоевского мы определенно знаем, какого рода идеи приходят в голову героям русской литературы за чайком. И не только в веке минувшем. Взять хотя бы «Архипелаг ГУЛАГ». Одна из загадок особого Совещания НКВД видится А.Солженицыну таким образом: «как часто и как долго оно заседало; с чаем ли, без чая и что к чаю?..»

Тут, как и в случае с Раскольником, без чаю не обошлось. А ведь наверняка трактирный половой предлагал принести студенту водки — и в этот раз, и в тот, другой, когда уже после реализации своего замысла герой Достоевского приходит в трактир и вновь требует себе только чаю да старых газет.

В конце концов, бог с ним, с чаем-то, но если в русской литературе герой еще и вина не пьет, то по всему видно, что человек он конченный. А иначе с чего бы в этом же «Преступлении и наказании» Свидригайлов, слоняясь перед самоубийством по разным трактирам и клоакам, «не выпил во все это время ни одной капли вина и всего только спросил себе в вокзале чаю, да и то больше для порядка», а потом в гостинице из предложенных половым «телятины-с, водки-с, закуски-с» велел принести только телятины да чаю: «А больше ничего не потребуется?» — спросил даже в некотором недоумении оборванец.

— Ничего, ничего!

Оборванец удалился, совершенно разочарованный».

И именно в этот момент читатели догадываются вместе с половым, что перед ними совершенно погибший человек — не жилец на этом свете.

А какой фурор произвела на рубеже прошлого и нынешнего столетий так называемая «новая драма», чью поэтику А.Чехов сформулировал следующим, весьма показательным для нашей темы образом: «Надо сделать такую пьесу, где бы люди приходили, уходили, обедали, разговаривали о погоде, играли в винт... Люди обедают, только обедают, а в это время слагается их счастье и разбиваются их жизни...»

В этой чеховской формуле следует переставить некоторые причинные связи: у героев его пьес разбиваются жизни (покажите хоть одну пьесу Чехова, где бы **слагалось** их счастье!) не просто в то время, когда они «только обедают», а **потому что** они обедают, а также завтракают и ужинают.

А помните ли вы, с чего начались трагические злоключения гоголевского Акакия Акакиевича? Ну, разумеется, с чая, на который он был приглашен к помощнику столоначальника по случаю новой шинели. Как говорит героиня еще одной пьесы Островского «Не было ни гроша, да вдруг алтын»: «Ах, этот чай! Вся и беда-то от него».

Конечно прозаики и драматурги зачастую не знают, чем бы занять своих героев, вот и суют им в руки стакан с чаем да газету. Чехов всего-навсего рационализировал эту проблему писательского метода в качестве собственной драматургической идеологии, поскольку в жизни люди «не каждую минуту стреляются, вешаются, объясняются в любви. И не каждую минуту говорят умные вещи. Они больше едят, пьют, волочатся, говорят глупости. И вот надо бы, чтобы это было видно на сцене».

Обращал ли кто-нибудь внимание на то, что, в отличие от драмы, в водевилях Чехова герои никогда не пьют чая, но большей частью воду или водку, а в редких случаях — кофе, но уже без всякого удовольствия? А вот в (как подчеркивает сам Чехов) драме «Три сестры» подполковник Вершинин патетично восклицает: «Чаю хочется. Полжизни за стакан чаю!»

Драматург может сколько угодно настаивать на комедийном определении жанра своих пьес «Чайка» или «Вишневый сад», однако уже сам характер употребляемых их персонажами напитков, среди которых на первом месте всегда чай, ясно указывает, что тонус драматического действия здесь совсем иной, чем в его же «шутках» для театра. Говоря словами Змеюкиной из «Свадьбы»,

автор дает своим героям «атмосферы» другого градуса, и не оттого ли судьба персонажей, предпочитающих чаю воду и водку, чаще знает переходы от несчастья к счастью, нежели наоборот?

Несмотря на то, что в литературах всех времен и народов герои пили чай, читали газеты и разговаривали о погоде, все же отбывали эту литературную повинность они иначе, ибо писатель каждый раз подает своему персонажу стакан не столько с чаем, сколько (как сказал бы эрдмановский Подсекальников) «с идеологией».

Чтобы в английской, к примеру, литературе ритуально-салонный разговор о погоде обрел в устах героини революционный пафос, потребовалось народиться такому заправскому парадоксалисту, каким был Бернард Шоу.

А до него (да и после) на фоне общественной стабильности, доставшейся Англии в наследство от викторианского века, вопрос: «Чашку чая?» — обозначал и означает именно предложение выпить чаю, а не проклятые вопросы русской литературы и российской истории «кто виноват?» и «что делать?»

Не случайно символом негибкой традиции английской культуры в романе Агаты Кристи «Отель «Бертрам» избрано именно чаепитие «как в старое время».

Чтобы закруглить экскурс в «чайную область» английской литературы, напомним о «безумном чаепитии» у Льюиса Кэрролла, где время остановилось на шести часах пополудни и жители Страны Чудес вынуждены только и делать, что садиться за свой традиционный послеполуденный чай. А что могут они поделать, когда традиция, а также положение обязывают? Что делать? Пить чай! По крайней мере тогда, когда его вам предлагают.

А вот герою русской литературы автор долгожданного чая зачастую и вовсе не дает. В горьковских «Мещанах» старики Бессеменовы так и не выпьют чая, стынущего все четвертое действие пьесы. Вот и Аким из «Власти тьмы» Л.Толстого уходит — да не просто так, а «от чаю-то» — из дома сына, сгубившего свою душу. А Акакий Акакиевич решается «в продолжении одного года: изгнать употребление чаю по вечерам», чтобы сшить шинель, из которой, как известно, вышла русская партийная и беспартийная литература — от Хрустального Дворца до пожара мировой революции.

Еще до Великой Октябрьской социалистической революции русские футуристы уловили в чаепитии разрушительный эффект неимоверной силы, воспетый в хрестоматийной частушке:

А я чай пила — самоварничала.

Всю посуду перебила — накухарничала!

Во время их литературных концертов на эстраду выносился поднос чая в стаканах с подстаканниками, и на протяжении всего футуристического действия исполнители пили чай, а также угощали им через рампу фраппированную публику первых рядов партера. (В этой черте литературного быта русского футуризма исторические корни «Необычайного приключения, бывшего с Владимиром Маяковским летом на даче», в образной структуре которого соединились библейская (Иисус Навин) и футуристическая версии «победы над солнцем», запросто приглашенном к «комфуту» Маяковскому на чай.)

Порой начинает даже казаться, что русская литература не хочет или не может простить собственным героям — этим «тараканам от детства» — ни единого спокойно выпитого стакана чая, всякий раз предлагая взамен «стакан, полный мухоедства».

Русский человек способен легко обходиться без необходимого, но он не может существовать без лишнего, а потому у нас какой-то священный ужас перед элементарными бытовыми вещами и действиями, то есть перед нормальной житейской обыденностью. Об этом исповедь революционно-демократически настроенного интеллигента — героя рассказа А.Чехова «Крыжовник»: «Меня угнетают тишина и спокойствие, я боюсь смотреть на окна, так как для меня теперь нет более тяжелого зрелища, как счастливое семейство, сидящее вокруг стола и пьющее чай».

С каким восторгом русская общественная и литературная традиция желала бы вслед за героем чеховского рассказа приставить к каждому спокойно пьющему свой чай человеку кого-нибудь с колокольчиком.

В одном научно-фантастическом рассказе инопланетные археологи пытаются воссоздать облик погибшей земной цивилизации на основе чудом сохранившихся голливудских кинолент. Трудно вообразить себе нечто более курьезное по результату. Так вот, если мы попробуем сделать литературный «фоторобот» русского человека, то он окажется чем-то вроде Федотика из чеховских «Трех сестер»: у него на квартире все дочиста сгорело — и гитара, и фотография, и все письма, а он при этом «танцует» и «смеется».

Кому принадлежит светлое будущее в «Вишневом саде»? Или не само будущее, а моральное право на него — что для русской литературы, пожалуй, еще важнее. Конечно, не дельцу Лопухину, а Пете и Ане — еще одной чеховской вариации образа погорелого Федотика. А ведь Аня и Петя бомжи!

Нам, людям русской литературы, любезен не Лопухин, а Петя и Аня да еще житомирский кузен Лариосик, на словах воспевающий кремловые шторы, а на деле моющий водкой пол в доме Турбиных, фатально гибнущем в огне гражданской войны (кстати, именно так — «Дом Турбиных» — первоначально называлась, по некоторым данным, пьеса М.Булгакова).

Вырубаемые сады, предназначенные на слом дома, распадающиеся семьи — вот излюбленные русской литературой и общественностью символы. Ах, эта вечно прохудившаяся крыша в избушке бабушки Ненилы! Как посравнить да посмотреть век нынешний и век минувший, то невольно приходишь к выводу, что не так уж и дорога русскому писателю починенная крыша у нениловой избы. Более того — не обидится ли он и не сочтет ли за профанацию собственных общественно-политических и нравственных идеалов факт починки всех русских избушек, если бы такое совершилось?

Среди казусов народной мудрости, отличной в пословицы и поговорки, приведем лишь один — самый известный и на первый взгляд самый безупречный: «Один с сошкой, а семеро с ложкой». Вот ведь как нехорошо захребетничать!

Американский фермер, один кормящий не семерых, а около двухсот жителей страны и ничего, кроме законного чувства гордости, по этому поводу не испытывающий, в нашей пословице в виду не имеется, это уж точно.

Короткая вылазка в область живого великорусского языка предпринята с единственной целью — показать, как незаметно формируются наша картина мира, наши общественные идеалы, в конце концов. Мы говорим о чае так, как его пьем, а пьем — как пишем.

Чтобы выпить чаю, его нужно просто-напросто заварить, налить в чашку и выпить, как недавно учил нас по телевизору турецкий рекламный ролик. И при этом мир не перевернется. Даже турки поняли это прежде нас.

Фашизм — как бы его ни называть — это тот случай, когда обывателю не дают возможности спокойно выпить чашку чая уже теперь, а не в светлом коммунистическом или капиталистическом будущем. Фашизм начинается тогда, когда обывателю не разрешается быть обывателем.

И тогда из людской массы можно лепить что угодно, даже скульптурную группу «Рабочий и Колхозница за чашкой чая в Мытицах, близ Москвы»...

Рис. М.Яшина

ПОПКИ И ГРУДКИ

«Девочка с пляжа извне», США,

реж. Элен Кэбот
«Желание убивать», США,
 реж. Энди Сидарис
«Горнолыжная школа», США,
 реж. Демиан Ли

Сюжеты в такого рода фильмах не имеют никакого значения. Ни для их производителей, ни для зрителей. Героини в них могут быть кем угодно.

Инопланетянками («Девочки с пляжа извне»), суперагентами («Желание убивать»), горнолыжницами («Горнолыжная школа») и т.д. Исполнительницам вовсе не обязательно уметь играть, но вот эффектные позы а-ля «Плейбой» и «Пентхаус» они обязаны уметь принимать. И еще чем они обязательно должны обладать — аппетитными грудками и привлекательными попками. Это аксиома данного жанра. Эдакого неоклассицизма с соблюдением единства места (курорт—койка—душ), времени (летний отпуск: даже если «мороз и солнце — день чудесный»), действия (максимальное количество раздеваний в минуту).

Необходимый антураж: голубое небо, синее море, белый снег и желтый песок, пара-тройка мускулистых партнеров, позаимствованных из рекламных роликов, и массовка, состоящая из таких же привлекательных попок и грудок. И все. Кино снято: налетайте, пацаны! Рекомендации к употреблению: взрослым — полистать (видео здесь незаменимая вещь), как случайно подвернувшийся «Плейбой», и забыть; подросткам — удовлетворив естественное любопытство и приобретя первоначальный опыт в общении с противоположным полом, перейти к непосредственному контакту со своими сверстниками. Побочные действия от чрезмерного употребления: у взрослых — потеря времени и ощущения реальности, у подростков — преждевременное истощение организма и выработка комплекса неполноценности. Помните! Такого «кина» много, а жизнь одна!

Фильмы представляет Петр Смирнов

Харрисон Форд

БЕГ К ПОБЕДЕ

«Беглец», США,
 реж. Эндрю Дэвис

Врача осудили за убийство жены, которую он, конечно же, не убивал. Побег из тюрьмы. И бег от полиции в погоне за настоящими преступниками. В финале беда сменяется победой. Сколько их было, таких боевиков, и сколько еще будет. Но в данном случае в главной роли Харрисон Форд. Обаятельнейшая звезда. И в результате — не средний боевичок, а добротный, крепкий фильм, на который не жалко потратить пару часов.

КАК ПЕНЬ В ВЕСЕННИЙ ДЕНЬ

«Колдовской апрель», США,
 реж. Майкл Ньюэл

А знаете ли вы, как скучно и тягостно жить в сыром и дождливом Лондоне начала века? Особенно, если вы типичная англичанка балзаковского возраста. А муж только и знает, что по

балам и приемам шастать да курь молоденьким леди строить (у подруги супруг тоже не подарок: одни счета на уме и «что у нас на обед сегодня, darling?»). А где-то в далекой Италии много солнца, моря, цветов и прекрасный замок, который сдается на весь апрель. Только-то и нужно что потратить несколько фунтов, отложенных на черный день, да найти нескольких компаньонов, чтобы не было так накладно. А дальше начнет действовать колдовской импортный апрель. И все переменится. И сами героини, и приехавшие к ним мужья. И найдет великосветская львица, у которой мужиков хоть пруд пруди, а единственного так и нет, этого самого единственного в лице владельца замка. И даже старая чопорная леди начнет разглядывать свои детские фотографии, а на прощание воткнет свою, ставшую теперь ненужной по причине целебного воздуха, трость в землю, и та зацветет, как в сказке. Э-э, да что тут говорить — помните песенку из нашей старой «Весны»: «И даже пень в апрельский день березкой снова стать мечтает»? И мечтает, судя по всему, вне зависимости от эпохи, климата и общественно-политического строя. И это здорово!

ДОЧКА ОТ ПАПЫ НЕДАЛЕКО ПАДАЕТ

«Схватка с Эленой», США,
 реж. Дженнифер Чемберс Линч

Эротические триллеры, как и ужасники, служат американцам чем-то вроде острого соуса к пресным гамбургерам. Жизнь, конечно, нужно в семье и законном браке, но скучновато, а бегать на сторону, может быть, и романтично, но в результате себе и окружающим дороже. Короче, безумные страсти хороши только на экране, а в жизни нет ничего здоровее, чем проверенные супружеские ласки.

Итак, жил да был один хирург. И девушка у него была, можно сказать, почти жена. А он взял и воспылил нечеловеческой страстью к роковой Элене. А она ему ноль внимания, хотя — остальным мужикам совсем наоборот. Тогда-то он и заманил ее в свой дом. И... ампутировал ей сначала ноги, чтобы из дома ни ногой, а потом и руки, чтобы не распускала их, когда он ей внимание оказать попытается. Вот так и родилась эта великая любовь между доктором и четвертью тела его пациентки. Жаль только, что в финале он... проснулся и видит: у Эленки с ручками и ножками все в порядке, но стерва она первостатейная. И обратил он очи снова на свою давнюю и верную подругу. Кстати, поставила этот фильм Дженнифер Чемберс Линч — родная дочка знаменитого твинпиксовского Линча. Причем поставила так, что полностью опровергла пословицу про яблоко, которое недалеко от яблони падает. Далеко, ох, как далеко, судя по фильму. И не в лучшую сторону, увы.

ВИДЕООБМЕН

БОЛЬШОЙ ВЫБОР ЗАРУБЕЖНЫХ ФИЛЬМОВ-НОВИНОК!
 Для граждан — 500 руб. в сутки.
 Для организаций по безналичному расчету — 550 руб. в сутки.

Наш адрес:
 Петровские линии
 1/20
 напротив гостиницы
 «Будапешт»

Виктория БЕЛОПОЛЬСКАЯ

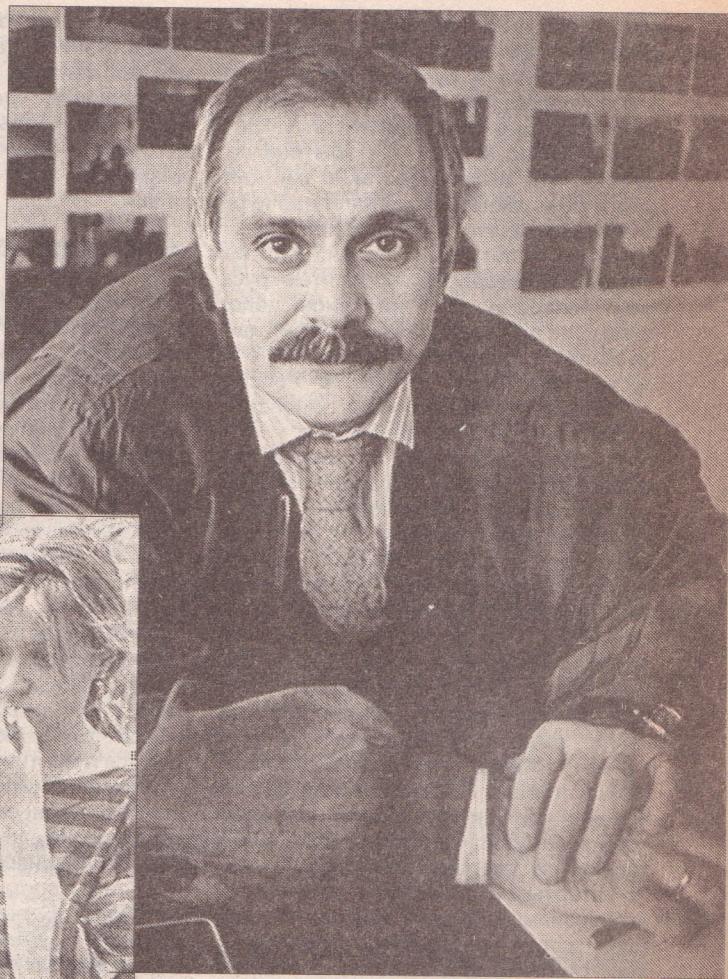
ИЗ ЖИЗНИ АРТЕФАКТОВ

Наш Никита Сергеевич

Он всегда стоял особняком. Причем особняком с колоннами. В нем была монументальность и отдельность. Ему удавалось то, что, по определению его знаменитого тезки Хрущева, не может удасться никому: стоять у власти и одновременно быть в оппозиции. Он был истеблишментом по происхождению и вольнодумцем по социальной роли. Порой его фильмы были близки к «полке», и он же отодвигал на «полку» режиссерские биографии. У него было то, чего не было ни у кого на моей родине: нескрываемое аристократическое происхождение и принадлежность к номенклатуре, хорошее семейное воспитание и блестящая карьера, большой талант и никакой «зависти действием» со стороны коллег. Он никогда не жил обиденной жизнью моей родины, а стал — ее визитной карточкой. Его всегда много: много его странноватой, громоздкой, но спортивной фигуры, его многочасовых выступлений по телевидению, его вечных проповедей о «малых сих» со сцены, его широкомащтабных западных постановок, вызывающих в памяти блокбастеры зрелого Бондарчука. «Урга» по эстетике и по степени идеологической насыщенности — почти «Красные колокола».

Его много, и он везде: в Европейской киноакадемии, на съемках в Сибири, на исторических съездах Союза кинематографистов, в Фонде культуры. В его жизни слишком много всего наворочено: его любовь к знамени-

* Артефакт (от лат. arte — искусственно и factus — сделанный) — биологический термин, обозначающий образования или процессы, возникающие иногда при исследовании биологического объекта вследствие воздействия на него самих условий исследования. Искусствоведы широко используют этот термин.

Отец и дочь Фото О.Чумаченко и Л.Гришиной

тому папе, его почитание великой мамы, его «Феликс», его фантастический брат, его мужская неотразимость, его женитьба и развод с нашей прелестной Ассолью, его дурацкая дружба с Руцким, в конце концов, пожалуй, он единственный из наших режиссеров, кто преуспел западнее Прибалтики. На его фильмы ходят священники, люди из дипкорпуса плюс итээровцы, алчущие пищи духовной. Все, что бы он ни сделал, будет воспринято. Это не пошло ему на пользу. Он слишком много значит. Значит — в семиотическом смысле: за ним встает целый пласт отечественной мифологии — российской, советской и русской. Он олицетворяет живучесть российского имперского и советского сознания, большого стиля бытия в метрополии и восприятия «России» за дальним европейским рубежом. Обратите внимание, он никогда не делал ничего, чтобы его помнили. Ему всегда были чужды евшушенковские потуги, проникнутые ужасом, что его забудут: от чичиковских пиджаков с искрой до идеологических демаршей. Михал-

кова помнят и так: за то, что ЗНАЧИТ. Ему полноценно завидуют — он вызывает зависть как всякий абсолютно состоявшийся человек. Но состоялся он не столько как человек, сколько как экспонат, как часть заповедника российской имперской жизни. Он стал чисто мифологической и чисто эстетической величиной — артефактом. Недаром же его выступления перед собственными фильмами, ставшие теперь почти обязательными, составляют единый хепенинг с собственно произведением. Его барственные легкие интонации, его остроумная недалекость (типа ситуации с публикацией М.Соколова в «Столице» — хотел Михалков на автора в суд за клевету подать, а потом, дескать, увидел автора по телевизору и раздумал: пусть его, болезного...) — все это стало чем-то вроде специфической горечи кампари, незабываемым привкусом изысканных михалковских блюд. После выхода в наш кинопрокат фильма Бессона «Никитá» мне так хотелось написать статью о Михалкове одноименную и тоже с ударением на последнем слого — по-французски, по-европейски.

О том, что он представляет собой экзоспортивный вариант так называемого русского духа и русской духовности, что он последний, кто дерзнул любыми способами поддерживать у Запада интерес к нам — чтобы они не думали, что мы теперь такие же, как они, и по-прежнему выделяли нас курсивом. О том, что он последний из достаточно культурных людей, кто не стесняется задавать «проклятые русские вопросы», зная, на самом деле, дурацкие русские ответы. О том, как он живет в своем иллюзорном мире и продолжает поиск разума в России — потому что вопрос «Кто виноват?» происходит из убеждения, что у кого-то здесь есть какой-то умысел, замысел или заговор. Сгорел особняк возглавляемого Михалковым Фонда культуры, а он убежден, что это поджог, будто не знает, что все полыхающее в России полыхает синим пламенем махрового разгильдяйства. И те проклятые вопросы, которыми он задается, и он сам — экспонаты одного музея. Какого-то хорошего, уютного русского музея... Дома-музея, где текла когда-то размеренная и уверенная жизнь мощной державы (вроде домика Н.Кончаловской на Николиной горе) и где теперь надевают прямо на уличную обувь войлочные тапочки и скользят по старорежимно-натертым паркетам школьными экскурсиями... Музея Герцена, что ли? Где портрет папеньки на стене, рукопись-творенье под стеклом и... Нет, не тот музей, там в одной из витрин лежит детская белая перчаточка, перчатка маленького герценовского сына, погибшего вместе с матерью и гувернанткой, утонувшего вместе с кораблем, на котором они плыли. Беленькая крохотная перчаточка, единственное, что осталось отцу... Тогда, в восьмом классе, она вызвала слезу у экскурсанток... Нет, Михалков не из этого музея. Хотя и сделал документальную картину «Анна» — тоже своего рода «Былое и думы». Да и связанную с ребенком — его собственной дочерью Аней. И картина эта тоже достаточно драматична, но не вызывает ни слез сострадания, ни слез умиления. Став артефактом, Михалков ухитряется произвести то же и со своим ребенком. Из живой девочки — музейный экспонат...

...Так вышло, что он никогда не жил жизнью моей родины, жизнью моей или соседской семьи. Но так вышло (вышло из его таланта), что сделанные им фильмы стали буквально «своими среди чужих, чужими среди своих...» Они принадлежали не его конформно-благополучному, кормушечно-номенклатурному миру, а моему — миру девочек и мальчиков из хороших, бедноватых «служащих»

семей. Я выросла на этом, на этом декадентски-изысканном «Ка-тя, Ма-ша, что вы делаете в авто?», на почвенно-стихийном «дай мне силы, божья мать, все белье перестирать», на «Кто-кто? — Конь в пальто!». И на — «Маменька приехала! Маменька приехала!»

Анюта, которую мы потеряли

Приехал в данном случае папенька. В разные годы в разные исторические моменты приезжает папа на разных иномарках и в лугах малой родины из-за руля беседует со своей дочерью — она приходит с лугов, как прибежал к маменьке Илюша Обломов в папином же фильме. Михалков-отец на протяжении 13 лет для будущего фильма снимал свою дочь Анну. Он снимает ее шестилетнюю, потом подростка, потом — почти взрослую девушку, потом — совсем взрослую. Он задает ей все эти 13 лет одни и те же вопросы: что ты любишь? чего ты не любишь? чего тебе сейчас хотелось бы больше всего? чего ты боишься? Она отвечает. Ее ответы рифмуются и монтируются с жизнью огромной страны, империи, иногда — планеты. Смерти и смены вождей, процветание и крушение режима, падение совколонизма, катастрофа с «Челленджером», Афганистан — а она отвечает. «Больше всего хочется крокодила» — в шесть лет. «Больше всего люблю, когда ты, папа, дома» — в восемь. «Больше всего боюсь, что будет война» — в 10. «Больше всего хочу, чтобы у нас был хороший правитель» — это в 11. «Хочу, чтобы наш правитель был мудрый и хорошо о нас заботился» — в 12.

Первые десять минут фильма Михалков объясняется со зрителем — почему он решил сделать этот фильм и как было трудно его, подпольный, делать. Он хотел понять, где пересеклось и где разошлось взросление рыженок Илюши Обломова в российской империи и рыженькой Ани Михалковой — в советской. Они и пересекаются в фильме — детство Ани и кадры из «Нескольких дней из жизни Обломова». И тут начинаются вопросы. Во-первых, мне кажется, что ничего особенно хорошего из маленького Илюши не получилось и мерилом духовности он служить никак не может. Обличения подавляющей личностью советской империи, таким образом, не особенно верны — ведь российская подавляла не меньше. А во-вторых, все время всплывает проклятый вопрос о цели и средствах, эта музейная белая перчаточка и слеза младенца — ведь как ни крути, а Михалков использует собственного ребенка как инструмент ис-

следования и орудие борьбы с подавляющей идеологией. Нет, мне это не нравится. Мне не нравится, что папа разговаривает с дочкой все больше из машины, да еще иномарки. Он, наверное, не понимает трагикомической двусмысленности мизансцены — он занят собой, своей работой, своей карьерой, он не скрывает, что видит дочку редко, в жизни девочки он, кумир, победитель, всегда проездом... Зачем же тогда винить подавлявший детскую личность режим, когда девочка после смерти Брежнева (потом — Андропова) говорит о «хорошем правителе»? Тут достаточно папы, который не защитил от идеологического прессинга своего ребенка, это его, папы, не было тогда рядом — ведь за два года до того девочка говорила тоскующе, что любит, когда папа дома... А его нет. Он далеко и мыслит мифологемами, устойчивыми штампами массового сознания да еще ищет виновного вне себя. Большевики — это плохо, они-то во всем и виноваты, а домик с ясными окошками, «малая родина», где выросли они с братом, — это хорошо. Режим, подавляющий личность, — ужас, а русская духовность — отрада и прелесть... Михалков хирургически смело отделяет народ от толпы: «под этими крышами (план какой-то деревни) шла совсем другая жизнь». Это толпа ковала себе чугунных кумиров, а народ — совсем другое дело. Будто бы никакой Жириновский в Думу на белой лошади не въезжал. Толпа — это те, кто с лозунгами, а народ — это хорошо, он нам в наследство от дедушек, Кончаловских и Суриковых, достался. При ужасном большевистском режиме дедушка Ани вынужден был скрывать свое высокое происхождение и изменить ударение в своей аристократической фамилии Михалков. А я вот из «кухаркиных детей», и мой разnochинский здравый смысл напоминает мне, что дедушка еще кое-что сделал в угоду режиму — например, гимн СССР, и не только. Хотя вспомнить об этом — дурной тон, но ведь обращаться к природе тоталитаризма за оправданием детского конформизма не стоит. Высокое семейство знало примеры конформизма похлеще, а детский конформизм не нуждается в оправдании. В случае, если его, маленького, частного, не обобщать до огромного, мифологического. А для «Анны» это так характерно. Восемнадцатилетняя Аня заплачет перед отъездом из дома — она уезжает учиться, надолго и далеко, за границу, за множество границ — в Швейцарию. Она не планирует там обосноваться, потому что «у нас лучше». Ее слезы над этими словами так понятны — домашняя девочка, на-

верное, в первый раз уезжает из дому... Но нет, одержимый страстью к обобщению папа истолкует ее слезы как плач над судьбой многострадальной родины. А у меня вот, увы, нет детей. Но если б были, то мой ребенок не был бы ни осколком империи, ни жертвой родной «тоталитарки», ни носителем одухотворяющего начала. Он был бы только моим ребенком. И девочка эта в кадре — на самом-то деле просто Анюта, а не символ, не метафора и не носитель чего-то там. Михалков-артефакт и из своей героини пытается создать артефакт. Отчасти ему это удается. И тенденция эта столь властна, что даже признанный ас отечественной документалистики Сергей Мирошниченко (читаем в титрах: «Сценарий и постановка Н.Михалкова при участии С.Мирошниченко») по-самурайски приносит свои фильмы в жертву «музейной» михалковской харизме — в «Анне» то и дело появляются знакомые эпизоды из мирошниченковских «Госпожи тундры» и «Частушка. XX век»: то народную жизнь проиллюстрируют пением самим же народом частушек на «пяточке», то тезис о кровоядности и противоестественности

советского режима подкрепят кадрами охоты на волков с вертолета. Снято сверху, с вертолета, получается очень метафорично. Говорят, монтировал «Анну» по преимуществу Мирошниченко. А это, в сущности, характеристики: расположив свои картины на материал для михалковских обобщений, Мирошниченко-документалист доказал свою преданность Михалкову-мифу.

Обаяние этого мифа действительно велико. Это обаяние мифологического сознания, владеющего Михалковым. И зиждется оно на чисто порусски успокоительных ответах на «проклятые русские вопросы»: нет, народ не виноват, виновата толпа, кующая молохов-кумиров; на этом русское интеллигентское сознание может умиротвориться и продолжить традиционное народопоклонство; да-да, русская интеллигенция (сколь бы вчерашним и эфемерным ни казалось это образование) существует. Странно, правда, что в эту категорию, по Михалкову, угодили И.И.Обломов и он сам, на самом деле оба они — типичный государственный истеблишмент, ну да бог с ним. Хуже с Обломовым: теперь-то уж совсем невозможно не замечать того факта, что без

Обломова большевики ни за что не прошли бы — ни к власти, ни к массовым мозгам.

Да-да, есть, есть русская духовность, и выливается она у Михалкова в подсовывание книжек сомнительного философского содержания в тюремное окошко Руцкому, теоретическое подковывание отечественных пиночетов.

И то, что народ наш не равен толпе, и то, что духовность и интеллигентность имеют национальность, — все в «Анне» идет в ход, чтобы сохранить в неприкосновенности традиционную российскую убежденность в нашей исключительности, в том, что за нами будущее.

Испугалась-то я по-настоящему уже на последнем эпизоде «Анны». Вдали, в тех же лугах «малой родины», угадывается крохотная фигурка. Голос режиссера за кадром: «Там стоит моя следующая героиня. Ей сейчас шесть лет». Это девочка Надя — вторая дочка Михалкова. Страшная мысль втемяшилась мне в голову: не потому ли он назвал ее Надеждой, что у него уже сложился замысел следующей картины, для которой название «Надежда» — самое подходящее? ■

ДИКИЕ ЖИВОТНЫЕ СКАЗКИ

ЛЕЙБЛ

Людмила Петрушевская

Свинья Алла не меняла меню: берется первое, берется второе, мешаем, все это поливаем компотом с винегретом, выходит большая экономия времени, затем моем народным способом (остатки сладки).

Однако при таком ускоренном питании свинья Алла подметила, что ее мини от Славы Зайцева больше не надевает на талию.

— Справна дивчина, — сказала себе свинья Алла и померила мини на шею, но и там не сошлось.

— Це гарно, — отметила свинья Алла и надела мини на ногу, там даже оказалось с запасом, к вечеру мини съехало и упало туда, откуда возврата нету, т.е. в органику.

Причем Алла впопыхах наступила туда же четырьмя ногами.

Однако вещь не пропала, после орошения полей удобрениями на мини, лежащее в борозде, набрела семья, жук-солдат Андреич в сцеплении с женой Веркой.

Мини-то мини, а кому и вообще макси, и жук-солдат Верка одела-обула себя, детей, мужу справила тельник, ватные штаны и галоши, а сестре мужа, золовке жуку-солдату тете Лиде, пе-

репал отрез на плюшовку и полушалок, да и слобода попользовалась, муравьям вышла матке на свадьбу фата.

Жук-солдат тетя Лида в долгу не осталась, приехала с флягой гнилухи своей пастеризации, бешеной тли молочко.

Короче, жук-солдат Андреич пошел в результате на экстаз, порвал на грудях тельник мало того что у себя, но и у Верки ликвидировал напололам панталоны, а у муравьиной матери фату.

Только жук-солдат Лида нашла ухорон в пустой фляге.

Однако сохранился еще большой кусок мини, его жук-солдат Верка спрятала на гумне, а после всего пустила по рукам как одеяло, укрывалась в непогоду вся семья, и золотые буквы ярлыка «Слава Зайцев» видны были издалека.

— Лейбл, — уважительно говорили младшие, новое поколение, — туши свет, блин, фирма.

Предыдущие «Дикие животные сказки» читайте в №№ 22—25, 1993 г., и в №№ 1—17, 1994г.

Вера ПАВЛОВА

ДЕВУШКА ПЕЛА

...Так и колеблюсь я, — и наслаждение опасно, и спасительное влияние пения доказано опытом... Я все-таки скорее одобряю обычай петь в церкви: пусть душа слабая, уживаясь звуками, воспрянет, исполняя благочестия. Когда же со мной случается, что меня больше трогает пение, чем то, о чем поется, я каюсь в прегрешении: я заслужил наказания и тогда предпочел бы вовсе не слышать пения. Вот каков я! Плачьте со мной и плачьте обо мне...

Блаженный Августин, IV век

Лик, покрытый лаком, под стеклом. Вбегая на клирос, отражаешься в этом зеркале и машинально поправляешь платок, волосы, выраженья лица. Царские врата уже открываются — дайте тон, тон дайте!

До — ля — фа. Аминь.

Молящийся, который должен стоять лицом к алтарю, видит в основном затылки ближних. Потому так притягательны для взгляда разнообразно повернутые к зрителю певчие: «И каждый из мрака смотрел и слушал, // Как белое платье пело в луче».

С клироса вид другой: лица, лица, лица... Перебираю их как четки: бабка, молившаяся вчера: «чтоб ты сгорел... чтоб тебя разорвало...», сутулый молодой человек, перед самым причастием вынимающий соску изо рта младенчика (и тот никогда не плакал «о том, что никто не придет назад» — может, придут?..); стилизованная боярыня (попадья?), стилизованная гимназистка (поповна?), поклонник альтихи («твой опять пришел»), муж сопранки... Паства.

Певчие — особая каста. Даже среди музыкантов. Будет неточностью назвать их певцами. Не только потому, что среди них — обвожу взглядом наш хор — скрипачка, клавишник, джазовый пианист... Потому еще, что они лишены права на фразу: «Сегодня я не в голосе». Певчие — как птицы — всегда в голосе (в голосе, внутри его — словно голос окружает тебя не то облаком, не то броней): в семь утра, когда уважающий себя певец рта не откроет, в большие дни, с похмелья, в несчастьи...

Отпевали свою учительницу, отпевали учившую нас петь. Как никогда, боялись сфальшивить — и фальшивили, пугались. Ее дочь, тоже певчая, стояла у гроба, не спускала глаз с неузнаваемого лица, ничего не видела, кроме этого лица. Но — слышала каждую фальшивую ноту, но — проклятые поюших! — беззвучно подпевала. И когда мы окончательно заплутали в гласах, рванулась от гроба на клирос, поправила нас, запела с нами.

И заплакала.

Венчание мы знали лучше, чем панихиду. Наметанным глазом определяли, кто грохнется в обморок — жених

или невеста (с женихами это случалось чаще), четко реагировали, когда от свечки вспыхивала фата (у каждой пятой), тропарь и «Исаию» пели наизусть. Пели «рабу Божьему Василию» (в миру Вилли Токареву), попутно не пуская в алтарь многочисленных фотографов. Пели рабу Божьему Илие, нашему баритону, венчавшемуся с нашей альтихой и чуть ли не из церкви уезжавшему в Израиль — без нее. «Благословит тя Господь от Сиона, и узриши благая Иерусалима вся дни живота твоего»... Ее взгляд из-под венца пересекал гос. границы. Через полгода она последовала за ним.

Певчие — каста, а значит, у певчих — своя мифология, свои байки и шуточки. Все это ждет летописца. Тут и — каких-то десять лет назад! — пасхальные облавы и исключения из консерватории и Гнесинки (сама чуть не подпала), всемогущий РайФО (каких-то десять лет назад певчий мог разбогатеть) и пение на гласы во время попевок передовиц «Правды»... Из милых сердцу — одно воспоминание: в храм женщине в брюках нельзя, а в институте только в брюках и можно. Прибегаешь в храм из института — и в подворотне закатываешь джинсы, чтоб из-под плаща не было видно. Ой, и платок забыла! И не только я. Испепелив нас суровым взглядом, стареющая регентша вынимает из кармана, как фокусник, платок за платком и повязывает нам — крепко и криво. А мы все равно красивые!

Священник не выбирает церковь, певчий клирос — выбирает, перелетает с одного на другой по воле случая. Наше время придумало ему новое испытание — пенье в разрушенном храме. В таком пела моя подруга: леса, битый кирпич, вырезанные из журналов репродукции икон... И — буржуйка по-черному, у самого клироса. Выстояла всю зиму. До сих пор кашляет черным. И поет — в другом храме, тоже новооткрытом, тоже разрушенном заметнее, чем восстановленном.

Два раза пришлось петь просто на улице: Пасху — возле очень маленького храма, в котором было так много народу, что проникнуть внутрь после Крестного хода не удалось. Тогда мы открыли «Последование» и пели у крыльца, и никто в окружившей нас толпе не подпевал, даже «Христос воскрес». А «Христос рождается» мы пели у ворот другого храма — деревенского, огромного, с надписью через весь фасад: «Не курить», оказавшегося запертым в Рождественскую ночь.

Но это — возле храма, под его воздушной, «селиверстовской» сенью. Еще шаг — гигантский шаг — вовне... — и мы поем на сцене Дома Советской Армии. В зале — мужчины, носящие на выход не белые, а черные рубашки. Услышав первые слова «Верую» Чайковского, они начинают один за другим подниматься и креститься, скрипя портупейми. А так как их много, все наше тонко нюансирован-

ное исполнение тонет в канонаде захлопывающихся ступеней.

Сколько литургий и всенощных прошло через мое горло! Но за двенадцать лет я так и не разгадала их тайны, того гениально рассчитанного последования вдохов и выдохов, задыханий и пауз, цепного (альпинистская связка, но голова все равно кружится) дыхания и коротких дружных воплей — когда просто физически ощущаешь, как вместе с воздухом грудь наполняется духом. И, покидая клирос, ты неизбежно счастлив.

Лестница Иакова представляется мне гаммой. Той гаммой, по которой взбирается голос диакона, читающего Апостол или Евангелие. Нота за нотой, ступень за ступенью, выше, выше... Выше — кончается голос и начинается купол.

«Романе, отче наш, ангельское бо пение составив, боголепно показа житие свое, Христа Бога моли от искуса и бед избавитися поющим». Это — молитва певчих. В ней — Роман-сладкопевец, регентующий в Раю, и красноречивая просьба к нему — избавить от искуса (и уже во вторую очередь — от бед). Этот искуса — искусство.

Ты — певчий, ты — голос, а не певец. Ты должен петь красиво — и не красоваться. Ты должен петь «чистым сердцем» и только потом — и потому — чисто. А у тебя — несмыкание, ошибки в переписанных тобой же нотах, фальшивый тенор над ухом... Когда же нестройный «аминь» смолкает, в дырявом куполе недовосстановленного храма вступают воробьи, еще один воробей вылетает из алтаря, и память услужливо подсовывает Набокова: «Твой смуглый первенец, лепивший воробьев// На солн-

цепеке в Назарете» и зачем-то Баранкина: «Вот я, вот я превращаюсь в воробья».

До — ля — фа. Господи помилуй.

Духовная музыка. На первый взгляд тавтология и высокомерное вытеснение всей прочей музыки в сферу недуховного. Но, приглядевшись, замечаешь, как акцент смещается на второе слово: бедняжке нужно убедить, что она — музыка, потому что духовность ее слишком очевидно — в слове. Поэтому бабки на Ордынке, где регентовал легендарный Матвеев, раз в году кривились: «Опять Рахмана поют» — Рахманинов был для них слишком музыкой, слишком искусством — искусством. Поэтому я так обрадовалась, узнав, что на моем венчании будут петь бабки.

По той же причине сделанное для церковной музыки Рахманиновым, Чайковским, Ипполитовым-Ивановым, Гречаниновым видится не дерзновенным диалогом, а монеткой в щелку ящика «На благоуукрашение храма», а то и строчкой в когда-то заздравной, а теперь поминальной записке.

Мы так и писали иногда: о упокоении Сергея, Петра...

— Веруешь?

— Ответ я могу только спеть.

Пою. Но голос подламывается, дыхание сбивается — мне не хватает хора. И вот мы поем хором, тянем гласные, опираем на диафрагму.

Но только когда вступает паства, бесформенная, не поспевающая за дирижирующей дьяконской дланью, и плоские старушечьи голоса встают мне поперек тембра, заставляя петь альтом, в терцию, — только тогда я больше не боюсь перепутать слова.

РОСКОШНЫЙ ХУДОЖНИК ТУМАНОВ

У этого художника нет грустных картин. И темных, тусклых, туманных тоже нет. Все его большие и малые картины и картинки веселы, пестры и нарядны, как помянутые в свое время Гоголем «именины сердца» и «майский день».

Кому-то это может показаться странным, кто-то сочтет это за творческую односторонность и даже (страшно сказать!) салонность. Пусть так. Самому художнику до сих просвещенных мнений нет дела. Он занят: пишет очередного пышнохвостого петуха на фоне цветов и затейливой провинциальной архитектуры или свои знаменитые городские пейзажи, сверкающие золотыми крестами церквей, вывесками контор и магазинов, конными экипажами и прочей российской ностальгической пестрорядью.

Лубок, народный примитив и даже кич лебедевым с оборочками и рюшечками, ярмарочный шум и гам, забытый народом, посередевшим за время правления самой передовой партии нашего времени, — все эти компоненты есть у Александра Туманова, и все они соединены в одно целое уверенной рукой профессионала, а не суетливыми лапками коммерческого мазилки, восседающего в каком-нибудь бойком месте Москвы, Питера или Берлина с парикмахерской тоской на лице — «чего изволите?».

Туманов изволит красить яркой синей краской и яркой желтой, и другими яркими. Ту-

манов пишет одиноко стоящий или одиноко растущий цветочек. Лично мне эти одинокие цветочки нравятся меньше занимательных пейзажей, но и они все очень тумановские — веселые и нарядные. И народные. И даже всенародные, потому что их любят покупать «дети разных народов». Всем подавай радостное искусство. Особенно сейчас, когда конкретный тусклый фон жизни Туманову (по крайней мере в нашей стране) обеспечен.

Странный он, конечно, тип. Не желает соотносить свою веселую эстетику с должествующей вроде бы влиять на нее невеселой действительностью. А может быть, просто ни при какой погоде не читал Н.Г.Чернышевского и других классиков революционно-демократической литературы. А вот своего тезку Пушкина наверняка читал: «Мелькают мимо будки, бабы, мальчишки, лавки, фонари, дворцы, сады, монастыри, бухарцы, сани, огороды, купцы, лачужки, мужики, бульвары, башни, казаки, аптеки, магазины моды, балконы, львы на воротах и стаи галок на крестах».

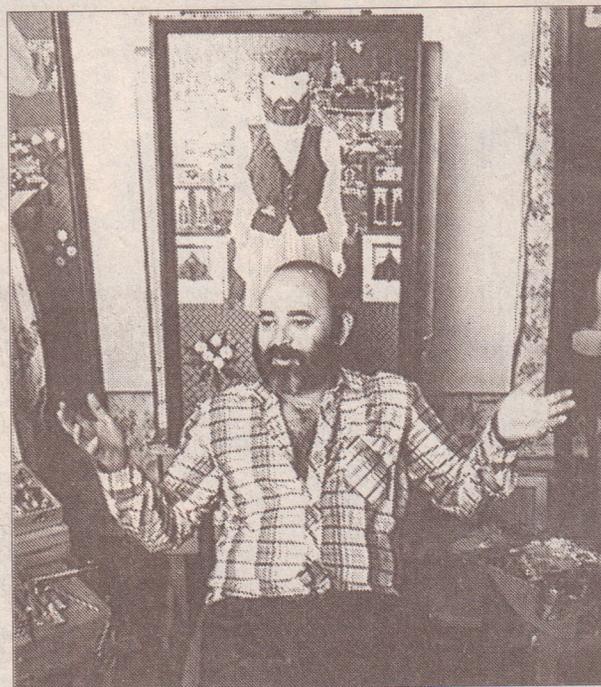
Когда-то Туманов был «малогрузинским» художником, то есть участвовал в левоподвальных, ажиотажно-скандальных выставках, наблюдал вместе со всеми жизнь и нравы Малой Грузинской (дом 28) улицы. Он может многое рассказать о чудесах застойной эпохи развитого сюрреализма и тогдашних высокохудожественных деяте-

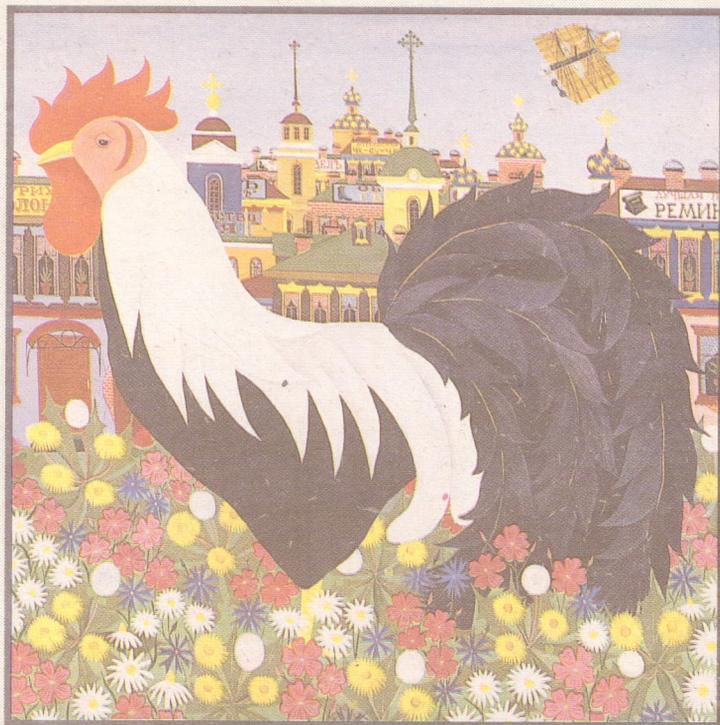
лях, которые и сегодня в форме, продолжают быть очень деятельными, сменив тесную «малогрузинскую» кубатуру на уют и респектабельность Гоголевского бульвара. Наслушавшись однажды тумановских рассказов, я поинтересовался, как воспринималось его творчество в те благодатные времена, и с удивлением узнал, что и тогда к нему относились как к «несерьезному художнику». Впрочем, что же тут спрашивать? Как еще могли восприниматься тумановские «несерьезные» радости рядом с провинциальным душевращением сюрных картин Провоторова и всех старших и младших Гладких, с мглистыми религиозными претензиями Леницкого, с тоскливым, как зубная боль, разнотравьем Лепина и любой липкой эротикой бесчисленных гениев местного значения. В данном случае я не осуждаю «малогрузинскую» эпоху и эстетику скопом. Там же выставлялись и замечательные художники, гонимые официальным Союзом и всеми властями предержавными (В.Яковлев, Д.Плавинский, В.Немухин, М.Шварцман и т.д.). Но общая атмосфера была, увы, тяжелой, в том числе и по причине засилья рукodelьной ремеслухи, считающей «профессионализмом» всякое мелкое ковыряние в красках тонкими кисточками. И ничего тут не поделаешь — такова их «эстетика глазного хрусталика» и реакция обоих полушарий головного мозга.

Могут сказать, что и почтитатели таланта Туманова — это наши и зарубежные «образованцы», рванувшие на российскую экзотику и, в принципе, далекие от тонкостей и проблем профискусства. Но не о них речь. Ценители могут быть и есть любой степени разности. Для меня решающим является тот факт, что наш герой Александр производит весьма здоровый, на мой взгляд, художественный продукт, способствующий росту душевного здоровья населения.

В сравнительно молодой арбатской галерее «Мосфайн-арт» на открытие персональной выставки Туманова пришло, по словам очевидцев, такое количество знаменитых «физиков» и «лириков», что впрям было подумать, что это престижный прием в залах Академии художеств или открытие «декабрьских вечеров» в ГМИИ им. Пушкина. Желаящих выступить с погромной речью и развенчать Александра за его «салонность» и прочие смертные грехи при всем честном народе так почему-то и не нашлось. Все было так не по-сегоднешнему радостно и возбуждено, а картины и картинки так хороши и свежи (как розы, конечно), что оставалось только поздравить художника с его духоподъемным искусством, что я и делаю в очередной раз со всей ответственностью за каждое печатное слово.

Вильям МЕЙЛАНД

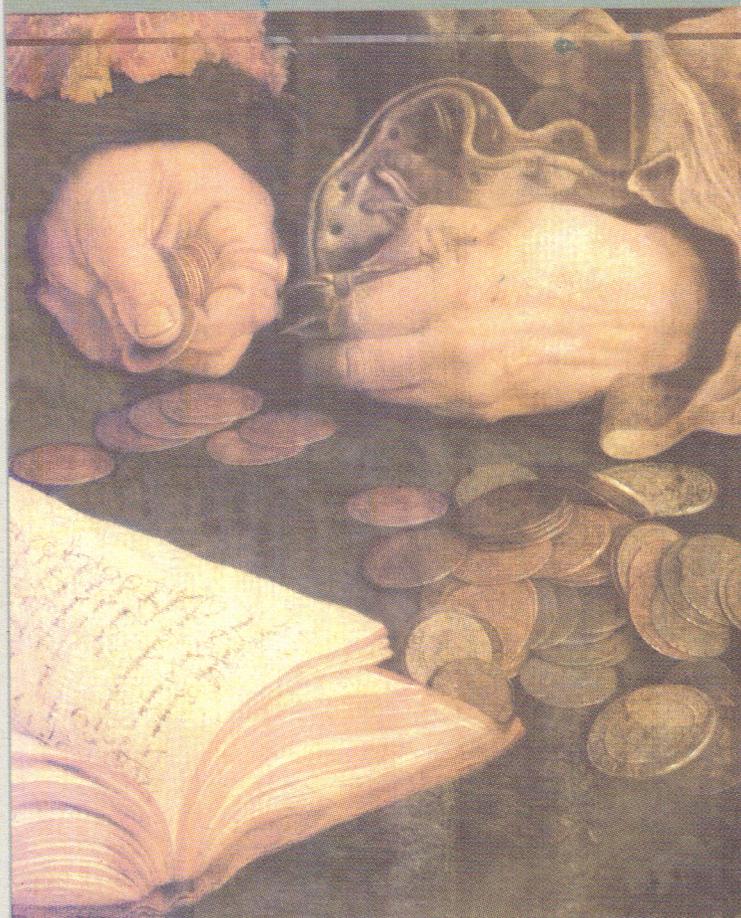

Александр ТУМАНОВ. Петух. 1982

Александр ТУМАНОВ. Пейзаж. 1980

Наличные деньги могут остаться лишь на полотнах старых мастеров да в нашей памяти

Ведь теперь у нас есть банковские карточки STB-card

Адрес: Москва, 113095, ул. Пятницкая, 72.
Телефоны: (095) 236-81-80, 236-80-57. Факс: 236-83-20.
Телекс: 411913 SBANK SU. Телетайп: 114250 СМОЛЯК